

РОБЕРТ ИРВИН ГОВАРД

КОНАН-ВАРВАР АЛАЯ ЦИТАДЕЛЬ

В избранных переводах Марии Семёновой, Елены Хаецкой,
Геннадия Корчагина, Александра Циммермана

Роберт Ирвин Говард
Конан-варвар. Алая цитадель
Серия «Шедевры фантастики (Феникс)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69505543

Конан-варвар. Алая цитадель : рассказы и повести / Роберт Ирвин Говард; перевод М. Семеновой, Г. Корчагина, Е. Хаецкой, А.

Циммермана: Феникс; Ростов н/Д; 2023

ISBN 978-5-222-40715-8

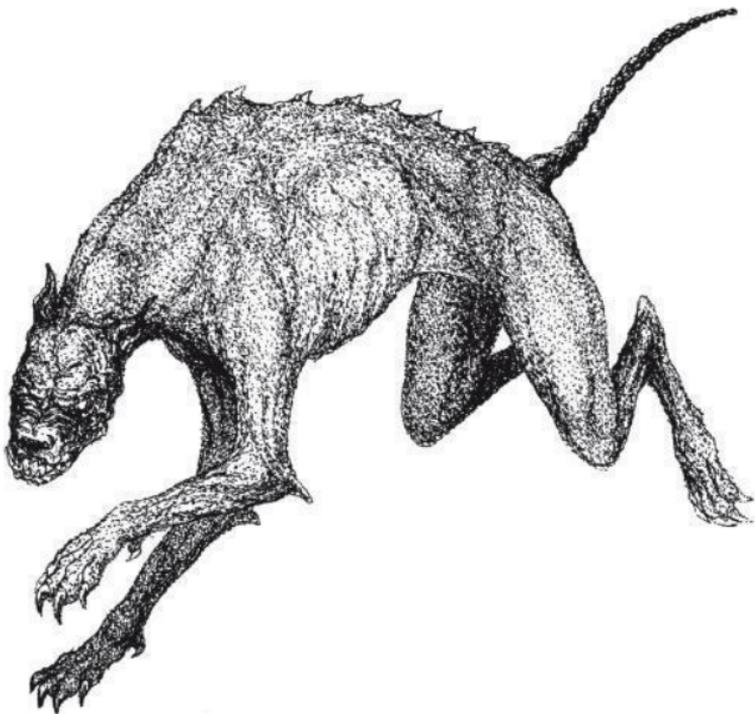
Аннотация

Конан – воин-варвар из Киммерии, придуманный неподражаемым Робертом Ирвином Говардом, основоположником жанра «фэнтези». Один из наиболее ярких и популярных фантастических персонажей XX века, приключениям которого посвящены кинофильмы, книги, компьютерные игры, комиксы. Сага о мужестве, благородстве и героизме, неподвластная времени.

Содержание

Хайборийская эра	6
Сумерки Ксутала	48
1	49
2	83
3	92
4	101
Железный демон	113
1	114
2	118
3	125
4	129
5	140
6	147
Алая цитадель	163
1	164
2	173
3	179
4	203
Конец ознакомительного фрагмента.	208

Роберт Ирвин Говард Конан-варвар. Алая цитадель

Перевод М. Семеновой
Перевод Г. Корчагина

Перевод Е. Хаецкой
Перевод А. Циммермана

ФЕНИКС

© Оформление: ООО «Феникс», 2021

© Перевод М. Семеновой

© Перевод Г. Корчагина

© Перевод Е. Хаецкой

© Перевод А. Циммермана

© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Хайборийская эра

В статье нет ничего такого, что можно было бы считать вызовом официальной науке. Это не более чем вымышленный фон для серии рассказов. Несколько лет назад, начав писать о Конане, я подготовил «историю» его эпохи и живших тогда народов, чтобы придать герою и саге толику реалистичности. И, уже работая над рассказами, обнаружил, что мне проще его представлять себе – а значит, и показывать читателям – как человека из плоти и крови, нежели как умозрительный продукт. Описывая его приключения в разных странах, я не позволял себе идти против духа и буквы этой «истории»; напротив, я так же следовал ее достоверности, как следует достоверности автор настоящей исторической прозы. Моя «история» – путеводитель по рассказам о Конане, и не более того.

О той эпохе, которую немедийские хронисты называют допотопной, нам известно крайне мало, за исключением, быть может, последнего отрезка времени, но даже он скрыт за вуалью легенд и домыслов. Абрис истории проступает сквозь это покрывало с того момента, как пали цивилизации, процветавшие до потопа. Среди них главенствовали королевства Камелия, Валузия, Верулия, Грондар, Тула и Коммория. Люди, населявшие эти страны, говорили на родственных языках, что позволяет высказывать предположение об их общих предках. Существовали и другие государства, с не менее развитой цивилизацией, население которых, однако, принадлежало, очевидно, к более древним расам.

Варварами той эпохи считались пикты, населявшие группу островов далеко в западном океане; атланты, родиной которых был небольшой континент, расположенный между островами пиктов и огромным континентом Турией; и лемурийцы, считавшие своим домом цепь больших островов в Восточном полушарии.

Здесь имеется немало белых пятен. Королевства – очаги древней цивилизации, – несмотря на свое огромное влияние, занимали лишь незначительную часть планеты. Валузия была самым западным государством на континенте Турия, Грондар – самым восточным.

Еще восточнее Грондара, с менее развитым и менее цивилизованным народом, простирались дикие суровые земли,

по большей части пустыни. Лишь в немногих из этих бесплодных областей в джунглях и в горах жили разрозненные кланы и племена примитивных туземцев. Далеко на юге находилась загадочная цивилизация, которая не имела ничего общего с культурой Турии, и, вероятнее всего, происхождение ее было дочеловеческим.

Дальневосточное побережье континента было заселено иной расой, человеческой, но тоже таинственной и нетурийской, с которой время от времени вступали в контакт лемурийцы. Эти люди, скорее всего, происходили с малоизвестного безымянного континента, расположенного много восточнее лемурийских островов. Цивилизация Турии угасала, армии ее королевств состояли по большей части из наемников-варваров. Пикты, атланты и лемурийцы занимали посты полководцев, политиков и – нередко – правителей. О раздорах между отдельными государствами и войнах между Валузией и Комморией, как и о захватнических походах, с помощью которых атланты основали на континенте свое королевство, мы больше узнаем из легенд, чем из исторических описаний.

Затем мир потряс грандиозный катаклизм. Атлантида и Лемурия были поглощены океаном, а острова пиктов поднялись из вод и стали вершинами гор нового континента. Части турийского континента исчезли под волнами или сформировали во впадинах большие внутренние моря. Бурная вулканическая деятельность и страшные землетрясения превра-

тили в ничто роскошные города. Исчезали целые народы.

Варварам пришлось несколько легче, чем цивилизованным расам. Население островов пиктов также было уничтожено, однако уцелела большая колония пиктов, перебравшаяся в горы на южной границе с Валузией, чтобы прикрывать свою родину в случае возможной агрессии. Пережило катаклизм и континентальное королевство атлантов, и тысячи сородичей континентальных атлантов прибыли туда на кораблях в поисках убежища, спасаясь из своей затонувшей страны. Множество лемурийцев бежали на восточное побережье турийского континента, которое сравнительно дешево отделалось. Но там они были поработены древней расой, уже жившей на этом берегу, и вся их история на тысячелетия превратилась в историю беспросветного рабства.

На западной части континента благодаря изменившимся условиям жизни появились новые, необычные растения и животные. Густые джунгли покрывали равнины, широкие реки проложили себе русла к морю, поднялись крутые горы, и моря захлестнули руины древних городов на плодородных равнинах. Из затонувших областей неисчислимое множество зверей и дикарей – в том числе человекообразных обезьян – хлынуло на континентальное королевство атлантов.

Несмотря на то что атланты были вынуждены постоянно сражаться за свою жизнь, им все же удалось сохранить прежний статус достаточно развитой варварской цивилизации. Лишенные месторождений металлов, они обрабатыва-

ли камень, как их далекие предки, и уже достигли поистине удивительной ловкости и искусности, когда развивающаяся культура встретилась с могущественным народом пиктов.

Пикты тоже были отброшены к каменному веку, но во всем, что касалось политики и войны, развивались быстрее. Они лишены творческой жилки, которая имелаась у склонных к искусству атлантов. Это были толстокожие, практичные, крепкие, бесстрашные люди. Они не оставили после себя ни рисунков, ни резьбы по слоновой кости, как их враги, но зато было найдено впоследствии огромное количество на удивление хорошего каменного оружия, изготовленного ими. Два этих государства новой каменной эры сражались друг с другом, и после ряда кровопролитных войн атланты, значительно сократившиеся в численности, впали в глубочайшее варварство; эволюция же пиктов остановилась.

Спустя пять столетий после катаклизма варварские королевства исчезли окончательно. Вместо них мы видим теперь один дикарский народ (пиктов), который ведет непрекращающиеся войны против другого дикарского народа (атлантов). Пикты имели ряд преимуществ: большую численность и единство, в то время как атланты оставались раздроблены на небольшие кланы, слабо связанные между собой. Таков был в то время запад.

На дальнем востоке, отрезанном от всего остального мира появлением гигантских гор и образованием сети озер, лемурийцы сохранялись лишь в качестве рабов под властью од-

ной из древних рас. Далекий же юг терялся под покровом таинственности. Не затронутая катаклизмом, его история остается дочеловеческой. Из других цивилизованных народов турийского континента сохранились в невысоких горах юго-востока остатки земри – невалузийского народа.

Тут и там, рассеянные по миру, встречаются племена обезьяноподобных дикарей, которые вообще ничего не знают ни о расцвете, ни о падении древней цивилизации. На далеком севере, однако, постепенно зарождается новый род людей. Во время катаклизма кучка дикарей, развитие которых недалеко ушло от уровня неандертальцев, бежала в сторону севера, спасаясь от гибели. В странах, покрытых снегом, куда они попали, существовали, правда, уже человекообразные виды снежных обезьян – огромные косматые белые звери, рожденные суровым климатом. Дикари победили их и прогнали за Северный полярный круг, где те, как полагали пришельцы, и нашли свою смерть. Однако в действительности последнего не произошло, поскольку снежные обезьяны покорили и эту, еще более суровую, среду и вполне там процветали.

После того как пикто-атлантйские войны окончательно уничтожили то, что, возможно, привело бы к развитию новой культуры, еще один, более слабый, катаклизм изменил лик изначального континента. Он создал на месте цепи озер Внутреннее море, которое еще больше отделило восток от запада, а землетрясения, наводнения и вулканическая деятельность довершили то, что начали варвары своими меж-

племенными войнами.

На тысячу лет после этого западный мир превратился в дикую местность, покрытую джунглями, озерами и бурными реками. Между заросшими лесом горами северо-запада кочевали толпы человекообразных обезьян. У них не было речи, они не знали огня и не использовали орудий труда. Таковы были потомки атлантов, которые погрузились в беспорядочное животное существование обитателей джунглей, откуда их предки выбирались с таким трудом.

На юго-западе существовали рассеянные кланы пещерных жителей, у которых имелся примитивный язык. Они сохранили название – пикты, но у них это слово служило просто для наименования людей – то есть их самих, чтобы отделять себя от настоящих зверей, с которыми они сражались за жизнь и пропитание. Имя осталось единственной связью между ними и их предками. Ни одичавшие пикты, ни скатившиеся к состоянию обезьян атланты не имели никаких связей с другими племенами и народами.

Далеко на востоке лемурийцы, униженные рабством до звериного состояния, поднялись и уничтожили своих господ. Теперь среди руин странной цивилизации жили дикари. Те из представителей непонятной культуры, кто избежал мести своих бывших рабов, подались на запад. Они напали на загадочное дочеловеческое царство, завоевали его и навязали ему свою культуру, которая благодаря контактам с древними расами несколько видоизменилась. Новое коро-

левство назвали Стигией. Остатки коренного населения этой земли уцелели после завоевания и даже весьма почитались, в то время как их раса была уничтожена. Здесь и там в мире у небольших групп дикарей замечается некий прогресс, но достижения его разрозненны и беспорядочны.

На севере стали подниматься новые племена. Эти люди называли себя хайборийцами, или хайбори; богом они почитали Бори – Великого Владыку, который, согласно легенде, был более могуч, чем король, выведший свой народ в северные пределы в дни великого катаклизма. О нем еще вспоминали древние саги. Эти племена распространились по всему северу и вторглись в страны, расположенные южнее. До сей поры они не имели контактов с другими расами и вели войны между собой. За пять тысяч лет сформировалось племя северных людей. Они были высокого роста, со светлыми волосами и серыми глазами. Они были воинственны, полны жизненных сил и в то же время не лишены способностей к поэзии и искусствам. Большой частью средства к существованию доставляла им охота, хотя некоторые более южные племена уже несколько столетий разводили скот. Но встречались и исключения из правила их почти полной (до определенной поры) изоляции от остального человечества.

Один человек, который отправился в путь далеко на север, возвратился с известием, что в ледяной пустыне, почитавшейся пустой и безжизненной, обитает большое племя обезьяноподобных людей – он клялся в этом, – их уже нель-

зя было назвать дикими зверьми и пришли они из менее суровой страны, изгнанные своими предками. Он настаивал на большом военном походе против человеко-зверей за полярный круг, чтобы истребить их. Эти звери – в чем он тоже поклялся – превратились в настоящих людей. Его высмеяли. Но тем не менее небольшой отряд молодых воинов в поисках приключений отправился с ним в поход. Ни один из них назад не вернулся.

Постепенно все племена хайборийцев переселялись южнее и с увеличением населения избрали именно это направление для миграций. Последующая эпоха стала эрой путешествий и завоеваний: по всему миру началось передвижение и переселение племен, и панорама постоянно менялась.

Поглядим на этот мир спустя еще пять сотен лет. Племена светловолосых хайборийцев передвинулись к югу и западу, они завоевали или уничтожили множество маленьких кланов. Благодаря тому что они смешивались с покоренными народами, потомки древних завоевателей приобрели их черты, и эти новые расы были тут же сметены с пути новыми племенами, переселявшимися в те края, мощно и равнодушно, как метла сметает мусор. При этом они снова смешались и еще сильнее слились со старыми племенами.

Но до сих пор еще захватчики не вступали в контакт с древними народами. На юго-востоке пришельцы из племен земри, которые снова поднялись и стали многочисленны благодаря притоку свежей крови от смешанных браков с абори-

генами, вновь попытались создать хотя бы отголоски своей прежней древней культуры.

На западе обезьяноподобные атланты вновь начали длинное восхождение. Они давным-давно уже забыли прежнее свое бытие в качестве людей. Ничего не зная об иных стадиях развития, они начали свой путь наверх без помощи и без вдохновляющих воспоминаний.

Пикты на юге оставались дикарями и являли собой очевидную насмешку над законами природы, не развиваясь и не деградируя. Еще дальше к югу существовало древнее таинственное королевство Стигия. У ее восточных границ текли кланы диких кочевников, известных в те времена как «Сыновья Шема». Соседом пиктов в большой долине Цингг, охраняемой мощными горами, был безымянный примитивный народец, который в конце концов, как предполагают, породнился с шемитами.

Еще одно обстоятельство дало новый толчок к миграции племен хайборийцев: одно из племен открыло для себя строительные возможности камня. Постепенно возникло первое хайборийское государство – суровое варварское королевство Гиперборея, началом которому послужили грубо сложенные крепости из скальных блоков, наваленных друг на друга. Их задачей было отражать нападение других племен. Люди этого племени вскоре отказались от своих палаток из лошадиных шкур и переселились в каменные дома, которые хотя и неуклюжи на вид, но зато долговечны. Защищенные та-

ким образом, они стали сильны. Немного еще найдется событий, достойных упоминания при описании дикого королевства Гипербореи, народ которой столь внезапно отказался от кочевой жизни и начал сооружать себе жилища из камня, обнося их толстыми стенами, – раса, почти не знавшая каменного века и по чистой случайности познавшая первые основы архитектуры.

Появление этого государства вынудило к переселению многие другие племена, которые были разбиты в войне или же просто не находились в дружественных отношениях со своими родичами, проживающими в замках. Они пустились в долгое странствие, в результате которого обошли почти полсвета. И вот на северные племена напали гигантские белокурые дикари, которые по уровню своего развития недалеко ушли от обезьяны.

История последующей тысячи лет – это история возвышения хайборийцев, воинственные племена которых занимали доминирующее положение на западе. Примитивные королевства обретали форму. Светловолосые захватчики напали на пиктов и прогнали их в пустынные области запада. Потомки атлантов без всякой помощи опять доросли до стадии примитивного варварства, но еще не вступали в контакт с хайборийцами.

Далеко на востоке появилась своеобразная, странная полуцивилизация лемурийцев. На юге хайборийцы основали королевство Коф на границе с пустынями, известными как

Страна Шема, и дикари этой страны уже поднялись над стадией варварства – частично благодаря связям с хайборийцами, частично же благодаря стигийцам, которых они грабили на протяжении столетий. Белокурые дикари дальнего севера возросли и численностью, и силой, так что северные хайборийские племена вынужденно переселились южнее. Старое королевство Гиперборея было одним из этих северных племен, однако сохранило свое прежнее название.

К юго-востоку от Гипербореи появилось королевство народа земри, названное Заморой. На юго-востоке одно из племен пиктов вторглось в плодородную долину Цингга, подчинило себе местный народ, занимающийся сельским хозяйством, и осталось жить среди него. Это смешанное племя позднее завоевал соседний род хайборийцев, и из нового сплава народов выросло королевство Цингара, или Зингара.

Окончательно государства сформировались еще пятьсот лет спустя. Царства хайборийцев – Аквилония, Немедия, Бритуния, Гиперборея, Коф, Офир, Аргос, Коринфия и еще одно, которое именовали Пограничным, – владовали над западным миром. Замора лежит к востоку, а Зингара – к юго-западу от этих государств. Населения двух царств, сходные между собой смуглой кожей и экзотическими обычаями, не являлись, однако, родственными.

Далеко на юге раскинулась Стигия, еще не затронутая чужеземной агрессией. Жители Шема уже сбросили стигийское иго, чтобы променять его на менее жестокую зависи-

мость от Кофа. Темные владыки гнали их южнее великих потоков Стикса, которые вытекают из окутанных покровом тайны Нижних Стран, образуют множество петель и изгибов и исчезают в песках Шема, чтобы донести свои воды до моря.

Севернее Аквилонии, самого западного из хайборийских государств, жили киммерийцы, дикие варвары, которых завоеватели не сумели себе подчинить, но которые, однако, благодаря столкновениям с ними очень быстро развились. Это были потомки атлантов, эволюция которых прогрессировала куда стремительнее, чем у их древних врагов пиктов, продолжавших жить в дикости западнее Аквилонии.

В последующие пятьсот лет хайборийские народы создали такую мощную цивилизацию, что одно только знакомство с ней освобождало дикие племена из оков примитивности. Самым могущественным было королевство Аквилония, но остальные вполне могли соперничать с ним в силе и великолепии. Хайборийцы были на удивление неоднородной расой. На первоначальную основу их рода наложились впоследствии черты гандерландцев – племени из Гандерланда, северной провинции Аквилонии. Это, однако, не ослабило род хайборийцев. Они по-прежнему доминировали в западном мире, несмотря на возвышение варваров пустынных земель.

На севере золотоволосые, голубоглазые варвары, потомки белых арктических дикарей, выгнали из снежных стран остатки хайборийских племен, за исключением старого ко-

ролевства Гиперборея, которое сумело противостоять их натиску. Их страна называлась Нордхейм, и они делились на рыжеволосых ваниров из Ванакхейма и желтоволосых асиров из Асгарда.

На сцене истории вновь появляются лемурийцы – под именем гирканцев. Столетиями пробивались они к западу, и теперь одно из их племен обосновалось на южных берегах большого внутреннего моря Вилайет и основало там королевство Туран.

Между морем Вилайет и восточной границей с другими королевствами простираются необозримые степи, а с севера и юга – пустыни. Негирканские обитатели этих областей раздроблены и ведут кочевой образ жизни без каких-либо племенных союзов. На юге они связаны с шемитами, и лишь изредка встречаются следы хайборийской крови. Ближе к концу описываемого периода и другие гирканские племена вторглись к западу от северного побережья Внутреннего моря и столкнулись там с восточными пограничными постами гиперборейцев.

Бросим беглый взгляд на другие народности той эпохи. Преобладающие среди населения Земли хайборийцы не являются больше светловолосыми и сероглазыми. Они смешались с другими расами. Люди из Кофа и – в меньшей степени – также из Аргоса имеют отчетливо узнаваемые шемитские и даже стигийские черты. Аргосцы имеют также признаки близкого смешения с зингарийцами. Восточные бритунцы

завязали связи с темнокожими заморийцами, а люди из южной Аквилонии – с коричневыми зингарийцами, вплоть до того что в южной провинции этой страны преобладают черные волосы и карие глаза.

Старое королевство Гиперборея, несмотря на свою изоляцию, также добавило немало чужеземной крови в свои жилы благодаря обычаю похищать женщин из других племен – гирканок, асириянок, замориек. Только в провинции Гандерланд, где не было рабства, род хайборийцев до сих пор сохранился в чистоте.

Варвары же оставались неизменными: киммерийцы высоки ростом, сильны, у них темные волосы и синие или серые глаза. Люди из Нордхейма сходны с ними фигурой, но кожа у них более светлая, глаза голубые и волосы рыжие или белокурые. Пикты также остались тем типом людей, который всегда их характеризовал: невысокого роста, очень смуглые, черноглазые и черноволосые.

Гирканцы – смуглые люди и по большей части рослые и стройные, хотя постепенно в их среде появились люди приземистые, с миндалевидными глазами. Это случилось благодаря смешению со странным племенем умных низкорослых туземцев, которые обитали в горах восточнее озера Вилайет и были покорены гирканцами во время их миграции на запад.

Шемиты чаще всего среднего роста, однако в тех случаях, когда преобладала стигийская кровь, бывали огромны,

широкоплечи, крепко сбиты, темноглазы, с иссиня-черными волосами и горбатыми носами.

Стигийцы высоки, темны, у них тонкие черты лица – то есть к этому типу относятся представители стигийской аристократии. Низшие касты произошли от смешения негроидной, стигийской, шемитской и даже хайборийской крови. Южнее Стигии находятся могущественные черные царства амазонок, кушитов, атлантов и гибридное государство Зембабве.

Между Аквилонией и местом обитания дикарей-пиктов находится плодородная Боссонская низменность, где живут потомки туземной расы, которые к началу хайборийской миграции были покорены одним из племен хайборийцев. Этот смешанный народ никогда не достигал того уровня цивилизации, который характерен для чистокровных хайборийцев, и был отодвинут ими на самые окраины цивилизованного мира.

Боссонцы среднего телосложения, у них не очень смуглая кожа, карие или серые глаза. Они занимаются большей частью земледелием, живут в больших деревнях под защитой стен и считаются подданными Аквилонии. Их низменная равнина простирается от внешнего королевства на севере до Зингары на юго-западе и образует нечто вроде буфера между Аквилонией и киммерийцами, а также и пиктами. Они отважные защитники, а столетия ведения войн против варваров севера и запада научили их обороне, которую не

способно сломить ни одно прямое нападение.

Таким был мир во времена киммерийца Конана.

Пятьсот лет спустя (то есть после правления Конана Великого) хайборийская цивилизация исчезла с лица земли. Ее падение было уникально в том смысле, что вызвал его не внутренний распад, а лишь растущая мощь варваров и гирканцев. Эти-то народы и уничтожили хайборийскую культуру на самом пике ее расцвета.

Впрочем, одной из причин – хоть и косвенных – падения древней цивилизации стала жадность королей Аквилонии. Они без конца воевали с соседями, стараясь расширить границы своей империи. Зингара, Аргос и Офир были открыто аннексированы, а с ними и западные города Шема, которые, как и их восточные собратья, только что сбросили ярмо Кофа. Сам же Коф вкупе с Коринфией и племенами восточного Шема был принужден платить Аквилонии дань и оказывать ей военную помощь. В то время с новой силой вспыхнула старая вражда между Аквилонией и Гипербореей: эта последняя двинула свои войска навстречу армиям западного соседа-соперника. Равнины Пограничного королевства стали ареной великой и яростной битвы, в которой войска северян были наголову разгромлены и отступили назад в свои заснеженные твердыни, и победоносные аквилонцы их не преследовали.

Между тем Немедия, столетиями успешно противостояв-

шая западному королевству, вовлекла Бритунию, Заморю и – втайне – Коф в союз, поставивший своей целью сокрушить разрастающуюся империю. Но прежде чем их армии успели встретиться на поле брани, на востоке объявился новый враг: это гирканцы, пробуя силу, предприняли первый серьезный натиск на западный мир. Туранские всадники, усиленные искателями приключений с восточного побережья моря Вилает, пронеслись через Заморю и опустошили восточную Коринфию. Однако на равнинах Бритунии их встретили аквилонцы и, разбив в пух и прах, отшвырнули назад на восток. При этом был сломан хребет только что образовавшегося союза: в последующих войнах Немедия держала оборону. От случая к случаю ей помогали Бритуния, Гиперборея и – как всегда тайно – Коф.

Разгром гирканцев показал всему миру истинную мощь западного королевства, чьи великолепные армии усиливались наемниками, многие из которых были набраны из чужеземцев – в Зингаре, а также среди варваров – пиктов и шемитов.

Вскоре у гирканцев отвоевали Заморю, но ее народ обнаружил, что восточные хозяева попросту сменились западными, и все. В Заморе расквартировали аквилонских воинов – не столько ради защиты разоренной страны, сколько для удержания жителей в покорности. Гирканцам, однако, урок пошел не впрок. Еще трижды обрушивались нашествия на границы Заморы и земли Шема, и трижды их отбрасыва-

ли аквилонцы, – хотя туранские армии разрастались все это время, питаемые полчищами закованных в сталь всадников, что прибывали и прибывали с востока, двигаясь вдоль южного побережья Внутреннего моря. Сила, которой суждено было сбросить с тронов королей Аквилонии, возростала на западе, а не на востоке.

Вдоль киммерийских границ шли бесконечные стычки между черноволосыми воинами этой страны и воителями северных стран. Жители Асгарда использовали передышки в войнах с Ванахеймом для нападений на Гиперборею, все дальше отодвигая границу и уничтожая город за городом. Киммерийцы без разбора дрались также с пиктами и боссонцами и время от времени вторгались в самую Аквилонию, – но это были не завоевательные войны, скорее просто грабительские набеги.

А вот в Пиктских пустошах удивительным образом росли и население, и военная мощь. По странному капризу судьбы пикты вступили на путь создания собственной империи в результате усилий всего одного человека, и притом чужеплеменника. Этим человеком был Арус, немедийский священнослужитель и прирожденный реформатор. Что именно заставило его обратить внимание на пиктов, нам в точности не известно, однако история свидетельствует: однажды он решил отправиться в дебри запада и смягчить жестокие нравы язычников, разъясня и вводя в тех местах кроткий культ Митры. Аруса не утрашили даже жуткие истории о том,

что случалось с путешественниками и торговцами, дерзнувшими отправиться туда прежде. И судьба ему улыбнулась: одинокий и безоружный, он достиг-таки народа, к которому стремился, и не был тотчас заколот копьями, как ему предрекали.

Контакты с хайборийской цивилизацией всегда были благодетельными для пиктов, несмотря на то что пикты яростно сопротивлялись этим контактам. В частности, они научились изготавливать грубые поделки из меди и олова. Их собственная страна не была богата металлом, и ради олова, например, они устраивали набеги в горы Зингары либо выменивали его на шкуры, китовый ус, моржовый клык и прочие немногие вещи, которыми торгуют дикари. Кроме того, пикты перестали довольствоваться пещерами и убежищами на деревьях: теперь они жили в шатрах и неуклюжих домиках, выстроенных в подражание боссонским. Кормились по-прежнему охотой, ибо их родные леса так и кишели разнообразнейшей дичью, а реки и море – рыбой. Хотя они и научились выращивать хлеб, сеяли его от случая к случаю, предпочитая воровать зерно у соседей – зингарцев и боссонцев. Пикты жили кланами, большей частью враждовавшими друг с другом. Их законы были просты и весьма кровожадны. И совершенно необъяснимы с точки зрения цивилизованного человека вроде Аруса из Немедии. Пикты не поддерживали непосредственных контактов с хайборийцами, поскольку боссонцы расположились между ними наподобие буфе-

ра; тем не менее Арус счел, что они были способны к развитию, и последующие события подтвердили правоту его умозаключения, – хотя и не таким образом, как хотелось бы ему самому.

...Арусу повезло: судьба столкнула его с вождем, которого природа одарила необычайно ясным умом. Звали его Горм. Современному человеку понять Горма столь же трудно, как Чингисхана, Османа, Аттилу или иных рожденных в дикой стране среди необразованных варваров и тем не менее наделенных духом завоевания и основания империй...

Арус сумел объясниться с вождем на ломаном боссонском, поясняя ему цель своего путешествия. Весьма озадаченный, Горм все же позволил ему избежать расправы и жить среди племени – едва ли не впервые за всю историю своего народа. Изучив язык, Арус взялся за дело, стараясь отменить хотя бы самые лютые обычаи пиктов: человеческие жертвоприношения, кровную месть и сожжение пленников живыми. Он обращался к Горму с пламенными речами – и обрел в нем заинтересованного, пусть и невосприимчивого слушателя. Воображение живо рисует нам эту сцену: черноволосый вождь, облаченный в тигровую шкуру и ожерелье из человеческих зубов, сидит на корточках на земляном полу хижины с плетеными стенами, сосредоточенно внимая красноречию жреца. А жрец, облаченный в шелковые одеяния немедийского священнослужителя, усаженный на раздобытую ради него резную, укрытую мехами колоду красно-

го дерева, жестикулирует изящными белыми руками, излагая вечные истины и законы – учение Митры...

Вне сомнения, Арус с укором указывал вождю на ряды черепов, украшавшие стены хижины, и призывал Горма прощать своих врагов, вместо того чтобы таким образом поступать с их выбеленными временем костями. Арус являлся достойнейшим представителем народа, чей врожденный артистизм был отточен столетиями цивилизованной жизни. За Гормом же стояло сто тысяч лет необузданной дикости. Поступь тигра преобладала в его бесшумной походке, хватка гориллы – в хватке его рук с черными от въевшейся грязи ногтями, и во взгляде его горел тот же огонь, что светится в глазах леопарда.

Арус был человеком практичным. Он постарался заинтересовать дикаря соображениями материальной выгоды. Повествуя о величии Митры, он красочно описывал мощь и роскошь хайборийских королевств, – ибо что, если не труды и учение Митры, возвышало их и утверждало во славе? Он рассказывал Горму о городах и плодородных равнинах, о мраморных стенах и железных колесницах, о башнях, увенчанных драгоценными камнями, и о всадниках в сверкающей броне, мчащихся в битву. А Горм, ведомый безошибочным инстинктом варвара, пропускал мимо ушей все, что касалось богов и их учений, и жадно вбирал рассказы о земном могуществе, столь живо описанном чужаком. И вот таким образом в жалкой лачуге с плетеными стенам и земляным

полом, где на колоде красного дерева сидел жрец в шелковых одеяниях, а перед ним – смуглокожий вождь в тигровых шкурах, – вот таким образом и именно там был заложен первый камень в основание империи.

Как уже говорилось, Арус слыл человеком практичным. Живя среди пиктов, он обнаружил множество способов, которыми образованная личность может облагодетельствовать человечество – хотя бы это человечество было облачено в тигровые шкуры и носило ожерелья из зубов своих собратьев. Как и все жрецы Митры, он был исполнен разнообразных познаний. Так, он обнаружил под пиктскими холмами обширные залежи железной руды и научил дикарей добывать ее, плавить железо и ковать из него разнообразные орудия в счастливой надежде, что это будут орудия пахоты и жатвы. Пикты обязаны Арусу и иными нововведениями, главнейшими же его делами стали следующие. Он заронил в душу Горма желание повидать страны цивилизованного мира; он обучил пиктов ковке железа; и, наконец, он впервые установил контакт между ними и цивилизацией. По просьбе вождя он вывел его и сколько-то его воинов через Боссонские топи во внешний блистающий мир, где на них изумленно уставились честные поселяне.

Без сомнения, Арус считал, что успешно обращает пиктов в свою веру, ибо они слушали с интересом, не торопясь рубить его медными топорами. Наивно было, однако, рассчитывать, будто пикты с охотой примут учение, предписывав-

шее им прощать своих врагов и променять тропу войны на честную жизнь, исполненную тяжелой повседневной работы. Мы уже знаем, что пикту была чужда артистическая утонченность, самая натура его требовала войны и кровопролития. Внимая рассказам жреца о величии и славе цивилизованных народов, меднокожие слушатели задумывались не о догмах его религии, но о той добыче, которую они могли бы взять в описываемых им богатых городах и блестящих странах. Когда он рассказывал им, как Митра помог тому или иному королю опрокинуть врагов, они меньше всего обращали внимания на чудеса Митры, внимательно вслушиваясь в описания боевых порядков, доспехов рыцарей, маневров лучников и копейщиков. Пикты внимали жрецу, и их темные глаза были зорки, а лица – непроницаемы. Они делали то, что считали нужным, и не очень об этом распространялись. Арусу поистине льстил тот напряженный интерес, с которым они принимали его наставления касательно выплавки железа и сродных с этим искусств.

До его пришествия они крали стальное оружие и доспехи у боссонцев и зингарцев и сами пробовали выделывать грубое оружие из меди и бронзы. Теперь им поистине открылся новый мир; спустя очень малое время по всей стране эхом разносился звон молотов о наковальни. А Горм, пользуясь вновь приобретенным искусством, начал постепенно распространять свою власть на соседние кланы, прибирая их к рукам – кого силой, кого хитростью и дипломатией. И надо

отметить, по части дипломатии среди варваров ему не было равных.

Снабженные охранным свидетельством, пикты теперь свободно путешествовали в Аквилонию и назад. И, возвращаясь, доставляли все новые сведения о выделке доспехов и ковке мечей. Более того: они вступали в наемные армии Аквилонии, вызывая не поддающееся описанию отвращение у храбрых боссонцев. Аквилонские короли подумывали стративить пиктов с киммерийцами и тем самым, вполне вероятно, уничтожить угрозу, исходившую от обоих народов. Но они были слишком заняты своей захватнической политикой на юге и востоке, чтобы всерьез обращать внимание на малоизвестные земли запада, откуда являлись все новые коренастые воины и нанимались на службу.

Отслужив, эти воины возвращались в родные чащобы, принося с собой добротные познания о воинском искусстве цивилизованных стран – и презрение к цивилизации, неизбежно порождаемое близким знакомством с нею. И вот в пиктских холмах забили барабаны, с высоких вершин потянулся дым сигнальных костров, между тем в тысячах кузниц ковали и ковали сталь полудикие кузнецы.

Тем временем вооруженные налеты и интриги – слишком хитроумные и разнообразные, чтобы пытаться хоть кратко перечислить их здесь, – сделали Горма верховным вождем и приблизили его власть к королевской в большей степени, чем это бывало у пиктов в течение тысячелетий. Он ждал

долго, он был уже немолод; но пришло время, и он двинулся к границам – и не с торговлей, но с войной.

Слишком поздно понял Арус свою ошибку, осознав, что так и не сумел достучаться до души дикаря, где таилась копившаяся веками необузданная свирепость. Все его убедительное красноречие нисколько не потревожило сознание пиктов. Горм теперь носил вместо тигровых шкур посеребренную кольчугу, но внутренне он оставался прежним – вечный варвар, которому нет дела до теологии и философии, варвар, чьи инстинкты неизбежно сосредоточены на насилии и войне.

Огнем и мечом проломили пикты границу Боссонии... Вместо вчерашней толпы в тигровых шкурах, размахивавшей медными топорами, в бой шли воины в чешуйчатой броне, с острым стальным оружием в руках. Что же до Аруса – какой-то пьяный пикт раскроил ему череп, как раз когда тот пытался исправить невольные плоды своих трудов. Горм, впрочем, не остался неблагодарным. По его приказу могильный холм жреца увенчали черепом его убийцы.

Мрачная ирония судьбы: столь варварского украшения удостоились камни, скрывавшие тело Аруса – человека, которому насилие и кровная месть были противны более всего на свете...

И все-таки нового оружия и кольчуг оказалось недостаточно для скорой победы. Еще долгие годы мужество боссонцев и их превосходство в вооружении, а также помощь

имперских войск Аквилонии сдерживали нашествие. Тем временем приходили и уходили гирканцы, а к империи была присоединена Замора...

Однако потом неожиданная измена расстроила сопротивление боссонцев. Но прежде чем перейти к ее описанию, уместно хотя бы вкратце обозреть Аквилонскую империю. Аквилония всегда была богатой страной; завоевания сделали ее богатства неисчислимыми. Там, где прежде господствовал простой и суровый быт, воспитывавший выносливых и закаленных людей, воцарилась пышная роскошь. Впрочем, вырождение еще не успело коснуться ни королей, ни народа. Разодетые в шелка и золотую парчу, они оставались расой мужественной и жизнеспособной. Вот только прежнюю простоту нравов сменило высокомерие. Все с бóльшим презрением взирали аквилонцы на слабейшие народы, облагая покоренных все более тяжелыми данями. С Аргосом, Зингарой, Офиром, Заморой и шемитскими странами обращались как с порабощенными провинциями. Особенно это возмущало гордых зингарцев, и они то и дело восставали, несмотря на то что восстания подавлялись, и подавлялись жестоко.

Коф практически подчинялся Аквилонии, находясь под ее «защитой» от гирканцев. Но вот Немедию западной империи покорить так и не удалось, хотя все победы немедийцев были чисто оборонительного свойства и одерживались с помощью армии Гипербореи. Единственными на тот период неудачами империи стали провал попыток присоединить

Немедию и разгром одной из армий, посланных в Асгард. Как гирканцы оказались неспособны противостоять ударам тяжелой кавалерии аквилонцев, так и эти последние, вступив в заснеженные края, не устояли в рукопашной перед яростью северян. Однако завоевания Аквилонии большей частью направлялись в сторону Нилуса (или, иначе, Стикса): в кровавом бою пала армия Стигии, а стигийский король был принужден – хотя бы единовременно – откупиться, чтобы спасти свою страну от нашествия. Бритуния была ослаблена в ходе нескольких стремительных войн, следовавших одна за другой. Началась подготовка к тому, чтобы наконец-то поработить старинного врага – Немедию.

Уже двинулись вперед сверкающие доспехами армии, многократно усиленные наемниками, казалось, их натиску суждено было превратить независимость Немедии в воспоминания. Но как раз тут и разгорелась свара между аквилонцами и их союзниками боссонцами.

Расширение империи с неизбежностью привело к тому, что аквилонцы сделались заносчивы и нетерпимы. Они взяли привычку осмеивать более простодушных и безыскусных боссонцев, и между ними родилась обоюдная нелюбовь. Аквилонцы презирали боссонцев, и тех возмущало подобное обращение с ними хозяев, ибо теперь те в открытую называли себя таковыми и поступали с боссонцами, точно с завоеванными подданными, устанавливая непомерные налоги и заставляя участвовать в своих захватнических войнах – вой-

нах, от которых боссонцы не имели почти никаких выгод. В результате в Боссонии едва-едва хватало воинов для охраны границ. Вот и вышло так, что, прослышав о зверствах, чинимых на их родине пиктами, целые отряды боссонцев ушли с немедийской войны и быстрым маршем переправились на западные границы, где они дали смуглокожим захватчикам большое сражение и отогнали их прочь.

Случилось, однако, что уход боссонцев послужил непосредственной причиной поражения, нанесенного аквилонцам немедийцами, отчаянно защищавшими свой дом. Что, в свою очередь, навлекло на боссонцев жестокий гнев тогдашних императоров, нетерпимых и близоруких, как, впрочем, и все вообще императоры. Аквилонские полки были тайно стянуты к границам боссонских пределов. Местных вождей пригласили поприсутствовать на великом совете; и под видом намечаемой экспедиции против пиктов отряды свирепых шемитских воинов были размещены среди ничего не подозревавших поселян. Безоружных вождей предательски перебили, шемиты накинудись на их ошеломленные войска с факелами и саблями, а закованные в железо имперские полки обрушились на мирный народ. Страна захлебнулась в крови. Уйдя наконец от границ, аквилонские армии оставили после себя опустошение и разгром...

И вот тогда-то, никем более не сдерживаемые, через лишенную защиты границу в полную мощь ринулись пикты. И это был не набег, а лишь согласованное движение цело-

го народа, движение, ведомое вождями, служившими в аквилонских войсках, движение, задуманное и направляемое Гормом. Горм сильно постарел, но его яростное стремление к цели с годами ничуть не притупилось. И на сей раз на их пути не было крепких деревень, окруженных стенами и населенных бесстрашными лучниками, способными сдерживать вражеское нашествие до подхода имперских войск. Остатки боссонцев были вмиг сметены, и прежде, нежели могли быть переброшены на запад имперские легионы, вновь занятые войной с немедийцами, обезумевшие от крови варвары вломились в Аквилонию, грабя и сметая все на своем пути. Зингара тотчас воспользовалась возможностью и скинула ярмо, и ее примеру не замедлили последовать Коринфия и Шем. Многочисленные отряды наемников и вассалов поднимали бунт и уходили назад в родные пределы и, конечно, опять-таки жгли и грабили по дороге. Пикты же неостановимо двигались на восток, втоптывая в землю войско за войском. Аквилонцы, лишившиеся поддержки боссонских лучников, мало что могли противопоставить ливню стрел, который обрушивали на них варвары. Со всех концов империи отзывались легионы и направлялись навстречу нашествию, между тем как из западных дебрей накатывала орда за ордой, и казалось, что их источник неиссякаем. И тут, посреди воцарившегося хаоса, на равнину со своих гор хлынули киммерийцы – и довершили разгром. Они грабили города, опустошали страну и возвращались в горы с добычей. Пик-

ты, напротив, занимали захваченные земли. Вот так, в огне и крови, рухнула Аквилонская империя...

В это время из голубых далей Востока опять явились гирканцы: отвод имперских легионов из Заморы побудил их к решительным действиям. Замора уступала их натиску, сделавшись легкой добычей, и в самом большом из захваченных городов гирканский король устроил свою столицу. Та волна завоевателей явилась из старинного гирканского королевства Турана, расположенного на берегах Внутреннего моря; однако с севера двигалась еще одна орда, и притом более опасная. Всадники, закованные в сталь, миновали северную оконечность моря Вилайет, промчались по западным пустыням, внедрились в степи и, гоня перед собою туземцев, обрушились наконец на западные королевства. Эти новоприбывшие на первых порах отнюдь не считали туранцев своими союзниками, но, напротив, дрались с ними точно так же, как и с хайборийцами. Вот так кишели и резались между собой волны восточных воителей, покуда всех их не объединил под своей властью великий вождь, явившийся с самого побережья Восточного океана. Аквилонской армии, могущей воспротивиться, более не существовало, и завоеватели не ведали поражений. Они наводнили и поработили Бритунию, разорили южную Гиперборею и Коринфию. Они ворвались в Киммерийские горы, гоня черноволосых варваров прочь; но там, в горах, где кавалерия не могла действовать в полную силу, киммерийцы встали насмерть – и лишь беспорядоч-

ное отступление, довершившее день кровавой битвы, спасло гирканское войско от полного уничтожения.

А откуда происходили все эти события, королевства Шема покорили своего прежнего хозяина – Коф, но потерпели поражение при попытке вторгнуться в Стигию. И едва успели шемиты управиться с разорением Кофа, как на них самих налетели гирканцы – и оказались правителями по жесточе, чем когда-либо были хайборийцы. Тем временем пикты сделались полными хозяевами Аквилонии, практически поглотив прежнее население. Когда же они перешли границу Зингары, тысячи зингарцев, спасаясь от резни, хлынули в Аргос и там сдались на милость двигавшихся к западу гирканцев, которые и поселили их в Заморе как своих подданных. Следом за зингарскими беглецами в Аргос вошли завоеватели-пикты, и страну объял кровавый кошмар. Потом пикты вступили в Офир и столкнулись там с гирканцами: эти последние, захватив Шем, разбили на берегах Нилуса стигийскую армию и продвинулись на юг вплоть до Черных Королевств Амазонии, а тысячи пленников, приведенных оттуда, расселили между шемитскими племенами. Если бы не яростный натиск пиктов, сдерживавших их на западе, гирканцы, вероятно, довершили бы покорение Стигии и присоединили ее к своей растущей империи.

Немедия, в свое время так и не уступившая хайборийцам, едва держалась, зажата между владыками востока и меченосцами запада, пока с севера не пришло племя асиров, по-

кинувших свою занесенную снегом страну. Придя в королевство, асиры подались в наемники – и оказались необычайно умелыми воинами: не только отбросили прочь гирканцев, но и сумели остановить натиск пиктов, все еще двигавшихся на восток.

Удивительное зрелище являл собой тогдашний мир. Громадная, дикая, варварская империя пиктов простиралась от берегов Ванахейма на севере до южных побережий Зингары. В восточном же направлении она включала всю Аквилонию, кроме самой северной провинции – Гандерланда, расположенного в горах. Гандерланд пережил падение империи и, став самостоятельным королевством, все еще сохранял независимость. Пиктская империя включала также Аргос, Офир, западные земли Кофа и Шема.

Империи варваров противостояла империя гирканцев. На севере ее лежали разоренные границы Гипербореи, а на юге – пустыни к югу от Шема. В империю гирканцев входили Загора, Бритуния, Пограничное королевство, большая часть Кофа и весь восточный Шем.

Границы Киммерии остались нетронутыми. Ни пикты, ни гирканцы не сумели сломить воинственных варваров. Немедия, где верховодили наемники-асы, тоже успешно противостояла нашествиям. Таким образом, Киммерия, Немедия и северные страны до некоторой степени разделяли два народа-завоевателя, зато Коф превратился в арену непрекращавшейся битвы между пиктами и гирканцами. Порою восточ-

ным воителям удавалось очистить от варваров все королевство; но проходило некоторое время – города и веси вновь оказывались в руках западных пришельцев. На далеком юге Стигия, потрясенная гирканским вторжением, страдала от бесконечных нашествий из Черных Королевств. А на дальнем севере не ведали покоя нордические племена, то и дело сражавшиеся с киммерийцами и сами тревожившие границы Гипербореи...

Горм пал от руки Хьяльмара, вождя немедийских асиров. Горму к тому времени исполнилось уже чуть не сто лет. С тех пор как из уст Аруса он впервые услышал слово «империя», минуло семьдесят пять лет – долгий срок в жизни отдельного человека, но в истории народов – краткий миг. За это время Горм сколотил из бродячих дикарских кланов империю и опрокинул цивилизацию. Родившийся в мазанке под соломенной крышей, под старость он сживал на золотых тронах и угощался говядиной с золотых блюд, что подносили ему нагие рабыни – дочери свергнутых королей. Ни завоевания, ни приобретенное богатство не изменили пикта; из руин разграбленной цивилизации, как феникс, восстала новая культура. Смуглые руки, уничтожившие искусство побежденных, никогда не пытались ему подражать. Сидя в роскошных руинах поверженных дворцов и облачив свое закаленное тело в шелка, сдернутые с низложенных королей, пикт остался вечным варваром – свирепым, примитивным, озабоченным лишь основными жизненными потребностями. Он

не менялся сам и не изменял своим первобытным инстинктам, призывавшим его к грабежу и войне; в его мире не было места ни для искусств, ни для культурного развития человечества...

А вот асиры, обосновавшиеся в Немедии, оказались не таковы. Вскорости они многое восприняли от своих цивилизованных союзников – но и сами, будучи обладателями чужой и очень жизнеспособной культуры, многое изменили и привнесли.

Последовал недолгий период, в течение которого гирканцы и пикты грызлись друг с другом на развалинах покоренного ими мира. Но потом начались оледенения и великое переселение нордических племен. Северные народы отступали перед надвигавшимися ледниками, выталкивая родственные кланы дальше на юг. Асиры заняли древнее королевство Гиперборею и, перебравшись через его руины, вплотную сошлись с гирканцами. Немедия к тому времени вполне уже превратилась в нордическую державу; правили в ней потомки асиров-наемников. Под напором выходцев с севера снялись с насиженных мест киммерийцы, и ни армии, ни укрепленные города не могли им противостоять. Они наводнили и смели королевство Гандерланд и двинулись через древнюю Аквилонию, неудержимо прорубая себе путь сквозь пиктские орды. Они разбили немедийцев и разграбили некоторые их города, но не остановились. Опрокинув на границах Бритунии гирканскую армию, они продвигались все дальше

на восток.

А позади них, наводняя все новые страны, двигались орды асиров и ваниров, и пиктская империя содрогалась от их ударов. Немедия была повержена, и полуцивилизированные северяне бежали от своих более диких соплеменников. Покинутые города Немедии лежали в руинах. Беженцы-северяне (унаследовавшие имя прежнего королевства, так что термин «немедийцы» далее подразумевает именно их) вошли в древние земли Кофа, изгнали оттуда и гирканцев, и пиктов и помогли народу Шема скинуть гирканское ярмо. По всему западному миру власть гирканцев и пиктов трещала под напором более молодого, свирепого народа. Отряд асиров изгнал восточных всадников из Бритунии и сам обосновался в этой стране, приняв ее имя. А северяне, завоевавшие Гиперборею, так яростно наседали на своих восточных врагов, что эти смуглокожие потомки жителей Лемурии, неудержимо выталкиваемые в сторону моря Вилайет, отступили назад в степи.

Тем временем киммерийцы, мигрируя к юго-востоку, уничтожили древнее гирканское королевство Туран и поселились на юго-западных берегах Внутреннего моря. Итак, мощь восточных завоевателей оказалась сломлена. Неспособные более противостоять натиску киммерийцев и северян, при отступлении они разрушили все свои города, перебили пленных, которым не по силам были дальние переходы, а затем, гоня перед собою тысячи рабов, удалились

назад в таинственные пределы Востока. Обогнув северную оконечность моря Вилайет, они исчезли из истории Запада на долгие тысячелетия, чтобы много позже вновь появиться под именем гуннов, монголов, татар и турок. Вместе с ними ушли тысячи зингарцев и заморийцев, которые затем бок о бок осели далеко на востоке и, смешиваясь в течение веков, положили начало новому народу цыган.

Одновременно с этим племя отчаянных ваниров просочилось на юг вдоль пиктского побережья. Опустошив древнюю Зингару, они добрались до Стигии, которая, изнемогая под властью аристократов, едва выдерживала удары с юга, где лежали Черные Королевства. Рыжеволосые ваниры возглавили восстание рабов, сбросили дотоле правивший класс и сами составили касту завоевателей. Они поработили самые северные из Черных Королевств и положили начало огромной южной империи, названной ими Египтом. Ранние фараоны этой страны гордились своим происхождением от рыжеволосых ваниров, явившихся с севера.

Таким образом, северные варвары верховодили уже повсюду в западном мире. Пикты все еще удерживали Аквилонию, часть Зингары и западное побережье континента. Но восточнее, до самого Вилайета, от полярного круга до страны Шем единственными обитателями были кочевые нордические племена – за вычетом киммерийцев, обосновавшихся в прежнем королевстве Туран. Городов не осталось нигде, кроме Шема и Стигии: волны завоевателей – пиктов, гиркан-

цев, киммерийцев – сровняли все их с землей, а доминировавшие некогда хайборийцы вовсе исчезли, едва успев влить свою кровь в жилы новых народов. Язык варваров сохранил некоторые названия земель и племен, и они пережили столетия, постепенно обрастая путаными легендами и сказаниями – покамест вся история Хайборийской эры не покрылась прочной паутиной вымысла и мифа. Так, в речи цыган сохранились названия Зингары и Заморы; асиры, подчинившие Немедию, прозвались немедийцами, и это имя фигурировало впоследствии в ирландской истории; северяне же, осевшие в Бритунии, были позже названы бритунцами, бритонами и, наконец, бриттами.

Единой, сплоченной Нордической империи не существовало. Каждое племя по-прежнему возглавлял вождь или король, и яростная вражда меж племенами не прекращалась. К чему могло все это в конце концов привести – осталось неизвестно. Ибо новая чудовищная судорога Земли, породившая современные очертания земель и морей, обратила все в хаос. Громадные участки западного побережья погрузились в воду. Ванахейм и западный Асгард – уже сотни лет к тому времени безлюдные и покрытые ледниками – исчезли в морских волнах. Океан ворвался в горы западной Киммерии, образовав современное Северное море. Полузатопленные горы превратились в острова, позже известные как Англия, Шотландия и Ирландия. Волны перекатывались там, где прежде шумели пустоши пиктов и расстилались бос-

сонские пределы. На севере образовалось Балтийское море, разделившее Асгард на полуострова, получившие названия Норвегии, Швеции и Дании. А на далеком юге стигийский континент откололся от остального мира, причем линия разлома пролегла по реке Нилус в ее западном течении. Над Аргосом, западным Кофом и западными землями Шема плескался голубой залив океана, которому позже люди дали наименование Средиземного моря. Однако погружение происходило не всюду. Западнее Стигии из моря поднялась обширная суша, составившая западную половину Африканского континента.

Вздыбившаяся земля воздвигла громадные горные цепи в центральной части северного континента. При этом погибли целые племена северян, а уцелевшие отступили к востоку. Однако территория вокруг медленно высыхавшего Внутреннего моря была вовсе не затронута катаклизмом, и там, на западных берегах, нордические племена мирно занимались скотоводством, более или менее уживаясь с киммерийскими соседями и постепенно смешиваясь с ними. На западе остатки пиктов, отброшенные катастрофой назад в каменный век, вновь начали распространяться, являя невероятную жизнеспособность своей расы, пока, в позднейшую эпоху, их не опрокинула западная миграция киммерийцев и северян. Но это случилось спустя столь долгое время после катаклизма, что о прежних империях повествовали только смутные, лишенные смысла легенды.

Эта последняя миграция стала уже достоянием письменной истории, и ее события нет нужды заново излагать. Причиной же, вызвавшей ее, был рост населения. Степи к западу от Внутреннего моря, которое, сильно усохшее, в последующие эпохи было известно как Каспийское, оказались перенаселены в такой мере, что миграция сделалась экономической необходимостью. Племена двинулись на юг, на север и на запад – в земли, называемые теперь Индией, Малой Азией, Центральной и Западной Европой.

В эти страны они пришли под именем ариев. Первобытные арии были представлены несколькими племенами. Иные можно опознать и сегодня, иные же – давно позабыты. Светловолосые ахейцы, галлы и бритты, к примеру, суть потомки чистокровных асиров. Немедийцы ирландских легенд – не кто иные, как немедийские асиры. Датчане – потомки чистокровных ваниров, а готы – предки остальных скандинавских и германских племен, в том числе и англосаксов, – потомки смешанной расы, у истоков которой стояли ваниры, асиры и киммерийцы. Гэлы – предки ирландцев и нагорных шотландцев – ведут свое происхождение от чистокровных киммерийских кланов. Кимрские (валлийские) племена Британии – смешанная киммеро-нордическая раса, переселившаяся на острова прежде чисто нордических бриттов, породила легенду о гэльском первородстве. Кимры, сражавшиеся против Рима, были тех же кровей, что и гиммеры ассирийцев и греков и гоммеры древних евреев. А некоторые киммерий-

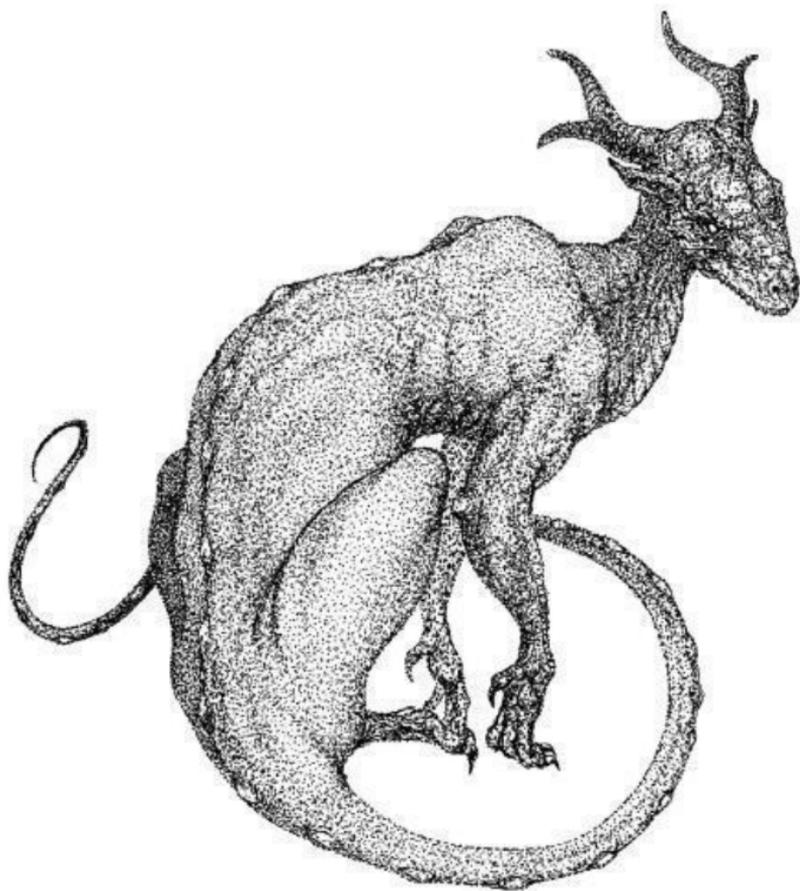
ские кланы ушли на восток, на ту сторону Внутреннего моря, и спустя несколько веков, приняв в себя гирканскую кровь, вернулись на запад под названием скифов. Первопредки гэлов оставили свое имя современному Крыму.

Древние шумеры не имели никакого родства с западной расой. Они смешанный народ гиркано-шемитского происхождения – потомки тех, кого не смогли увести с собой отступавшие завоеватели. Многим племенам Шема удалось избежать того плена, и от чистокровных шемитов, а также от тех, что смешались с хайборийцами или северянами, произошли арабы, израильтяне и иные ярко выраженные семиты. Ханааниты, или горные семиты, ведут свое происхождение от шемитов, смешавшихся с жителями Куша, которых расселили среди них хозяева-гирканцы; типичный пример такого народа – эламиты. Невысокие, плотно сбитые этруски – основа римской расы – были потомками народа, объединившего в себе черты стигийцев, гирканцев и пиктов и жившего первоначально в древнем королевстве Коф. Гирканцы же, отступившие к восточному побережью континента, дали начало позднейшим племенам татар, гуннов, монголов и турок.

Происхождение иных народов современного мира может быть аналогичным образом прослежено. История почти каждого из них уходит во мглу позабытой Хайборийской эры много дальше и глубже, чем сами они порою осознают...

© Перевод М. Семеновой

Сумерки Ксутала

1

Над пустыней дрожали и перекатывались волны раскаленного воздуха. Конан-киммериец стоял посреди бесплодной равнины, непроизвольно утирая ладонью почерневшие губы. Он принимал убийственный жар солнца с безразличием бронзового изваяния, хотя единственной защитой от палящих лучей ему служила шелковая набедренная повязка, перехваченная тяжелым ремнем с золотой пряжкой. На ремне висели меч и широкий кинжал. Руки и ноги Конана были покрыты едва зажившими ранами.

У ног киммерийца присела отдохнуть девушка. По правде сказать, у нее совсем не осталось сил; она доверчиво привалилась светловолосой головой к колену своего спутника, держась за него, как за единственную опору. Рядом с бронзовым телом Конана ее белая кожа казалась еще нежнее. Девушка была одета в короткую рубашку с низким вырезом и без рукавов, которая больше подчеркивала, нежели скрывала достоинства ее гибкой фигурки.

Конан зажмурился и тряхнул головой. Свирепый солнечный свет резал глаза. Отстегнув от ремня небольшую флягу, киммериец встряхнул ее и нахмурился. Слабенький плеск говорил о скудости их последних запасов.

Девушка устало пошевелилась и всхлипнула.

– Ох, Конан, мы здесь умрем... Как же пить хочется!

Киммериец невнятно зарычал и – челюсть выставлена, синие глаза так и сверкают из-под черной спутанной гривы – обвел песчаный горизонт яростным взглядом, как если бы пустыня была живым врагом, на котором он выместил бы свой гнев.

Наклонившись, он поднес горлышко фляги к губам девушки.

– Пей, Натала, пока я не скажу «хватит».

Она стала пить мелкими, судорожными глотками. Конан ее не останавливал. И только когда фляга опустела совсем, девушка сообразила, что он позволил ей выпить весь их запас.

У нее так и брызнули из глаз слезы.

– Конан! – простонала она, заломив руки. – Ну почему ты отдал мне все? Я же не знала... А теперь для тебя ничего и не осталось...

– Да ладно тебе, – проворчал киммериец. – Плакать все равно без толку, так что лучше не хнычь.

Выпрямился и закинул подальше бесполезную фляжку.

– Зачем? – шепотом спросила Натала.

Он не ответил. Он стоял по-прежнему неподвижно, лишь пальцы потихоньку сомкнулись на сабельной рукояти. Он не смотрел на свою спутницу, зоркий и яростный взгляд пытался пронизать лиловатую дымку, затянувшую горизонт.

Ему была в полной мере присуща по-варварски неистовая тяга к жизни, опиравшаяся на могучий инстинкт выжи-

вания, и тем не менее Конан из Киммерии отчетливо понимал – все, похоже, он достиг конца своих странствий. Нет, до предела его выносливости пока далеко, но еще день в этом безжалостном пекле, где нет ни капли воды, – и он вряд ли сумеет подняться. Что же до девушки... Нынешние страдания были явно ей не по силам. Так не окажется ли сабельный удар, быстрый и безболезненный, милосердней постепенного угасания жизни, которое, по всей видимости, им предстояло? Он по крайней мере дал ей напиться; быть может, не стоило ждать, пока она начнет бредить от жажды и призывать к себе смерть?

Конан уже начал медленно обнажать клинок... И в это время нечто заставило его замереть и напрячься всем телом. Далеко-далеко, у южного горизонта, в раскаленной дымке что-то плавало и мерцало...

Сначала Конан решил, что увидел мираж. Миражи не в первый раз являлись ему в проклятой пустыне, обманывая, сводя с ума и насмешничая. Но это... Конан прикрыл глаза от солнца ладонью – и различил высокие башни, минареты и блестящие стены. Он хмуро смотрел вдаль, ожидая, когда видение поблекнет.

Натала проследила направление его взгляда и, перестав плакать, с трудом приподнялась на колени.

– Конан, там город!.. – прошептала она, боясь даже надеяться. – Или... или это нам только мерещится?

Киммериец долго не отвечал. Он несколько раз добросо-

вестно открывал и закрывал глаза, отводил их в сторону и вглядывался опять. Город не уплывал, не рассеивался и не исчезал.

– Холера его знает, – проворчал Конан наконец. – Можно попробовать проверить... Все равно терять нечего!

И бросил саблю назад в ножны. Потом нагнулся к девушке и могучими руками подхватил ее, точно ребенка.

Она слабо воспротивилась.

– Я пойду сама, Конан... Не трать силы!

– Там, впереди, сплошные камни. От твоих сандалий одни обрывки останутся!

У девушки на ногах действительно были легкие зелененькие сандалии, совсем не приспособленные для дальних переходов.

– И потом, – продолжил Конан, – если мы хотим добраться туда, нам лучше поторопиться... Так я хотя бы в полный мах буду шагать!

Неожиданно подвернувшийся шанс выжить сообщил стальным мускулам киммерийца небывалую силу. Он устремился через пески так размашисто и упруго, как будто только-только начал свой поход. Конан был варвар; дикая жизнь наградила его выносливостью и выдержкой зверя. Там, где цивилизованный человек давно бы сдался и умер, он продолжал сражаться и побеждал...

Насколько ему было известно, они с Наталой последними оставались в живых из всей армии принца Альмарика.

Совсем недавно эта пестрая и беспорядочная орда под водительством кофийского принца, устроившего неудачный мятеж, разрушительной песчаной бурей пронеслась по землям Шема и залила кровью стигийское приграничье. Стигийцы снарядили войско в погоню, и мятежники с боем прорубились сквозь черное царство Куш... лишь для того, чтобы бесславно рассеяться в пустынях дальнего Юга. Конан мысленно сравнивал путь мятежной армии с течением речного потока, могучего при истоке, постепенно мелеющего в жарких берегах – и наконец исчезающего по капле в пустынных песках. Все погибли – наемники, беглые разбойники, бродяги и прочий беззаконный люд. Только и осталось, что кости, кости, кости от горных равнин Кофа до здешних никем не измеренных дюн...

Когда стигийцы дали им последний бой и вместе с кушитами окружили обреченное войско, Конан мечом проложил себе путь на свободу и удрал на верблюде вместе с девчонкой. Так что теперь повсюду у него за спиной – враги, а единственный оставшийся путь вел на юг, то есть в пустыню. В самом сердце которой они с Наталой, как видно, и находились.

Девушка была родом из Бритунии. Конан обнаружил ее на рынке рабов в шемитском городе, который они взяли штурмом и грабили, и недолго думая взял в свою собственность. Ее на это согласия он спрашивал всего менее. Однако нынешнее положение Наталы так разительно отличалось от той

жалкой участи, что ждала хайборийку в каком-нибудь шемитском серале, что она приняла свою судьбу с благодарностью. Вот и пришлось ей волей-неволей поучаствовать во всех приключениях Альмарикова злополучного воинства, а теперь вместе со своим благодетелем она пыталась выжить в пустыне.

Несколько дней они только и думали, как бы оторваться от скакавших по пятам стигийских наездников, а когда это им удалось, они не решились повернуть к северу. Они пробивались вперед, сквозь пески, надеясь отыскать воду, но воды все не было, и они лишились верблюда. Тогда они двинулись дальше пешком, и последние дни дались им сплошной мукой. Конан как мог оберегал свою спутницу... Наталу худо-бедно успела закалить походная жизнь, она продержалась много дольше, чем какая-нибудь изнеженная горожанка; но вот сегодня ее силам пришел конец.

Солнце немилосердно жгло черноволосую голову киммерийца. Перед глазами все плыло, к горлу подкатывала тошнота, но он скрипел зубами и шагал, шагал, шагал, не сбавляя темпа. Было похоже, что город ему не причудился, он был реален.

Что ждало их там?.. Быть может, очень даже враждебная встреча. Конан не пытался об этом гадать. По крайней мере, там у него будет шанс постоять за себя в сражении, а ничего иного у судьбы он никогда и не просил.

Солнце клонилось к закату, когда изнемогшие путники остановились у массивных ворот, радуясь благословенной тени. Здесь Конан наконец поставил Наталу на ноги и размял затекшие руки. Над их головами высились тридцатифутовые стены, сложенные из чего-то зеленоватого и не очень понятного, зато блестящего почти как стекло. Задрав голову, Конан разглядывал зубцы наверху, полагая, что сейчас его оттуда окликнут, но так никого и не увидел.

Он приложил руки ко рту и покричал, потом стал колотить в ворота сабельной рукоятью, но в ответ раздавалось лишь пустое эхо, звеневшее насмешкой. Натала жалась к киммерийцу, напуганная странной тишиной. Обозлившись, Конан навалился на створку ворот... И отскочил, хватаясь за саблю, когда тяжелая створка неожиданно легко уступила и беззвучно отошла внутрь.

Натала вскрикнула и прижала руки ко рту.

– Смотри, Конан...

Непосредственно за воротами лежало неподвижное тело. Конан присмотрелся к нему, ожидая подвоха, потом шагнул вперед и начал оглядываться.

Он стоял на широкой площадке вроде крепостного двора. Во двор выходили дверные арки домов, сложенных из того же зеленоватого вещества, что и внешние стены. Строевая были впечатляющие – крепкие, просторные, настоящие дворцы, увенчанные куполами и минаретами. И... по-прежнему нигде никаких признаков человеческой жизни. Но Ко-

нану, у которого в глотке запеклась пыль, некогда было об этом раздумывать. Посередине двора он увидел обложенное камнем квадратное отверстие колодца.

Он за руку втащил Наталу во двор и прикрыл за собой ворота.

– Он... мертвый? – пугливо спросила девушка, кивая на неподвижное тело у входа.

Это был рослый и крепкий человек в расцвете жизненных сил. Желтая кожа, немного раскосые глаза... а в остальном он вполне сошел бы за хайборийца. Одет в рубашку из пурпурного шелка, на поясе висел короткий меч в ножнах, обтянутых золотой парчой. Конан притронулся к телу... На ощупь оно было холодным и неживым.

– Ран нет, – пробормотал Конан. – Однако мертв, точно Альмарик с сорока стигийскими стрелами в груди... Ради Крома, идем скорее к колодцу! Если в нем есть вода, мы будем ее пить, мертвецы там, не мертвецы!

Вода в колодце имелась, но напиться не удалось. До ее поверхности оказалось добрых сорок футов – и нигде ни бадьи, ни ведерка. Конан матерился по-черному, но, поскольку не помогало, отправился искать хоть какой-то черпак на веревке...

Отчаянный крик Наталы заставил его крутануться на месте.

Прямо к нему мчался мнимый мертвец. Глаза у мужчины казались несомненно живыми, в руке блеснул короткий

меч, выдернутый из ножен. Конан изумленно выругался, но строить догадки было недосуг. Нападавшего встретил косою взмах клинка, рассадивший кости и плоть. Голова крепыша глухо стукнула о каменную мостовую, тело еще несколько мгновений стояло, пьяно пошатываясь и фонтанируя кровью из рассеченных артерий. Потом и оно упало.

Конан мрачно смотрел на него, продолжая вполголоса клясть богов. – Теперь этот малый ненамного мертвей, чем был минуту назад, – проговорил он наконец. – Во что мы тут вляпались, интересно бы знать?

Натала, заслонившаяся руками от жуткого зрелища, осторожно раздвинула пальцы. Ее трясло от испуга.

– Конан... – прошептала она. – А горожане за это нас не убьют?

– Посмотрим, – буркнул в ответ киммериец. – Эта тварь точно убила бы нас, если бы я башку ей не снес.

Говоря так, он оглядывал слепые арки и переходы на зеленоватых стенах над их головами. По-прежнему ни движения, ни звука.

– И вообще, нас, по-моему, никто даже не видел, – сказал Конан. – Сейчас спрячу улики.

Он взял обмякшее тело за перевязь для меча и, другой рукой подхватив голову за длинные патлы, поволок то и другое к колодцу.

– Раз нам напиться не дают, – пробормотал он мстительно, – я уж позабочусь, чтобы и остальным эта водичка попе-

рек горла встала! Будь ты проклят, никчемный колодец! – И тело вместе с головой перевалилось через край. Миг спустя донесся глухой всплеск.

– На камнях кровь осталась... – прошептала Натала.

– И еще добавится, если я в скором времени воды не найду, – зло пообещал киммериец.

Долготерпением он не отличался никогда, и теперь оно было на исходе. И если напуганная девушка почти забыла от страха про жажду и голод, то Конан о своем брюхе помнил всегда.

– Надо открыть первую попавшуюся дверь, – заявил он решительно. – Рано или поздно мы кого-нибудь встретим!

– Не надо, Конан!.. – цепляясь за спутника, жалобно заплакала бритунийка. – Тут так жутко! Это город призраков и мертвецов! Лучше уйти обратно в пустыню и умереть там, чем напороться на неведомый ужас.

– Нет уж, – зарычал Конан. – Я отсюда уйду, только если меня вышвырнут за ворота. Должна же где-то в этом поганом городишке быть вода, а раз так, я ее найду! Всех тут убиваю, а воду найду!

– А если убитые опять оживут? – прошептала девушка.

– Тогда я их буду рубить снова и снова, – отрезал Конан, – пока совсем не помрут! Ладно, пошли! Вот эта дверь ничем не хуже других... Держись за мной, только не вздумай бежать, пока я не велю!

Натала еле слышно пообещала слушаться. И пошла следом за ним, в буквальном смысле наступая на пятки, – к его немалому раздражению. Между тем спустившиеся сумерки заселили странный город фиолетовыми тенями; беглецы вошли в открытый дверной проем и оказались в просторном помещении со стенами сплошь в бархатных занавесях, расшитых непривычным узором. Пол, стены и потолок состояли все из того же зеленого стекляннистого камня, стены украшала золоченая резьба. Пол устлали меха и атласные подушки. Сводчатые арки вели в соседние комнаты. Конан и Натала обошли несколько помещений, очень похожих на самое первое...

Нигде по-прежнему не попадалось ни души.

– Кто-то здесь был, причем совсем недавно, – пробурчал Конан подозрительно. – Ложе еще хранит тепло человеческого тела, вон ту подушечку промяло чье-то бедро... И в воздухе витает запах духов!

Все здесь казалось каким-то странным, нереальным и жутковатым. Бродить по молчаливому дворцу было все равно что предаваться грезам, накурившись дурмана. Некоторые комнаты не освещались, и Конан с Наталой не заходили туда. Другие, наоборот, заливал ровный мягкий свет, исходящий, похоже, из драгоценных камней, затейливой чередой вделанных в стены. Внезапно, переступая порог очередного чертога, Натала вскрикнула и вцепилась в руку своего покровителя. Конан невнятно выругался и быстро оглядел-

ся, ища глазами врага, но никого не увидел.

– Да что с тобой такое? – напустился он на бритунийку. – Если еще раз так вцепишься в мою правую руку, я тебя отшлепаю! Чем, по-твоему, я драться должен? Хочешь, чтобы мне глотку тут перерезали?.. И чего вообще было орать?..

– Посмотри... во-он туда... – еле выговорила она прыгающими губами.

Конан посмотрел. «Во-он там» обнаружился стол из полированного черного дерева, уставленный золотыми сосудами – явно с едой и напитками. Только едоков не было видно.

– Ага, стол накрыт, – проворчал Конан. – Не знаю уж, для кого, но этому кому-то сегодня придется заново искать себе ужин...

– И мы... посмеем? – неуверенно переспросила девушка. – А вдруг они вернутся, и застанут нас, и...

– Лир ан мананнан мак лир!.. – выругался Конан по-киммерийски. Ухватил Наталу за шиворот и сунул, как котенка, в позолоченное кресло подле стола. – Мы тут с голоду помираем, а ты только и знаешь, что «а вдруг» да «а вдруг». Ешь, тебе говорят!

Сам он устроился с другого конца и, схватив нефритовый кубок, единым духом опорожнил его. В кубке оказался ярко-красный напиток, напоминавший вино, но очень непривычного вкуса. Впрочем, иссохшая глотка киммерийца любую подходящую жидкость готова была принять как нектар! Утолив до некоторой степени жажду, Конан занялся яства-

ми. Он увидел перед собой неведомые фрукты и кушанья, которым не мог подобрать названий. Вся посуда на столе была удивительно тонкой работы, а ножи и вилки – из золота. Только Конан, отводя душу после вынужденной голодовки, хватал куски мяса прямо руками, а крепкие зубы вполне управлялись вместо ножа. Он и в более-то сытые времена не отличался приверженностью застольному этикету, а теперь и подавно. Натала, цивилизованная британка, ела приличнее, но тоже с жадностью и аппетитом. У Конана мелькнула было мысль, а не отравлена ли еда, но он ее отбросил. Лучше помереть от яда, сказал он себе, чем от голода перед накрытым столом!

Утолив голод, он с удовлетворенным вздохом откинулся в кресле... Да, свежая пища говорила о том, что люди в городе все-таки есть, и, быть может, враги собирались вот-вот выскочить из темных углов... Ну и пусть их выскакивают – Конан на сей счет беспокоился меньше всего, давно и крепко уверовав в мощь своей вооруженной руки. Потом от сытости его начало клонить в сон, он рассеянно огляделся в поисках кушетки, чтобы прилечь.

Натала не разделяла его благодушия. Еда и питье не притупили ее опасливой бдительности. Она все косилась на дверные проемы, таившие неизвестность, и ее прекрасные глаза то и дело расширялись от страха. Ей было очень не по себе в этом слишком тихом и таинственном месте. Казалось, комната все росла, а стол делался длинней, отдаляя девуш-

ку от ее угрюмого благодетеля. Поспешно поднявшись, она обежала стол и устроилась у Конана на коленях, продолжая поглядывать на дверные арки. Некоторые были освещены, другие же – нет, и к ним-то она приглядывалась внимательно-нее всего.

– Мы наелись, напились и передохнули, – сказала она наконец. – Пойдем отсюда, Конан. Нехорошо здесь... Я чувствую...

– Ну, покамест нам тут никто ничего плохого не сделал, – начал он, но в это самое время негромкое, но отчетливо злоеущее шуршание заставило его обернуться.

Стряхнув Наталу с колен, он взвился на ноги с легкостью потревоженной пантеры и выхватил саблю, уже стоя лицом туда, откуда слышался шорох. Звук, однако, не повторился, и Конан тихо-тихо двинулся вперед. Натала шла за ним, держась вплотную, сердце бритунийки колотилось у горла. Конан почуял угрозу, а это кое-что да значило. Подобравшись тугой пружиной, он крался вперед с мягкостью охотящегося тигра, а шума производил не больше, чем таящийся тигр.

Под аркой он остановился, и Натала, замирая от ужаса, выглянула из-за его плеча. В самой комнате света не было, но ее отчасти подсвечивало сияние позади них – и проникало через следующую арку еще в одно помещение. И там на спальном возвышении лежал человек. Рассеянный свет позволял хорошо рассмотреть его. Он выглядел близнецом то-

му, которого Конан зарубил возле ворот, только одежда была богаче и вся расшита самоцветами, переливавшимися колдовским светом. Мертвый? Крепко спящий?..

Вновь послышался зловещий шорох, как если бы кто-то отодвигал занавеску...

Конан шарахнулся назад, схватил в охапку Наталу и ладонью зажал ей рот – как раз вовремя, чтобы не дать завизжать.

Оттуда, где они теперь стояли, возвышения больше не было видно, – только тень, которую оно отбрасывало на стену. Так вот, по этой стене у них на глазах проползла еще одна тень, темная и бесформенная. Конан ощутил, как шевельнулись волосы на затылке... Он мог бы поклясться чем угодно, но в жизни своей не видал ни зверя, ни человека, способного отбросить такую вот тень. Его снедало любопытство, хотя некий инстинкт предостерег его и побудил замереть на месте. Натала в его хватке испуганно тарасила глаза, и, кроме ее неровного всхлипывающего дыхания, других звуков не было слышно. И вот огромная тень наползла на тень возвышения... перекрыла ее... и убралась спустя долгий-предолгий миг. Тень ложа опять стала видна ясно и четко, но вот спящий исчез.

Натала была близка к истерике, она судорожно икнула, и Конан предостерегающе встряхнул девушку – коротко, но весьма убедительно. У него самого кровь леденела в жилах. Он давно отвык бояться смертных врагов. Он мог дать от-

пор какой угодно жути, лишь бы понимать, что это такое. Но здесь... здесь он столкнулся с чем-то непостижимым!

Тем не менее спустя некоторое время любопытство превозмогло страх, и, мысленно приготовившись ко всему, он снова прокрался в неосвещенную комнату, потом заглянул в ту, следующую. Обе пусты. Возвышение стояло на своем месте, но человек в расшитом наряде пропал неизвестно куда. Лишь на шелковом покрывале одиноким самоцветом багровела единственная капля крови. Натала тоже увидела ее и придушенно вскрикнула, и Конан не стал ее ругать. Ему самому было страшно.

Вот тут, на этом самом ложе, только что лежал человек. А потом нечто приползло в комнату и уволокло его. Какого рода было существо, Конан никакого понятия не имел. Но то, что в здешних скудно освещенных чертогах обитал какой-то неведомый ужас, сомнению не подлежало!

Действительно, пора убираться отсюда... Конан поймал Наталу за руку и потянул за собой, но сразу остановился. Откуда-то из пройденных ими покоев послышался звук шагов. Вполне человеческих. Производивший их шел босиком либо в мягкой обуви, и Конан, движимый волчьей осторожностью, быстро свернул под другую арку. Он полагал, что сумеет выбраться во внешний двор, обойдя шедшего по комнатам.

Они успели пересечь всего несколько покоев, когда шуршание шелковой занавески вынудило их замереть. Конан

обернулся... У занавешенного алькова стоял человек. И пристально разглядывал их с Наталой.

Внешне он был ровно такой же, как и встреченные прежде. Рослый, хорошо сложенный, в пурпурной одежде, перехваченной поясом с самоцветами. Взгляд янтарных глаз не выражал ни удивления, ни враждебности. Человек смотрел сонно и мечтательно, словно любитель лотоса. Он так и не вытащил короткого меча, висевшего на ремне. А когда он заговорил – причем на каком-то неведомом языке, – его голос показался Конану далеким, рассеянным и бесплотным.

Конан наудачу ответил ему на стигийском, и человек его понял.

– Кто ты?

– Я Конан из Киммерии, – ответил варвар. – Это вот Натала, она бритунийка. А что это за город?

Человек ответил не сразу. Его отрешенный взгляд остановился на Натале, и, растягивая слова, он произнес:

– О венец моих странных и прекрасных видений, золотовласая дева, ответь мне, из какой волшебной страны снов ты явилась? Быть может, ты из далекой Андарры, или из Тотры, или из опоясанного звездами Каса?

Увы, красноречие незнакомца пропало впустую.

– Это еще что за чушь собачья? – раздраженно проворчал киммериец.

Однако на него больше не обращали внимания.

– Мне снились и более роскошные красавицы, – пробормо-

мотал человек. – Я видел гибких женщин с волосами непрогляднее ночи, с темными глазами, хранившими бездонную тайну... Но твоя кожа бела, точно молоко, твои глаза яснее рассвета, ты дышишь свежестью и изяществом, манящим, как сладостный мед... Возляг же со мной на ложе, о милая дева из сна!

И, шагнув навстречу, он по-хозяйски потянулся к Натале. Конан отшвырнул его руку с такой силой, что у других от подобного шлепка, бывало, кости ломались. Мужчина отшатнулся, хватаясь за онемевшее плечо, янтарные глаза затуманились.

– Что это? – пробормотал он. – Никак призраки взбунтовались?.. Повелеваю тебе, варвар, – изыди! Пропади! Сгинь! Рассейся!..

– Я не сгину и не рассеюсь! – нагрубил обозленный киммериец, поигрывая обнаженным мечом. – Так-то вы тут, значит, встречаете чужеземных гостей?

У желтокожего понемногу пропадало с лица сонное выражение, сменяясь глубоким недоумением.

– Тог!.. – вырвалось у него. – Так ты настоящий? Откуда ты? Кто ты? И что ты делаешь здесь, в Ксутале?..

– Мы пришли из пустыни, – хмуро ответил Конан. – Мы пришли в город на закате, умирая от голода. Нашли стол с угощением... Сразу говорю: денег, чтобы за это заплатить, у меня нет. В нашем краю голодных принято кормить даром, но вы, цивилизованные люди, за все требуете платы звонкой

монетой. Подозреваю, что и здесь порядки такие же. Мы, в общем-то, ничего не украли и как раз собирались уйти. Видит Кром, мне тут не понравилось! Здесь мертвецы вскакивают и куда-то бегут, а тени пожирают спящих людей.

Последнее замечание заставило человека вздрогнуть, желтую кожу словно подернуло пеплом.

– Как, как ты сказал? Тени? Пожирают людей?..

– Ну, – ответил Конан с проснувшейся осторожностью, – я вообще-то не знаю... Какая-то тень мелькнула, и человек пропал, осталась только капелька крови...

– Так ты видел? Ты видел? – Теперь мужчина дрожал как лист, его голос сорвался на визг.

– Я видел, как человек спал на ложе, а потом его поглотила тень, – сказал Конан.

Эти слова оказали на его собеседника ужасающее воздействие. Мужчина дико закричал и, повернувшись, кинулся из комнаты прочь. В своем слепом бегстве он налетел на дверной косяк, кое-как выправился – и унесся в глубину покоев, по-прежнему крича во все горло. Конан проводил его недоумевающим взглядом, бедная Натала трепетала, держась за его руку. Видеть человека они более не могли, но отдаленные крики были еще слышны, и эхо бродило под сводчатыми потолками. А потом донесся особенно громкий, резко оборвавшийся вопль, и сразу все стихло.

– О Кром!..

Конан вытер со лба пот.

– Они тут все сумасшедшие, – сказал он погодя. – Пойдем-ка наружу, пока еще кого не встретили!

– Нам привиделся кошмар, – всхлипывала Натала. – Мы умерли и были прокляты! Мы погибли в пустыне и низвергнулись в ад! Мы с тобой – духи бесплотные... Ой!

Увесистый подзатыльник прервал череду ее жалоб.

– Дух бесплотный? А шлепнешь – орет, – усмехнулся Конан, хорошо знавший, что шутка, даже такая грубоватая, иной раз помогает привести в чувство зашедшегося от страха. – Да живые мы, живые! Правда, если решим остановиться в этой поганой дыре, все может очень даже измениться... Кром! Это еще что?

Они успели миновать всего одну комнату, когда снова пришлось остановиться. К ним явно приближался кто-то – или что-то. Они стояли лицом к двери, откуда доносились шаги, и ждали, когда же кончится неизвестность. Ноздри Конана раздувались, глаза нехорошо сузились... И вот наконец под аркой обрисовалась человеческая фигура. Да такая, что Конан вполголоса выругался, а Натала открыла от изумления рот.

Перед ними, непонимающе смотря, стояла женщина. Рослая, гибкая, божественно сложенная – и облаченная всего-то в узенький поясок, искрившийся самоцветами. Глянцевый водопад черных как ночь волос оттенял теплую белизну кожи. Темные глаза в пушистых ресницах глядели чувственно и глубоко. У Конана дух захватило от такой красоты, да и

у Наталы округлились глаза. Подобных женщин киммериец совершенно точно ни разу прежде не встречал. Черты ее лица походили на стигийские, но у стигиек, виденных им до этого дня, была темная кожа, а у этой тело светилось, как алебастр.

Когда же она заговорила, то голос оказался богатым и музыкальным, а язык – все-таки стигийским.

– Кто ты? – обратилась она к киммерийцу. – Что ты делаешь в Ксутале? И кто эта девушка?..

– Сама-то кто такая? – хмуро поинтересовался Конан.

Одни и те же вопросы порядком поднадоели ему.

– Я Талис, стигийка, – ответила она. – А ты, верно, рас-судка лишился, что надумал явиться сюда?

– Начинаю приходить к этой мысли, – проворчал Конан. – Видит Кром, если я еще разумен, мне здесь точно нечего делать, тут у вас одни чокнутые живут! Мы к ним выползаем из пустыни, можно сказать, на карачках, еле живые от жажды и голода, а нас встречает мертвец, который тут же ни за что ни про что пытается пырнуть меня в спину! Потом заходим во дворец, набитый роскошью под самый купол, а внутри никого! Стол накрытый стоит, а едоки все попрятались. Только тени какие-то ползают и заглатывают спящих людей... – Конан пристально следил за стигийкой, и от него не укрылась ее внезапная бледность. – Ну?

– Что – ну? – спросила она, овладевая собой.

– Я ждал, что ты тоже дашь деру, сметая занавески и крича

во весь голос, – сказал Конан. – Ну, как тот малый, которому я сейчас про тень рассказал.

Она пожала изящными белыми плечиками.

– А-а, так вот что за крики я слышала... От судьбы все равно не уйдешь, так много ли толку верещать подобно крысе в ловушке? Когда Тог возжелает меня, он просто придет за мной, и быть посему...

– Тог – это кто? – осведомился Конан подозрительно.

Стигийка наградила его долгим оценивающим взглядом, который почему-то заставил Наталу густо покраснеть и прикусить губу.

– Садитесь на диван, я вам расскажу, – ответила Талис. – Только прежде скажите мне свои имена.

– Я Конан из Киммерии, а это бритунийка Натала, – ответил Конан. – Наше войско разбили на границах Куша, так что мы с ней нынче в бегах... Знаешь, неохота мне садиться на этот диван. Так и кажется, что сзади тень подползает!

Стигийка мелодично рассмеялась и села, с хорошо заученной небрежностью вытянув стройные ноги.

– Не о чем беспокоиться, – сказала она. – Если Тог захочет, он вас возьмет, где бы вы ни были. Человек, о котором ты говорил – ну тот, что закричал и пустился бежать, – он ведь под конец испустил такой особый страшный крик, верно? И потом стало тихо, так?.. Надо думать, он в своем паническом бегстве напоролся как раз на то, чего тщился избегнуть... Я же говорю – от судьбы не уйдешь!

Конан буркнул нечто невразумительное, но все-таки опустился на краешек дивана. Обнаженный меч лежал у него на коленях, а взгляд продолжал тревожно обшаривать помещение. Натала примостилась рядом, держась за него, и теперь в ее поведении сквозила еще и ревность. Поджав ноги, она поглядывала на стигийку с недоверием и обидой. Рядом с этой великолепной красавицей она чувствовала себя маленькой, тощей и засиженной мухами. И уж конечно, от нее не укрылся взгляд темных глаз, буквально ласкавших все тело бронзовокожего исполина.

– Так что это за место? – осведомился Конан. – И кто тут живет?

– Это очень древний город, имя же ему Ксутал. Он выстроен над оазисом в пустыне, на который основатели города набрали в своих странствиях. С востока явились они, и было это столь давно, что даже их потомки не помнят когда...

– Немного же их осталось, – заметил киммериец. – Покои большие, а выглядят необитаемыми.

– Людей здесь больше, чем тебе кажется, – возразила стигийка. – Весь город, по сути, является одним сплошным дворцом; все дома, находящиеся внутри стен, соединены между собой. Здесь можно ходить много часов, никого не встречая, но это уж как повезет. Другой раз люди попадаются один за другим, причем сотни и сотни...

– Это как? – спросил Конан. По его мнению, услышанное порядком отдавало колдовством, и ему это не нравилось.

– Здешние люди много времени проводят во сне. Сновидческая жизнь для них важна не меньше, чем явь, и столь же реальна. Ты когда-нибудь слышал о черном лотосе? В городе есть особые места, где его выращивают. За много веков садовники сумели его изменить, и теперь его сок вместо смерти приносит роскошные, ни с чем не сравнимые сновидения. Им-то жители Ксутала и посвящают большую часть своего времени. Зато их бодрствование подобно сну: оно невнятно, бесцельно и беспорядочно. Они спят, пробуждаются, пьют, едят, предаются любви и вновь засыпают... Они редко доводят начатое до конца – чаще все бросают как придется и вновь погружаются в грезы, навеянные соком черного лотоса. Взять хоть пищу на столе, которая утолила ваш голод. Вне сомнения, кто-то, пробудившись, решил перекусить и приготовил себе еды... а потом забыл про нее и ушел спать.

– Ладно, а еду они откуда берут? – перебил Конан. – Что-то я не заметил за стенами ни виноградников, ни полей! У вас как тут, и огороды, и скотные дворы – все внутри?

Она покачала головой.

– Им не нужны стада и посевы, эти люди производят себе пищу из природных веществ. Они ведь прекрасные ученые, и головы у них работают как надо, когда лотос выветривается из мозгов! А предки их вовсе были гигантами разума, ведь они построили этот город посреди пустыни и создали всю роскошь, которой он начинен. И даже теперь, когда здешний народ поработило пристрастие к дурману, частица

дивных знаний еще не умерла до конца... Я думаю, ты успел подивиться освещению в покоех? Это драгоценные камни, которые воспламенил радий. Проведи по ним пальцем в одну сторону – и они вспыхивают. В противоположную – и они гаснут... Вот тебе пример того, до чего дошла наука ксутальцев. А сколько всего они позабыли!.. И все из-за того, что живая жизнь интересуется их все меньше. Они предпочитают сон, похожий на смерть...

– Ага, – сказал Конан. – Так значит, тот мнимый мертвец возле ворот...

– Вне всякого сомнения, он спал. Лежащего в лотосовом сне легко принять за умершего. Все телесные процессы так замедляются, что трудно бывает распознать признаки жизни. Дух покидает тело и отправляется в странствие по запредельным мирам. Кстати, человек у ворот есть наглядное свидетельство безалаберного отношения этих людей к собственной жизни. Он ведь должен был охранять ворота – там, согласно обычаю, ставят стражника, хотя никакой враг отроду не покушался на город. Таких стражей можно обнаружить и в других местах Ксутала. И тоже – спящих без зазрения совести...

Конан поразмыслил над услышанным и спросил:

– А сейчас где все?

– Разошлись по разным частям города. По кушеткам, шелковым диванам, по заваленным подушками альковам и тюфякам, обтянутым мехом. Причастились лотоса и смотрят

несравненные сны.

Конан почувствовал, как мускулы между лопатками прорднуло холодком. Его как-то не грела мысль о сотнях людей, что лежали холодными и неподвижными полутрусами в этих просторных, устланных коврами дворцах, лежали, глядя в потолки остекленелыми глазами...

Потом он вспомнил кое-что еще и спросил:

– Ну так что там насчет той штуки, которая тихо скользит из комнаты в комнату и утаскивает людей прямо с ложа?

Прекрасная стигийка содрогнулась всем телом.

– Его имя Тог, он из Древних... Это бог Ксутала, обитающий в затонувшем куполе посреди города... Он жил здесь всегда. Пришел ли он сюда вместе с основателями города или уже обитал здесь? Никто не знает. Здесь его чтят, ему поклоняются... Большой частью он спит в своих подземельях, но порой – и этого нельзя предсказать – его будит голод, и он отправляется в путь по тайным коридорам и сумрачным чертогам в поисках жертвы... И тогда никто не может считать себя в безопасности...

Натала прямо-таки застонала от страха и повисла у Конана на шее, как бы заранее сопротивляясь любой попытке оторвать ее от могучего спутника.

– Кром, – вырвалось у него. – Ты хочешь мне сказать, что они все лежат и спят себе, пока эта нечисть шастает кругом и промышляет себе жертву на ужин?

– Голод будит его лишь время от времени, – повторила

стигийка. – И потом, божеству положены жертвы, так ведется от века. Ребенком я жила в Стигии, и там все боялись жрецов. Никто не мог знать, кого и когда выберут, чтобы тащить на алтарь! Ну и какая разница, жрецы ли избирают жертву для своего божества – или оно само является, чтобы ее взять?

– У моего народа нет такого обыкновения, – проворчал Конан. – И в стране Наталы так тоже не делают. Хайборийцы поклоняются Митре, который не требует человеческих жертв. Что же до моего племени... Кром! Не отказался бы я посмотреть на жреца, которому удастся затащить на алтарь киммерийца! То есть крови, понятно, прольется вдосталь, только не той, которой хотелось бы жрецу...

– Варвар ты, – рассмеялась Талис, но в искристых глазах мерцали огоньки. – Тог – особое божество. Очень древнее... и очень грозное...

– Все равно здешний народ – либо придурки, либо герои, – сказал Конан. – Вот так лежать и смотреть какие-то глупые сны, зная при этом, что проснуться можно в брюхе у демона...

Стигийка вновь рассмеялась.

– Они ведь другой жизни не знают, – сказала она. – С тех пор как Тог забрал первую жертву, сменились несчетные поколения. Когда-то во дворце обитали тысячи, теперь остались сотни, – в том числе и по его милости. Еще несколько поколений, и не останется вообще никого. Тогда Тогу при-

дется либо отправиться во внешний мир за новыми жертвами, либо убраться в подземное царство, из которого он явился когда-то.

Эти люди осознают свою неминуемую участь, но они – фаталисты, неспособные ни к сопротивлению, ни к бегству. Ни один из ныне живущих ни разу даже не высовывался сколько-нибудь далеко за городские стены. К югу отсюда на расстоянии дневного перехода есть еще оазис... Я видела его на старых картах, составленных их предками, но вот уже три поколения жителей Ксутала не посещали его. А плодородные земли, которые, согласно тем же картам, лежат еще в одном дне пути, перестали исследовать даже раньше... Варвар, это племя обречено! Они погрязли в лотосовом дурмане, а редкие часы бодрствования скрашивают золотым вином, которое заживляет раны, продлевает жизнь и способно вернуть бодрость самому пресыщенному развратнику...

И все-таки они цепляются за жизнь и отчаянно боятся божества, которому поклоняются! Ты сам видел, как один из них прямо-таки помешался от ужаса, узнав о пробуждении Тога. А мне доводилось наблюдать, как весь город вопил и рвал на себе волосы и в ужасе мчался за ворота... чтобы скорчиться там за стенами и ждать, на кого падет жребий. И когда один из них оказался избран, его швырнули обратно в ворота, дабы Тог утолил свою похоть и голод... Вот и теперь, если бы они не спали по комнатам, весть о появлении Тога заставила бы их с воплями ломиться наружу!

– Ой, Конан, – в ужасе взмолилась Натала, – давай скорей отсюда уйдем...

– Всему свое время, – отозвался киммериец. Стройные ножки цвета слоновой кости прочно приковали к себе его взгляд. – Ну а ты-то, стигийка, что здесь делаешь?

– Я попала сюда в ранней юности, – ответила она, откидываясь на бархатные подушки и сплетая за головой изящные руки. – Если ты присмотришься к цвету моей кожи, почти такой же белой, как у твоей подружки, то поймешь – я не какая-нибудь простолюдинка. Я – дочь короля. Меня похитил один из принцев, восставших против отца. Встав во главе армии кушитских стрелков, он ушел на юг, в дикие земли, чтобы завоевать там страну и стать ее властелином. Его самого и всех его воинов забрала пустыня... Самый последний посадил меня на верблюда и вел его, пока не свалился замертво. Животное, однако, продолжало шагать... Потом я начала бредить от жажды и голода и впала в забытие, чтобы очнуться уже здесь, в этом городе. Мне рассказали, как на рассвете меня заметили со стены – я без сознания лежала рядом с мертвым верблюдом... Они подобрали меня и привели в чувство, напоив своим чудесным вином. Даже в те времена лишь вид женщины мог их подвигнуть на такую дальнюю вылазку за городские пределы!

Они очень тянулись ко мне, особенно, конечно, мужчины. Я не знала их языка, и они выучились разбирать мою речь. Я уже говорила – они удивительно даровиты и необыкновенно

умны. Они овладели стигийским языком намного быстрее, чем я – здешним. Но конечно, в первую голову их интересовала я сама. Я и до сих пор – та единственная причина, по которой здешний мужчина способен на время отрешиться от лотосового дурмана...

И она лукаво рассмеялась, смело и откровенно поглядывая на Конана.

– Женщины, понятное дело, ревнуют, – проговорила Талис, впрочем, очень небрежно. – Эти желтокожие прелестницы по-своему тоже красивы, но они такие же вялые и нерешительные, как их мужья. Ну а мужчин тянет ко мне не только моя красота, но и то, что я – настоящая. Я ведь – не сон! Да, в свое время я вкусила лотосовых снов, но я – по-прежнему настоящая женщина, с самыми земными помыслами и желаниями... Чем могут ответить мне эти желтые немочи с сонными глазами лунатиков? Вот поэтому, варвар, лучше будет тебе перерезать саблей девочке шейку, не дожидаясь, пока мужчины Ксутала проснутся и увидят ее, а увидев – возжелают и схватят.

Ей, слишком робкой и нежной, нипочем не вынести того, от чего я в свое время лишь расцвела... Я ведь родилась в Луксуре, и мне еще не исполнилось пятнадцати лет, когда меня отвели в храм темной богини Деркетто, дабы там посвятить в таинства... И даже после этого мне в первые годы в Ксутале жизнь медом ну никак не казалась. Здешние мужчины успели забыть гораздо больше, чем знали когда-либо са-

мые продвинутые жрицы Деркетто... Они ведь живут только ради чувственных удовольствий. Что во сне, что наяву они стремятся к удовольствиям за гранью разумения обычного человека...

– Выродки, – пробурчал Конан.

Талис ответила с ленивой улыбкой:

– Все дело в том, с какой стороны на вещи смотреть...

– Ладно, – сказал он тоном принятого решения. – Мы тут с тобой только зря время теряем. Я уже понял: обычному смертному, причем в здравом рассудке, нечего делать в этих стенах! Надо нам убираться отсюда, пока не проснулись твои недоумки... или Тог всех нас не слопал. Думаю, пустыня и та окажется милосердней!

Натала, у которой кровь стыла от всего услышанного, горячо с ним согласилась. Сама она по-стигийски понимала с пятого на десятое, но и этого хватило вполне. Конан встал с дивана и притянул к себе дрожащую бритунийку.

– Если ты нам покажешь ближайший выход из города, – обратился он к Талис, – будем весьма благодарны.

Глаза его, впрочем, продолжали бесстыдно ласкать ее атласные плечи и великолепную грудь, и от стигийки этот взгляд не укрылся. Загадочно улыбаясь, она поднялась, грациозная, точно ленивая кошка.

– Идите за мной, – сказала она и пошла впереди, чувствуя, как упивается варвар ее фигурой, осанкой, походкой.

Она вела их совсем не тем путем, каким они попали сю-

да, но еще прежде, чем Конан начал что-либо подозревать, она остановилась в обширном, украшенном слоновой костью чертоге и показала им небольшой фонтанчик, журчавший посередине.

– Не хочешь умыться, дитя? – обратилась она к Натале. – У тебя лицо чумазое и волосы сплошь пылью забиты.

Девушка обиженно покраснела, ощутив в голосе стигийки недоброжелательство и насмешку, но все же повиновалась, горестно раздумывая о том, сколь безвозвратно горячий ветер и солнце пустыни, должно быть, испортили кожу у нее на лице – нежную белую кожу, которой по праву гордились бритунийские женщины... Опустившись на колени перед фонтаном, она вытряхнула волосы, спустила с плеч рубашонку и принялась мыться.

– Кром знает что такое, – пробурчал Конан. – За девкой хоть сам демон гонись, а она только и думает, что о своей красоте!.. Поторопилась бы ты, а? Ты ведь точно так же пропылишься еще прежде, чем этот город скроется у нас за спиной... Слушай, Талис, может, ты еще и съестного чего-нибудь нам на дорожку сообразишь?

Вместо ответа стигийка прижалась к нему, вскинув белую руку на его бронзовое плечо. Он остро ощутил упругую шелковистость ее кожи, аромат пышных волос наполнил его ноздри...

– На что тебе опасная пустыня? – страстно зашептала она. – Остайся лучше здесь! Я научу тебя жизни в Ксута-

ле. Я буду тебя защищать. Я буду тебя любить! Ты – настоящий; меня уже тошнит от этих мокрогубых лунатиков, которые просыпаются, сонно вздыхают и засыпают опять! Я жажду чистой и яростной страсти, я хочу земного мужчину! Как горят твои глаза, я с ума от них схожу! Как бы я сгорала и таяла в твоих железных руках!.. Остайся здесь, и я сделаю тебя владыкой Ксутала! Я покажу тебе все его древние тайны и научу неслыханным наслаждениям! Я... – уже обе руки обвилились кругом его шеи, Талис приподнялась на цыпочки, трепеща и вздрагивая всем телом.

Глядя через ее плечо, Конан увидел, как Натала отбросила за спину мокрые спутанные волосы – и застыла от увиденного, глаза ее округлились, а губы дрогнули в немом изумлении. Смущенно буркнув, Конан выпутался из объятий Талис и отстранил ее от себя. Та оглянулась на юную бритунийку и вновь загадочно улыбнулась, чуть кивнув царственной головой, словно сама себе отвечая на какой-то непостижимый вопрос.

Натала поднялась с колен и натянула рубашку на плечи. Она стояла с надутыми губами, глаза подозрительно блестели. Конан выругался вполголоса. Он был не большим однолюбом, чем самый последний наемник, но в сердечных делах ему было присуще врожденное благородство, которое и защитило Наталу.

Стигийка, впрочем, не упорствовала. Жестом пригласила их следовать за собой – и пересекла покой... чтобы остано-

виться у завешенной коврами стены. Конан сразу подумал, а не услышала ли она шорох подкрадывающегося чудовища, и по спине тотчас побежали мурашки.

– Что ты слышишь? – вырвалось у него.

– Осторожно – там, в той арке... – ответила она, указывая рукой.

Конан крутанулся, держа саблю наготове, но дверной проход оказался пуст. А вот позади раздался звук короткой борьбы, полузадушенный вскрик... Он стремительно обернулся, но не увидел ни Наталы, ни Талис. Стенной ковер снова обретал неподвижность, как если бы его сдвинули с места, а потом отпустили. Пока киммериец силился сообразить, что к чему, откуда-то из недр стены долетел сдавленный вопль, и Конан узнал голос своей бритунийской подружки.

2

Когда Конан повернулся навстречу опасности, вроде бы указанной ему Талис, Натала по обыкновению держалась вплотную позади него, а стигийка – от нее сбоку. И вот, подгадав момент, когда киммериец отвлекся, Талис с невероятной, прямо-таки звериной быстротой зажала рот бритунийке, оборвав готовый вырваться крик. Другой рукой хищница обхватила свою жертву за талию – и вместе с ней откачнулась к стене, ударившись в нее плечом... И стена неожиданно уступила нажиму! Каменная плита открылась вовнутрь, в коврах открылась прорезь – и Талис ускользнула вместе со своей пленницей еще прежде, чем Конан успел повернуться обратно.

Тайная дверь мгновенно захлопнулась, и двух женщин окутала крошечная темнота. Талис повозилась во мраке, явно пристраивая на место засов. Для этого ей пришлось отнять ладонь от лица Натаны, и светловолосая бритунийка немедленно завопила на пределе голоса, взывая о помощи.

Издвательский смешок Талис пролился во тьму, словно отравленный мед.

– Кричи, кричи, дурочка, – промурлыкала она. – Меньше проживешь.

Натала умолкла, поняв, что крик ей не поможет, и только дрожала всем телом, беспомощная в темноте.

– Зачем ты... это сделала? – прошептала она затем. – На что я тебе?

– Я отведу тебя кое-куда по этому коридору, – ответила прекрасная мучительница. – И покину там для того, кто рано или поздно явится за тобой.

– О-о-о-ой! – в ужасе разрыдалась Натала. – За что? Я же тебе ничего плохого не сделала...

– Мне нужна не ты, а твой воин, – ответила равнодушно стигийка. – Я таких, как он, насквозь вижу. Если бы не ты, он был бы рад остаться здесь со мной и стать моим королем! Осталось только убрать тебя с дороги – и он пойдет, куда я его поведу!

– Он глотку тебе перережет, – убежденно пообещала Натала. Она знала Конана гораздо лучше, чем Талис.

– Поглядим, – хладнокровно ответила та. У нее не было причины сомневаться в своей власти над мужчинами. – Ты-то в любом случае не узнаешь, целует он меня или на куски режет. К тому времени ты станешь невестой жителя мрака... Идем!

Сходя с ума от страха, Натала принялась отчаянно отбиваться, но добилась немногого. В мышцах стигийки таилась упругая и гибкая сила, казавшаяся невероятной для женщины. Натала никогда бы не поверила, что такое возможно, но Талис просто вскинула ее на плечо и унесла, как младенца, в непроглядную глубину коридора. Бритунийка больше не пыталась кричать, памятуя о зловещем предупреждении, так

что тишину нарушало лишь ее судорожное дыхание да изредка – издевательски-сладострастный смешок Талис...

Но вот слепо шарившая рука Наталы сомкнулась на чем-то вещественном – ее ладонь сжала самоцветную рукоять кинжала, висевшего на драгоценном поясе Талис. Натала выхватила клинок – и ударила с размаху, изо всех своих девичьих силенок.

Талис закричала, точно ошпаренная кошка. Она пошатнулась, Натала выскользнула из ее хватки и больно шлепнулась на каменный пол. Вскочив, она кинулась к ближайшей стене, распласталась по камням и, дрожа, замерла в темноте. Она не могла видеть Талис, но слышала, как та двигалась и шипела. Удар не убил стигийку – она сыпала безостановочными проклятиями, и они дышали таким убийственным злом, что у Наталы начали подгибаться коленки.

– Где ты, маленькая дрянь? – задыхаясь, вопрошала Талис. – Дай только добраться до тебя, и я...

Наталу едва не стошнило от подробного описания пыток и истязаний, которым стигийка намеревалась подвергнуть соперницу. При этом изысканная стигийская принцесса еще и материлась, точно самая прожженная аквилонская шлюха.

Натала услышала, как Талис зашарила в темноте, и наконец вспыхнул огонек. Возможно, Талис и побаивалась этого коридора, а того пуща – его страшного обитателя, но лютая злоба уничтожила всю боязнь. Свет исходился настенным камнем – одним из тех радиевых самоцветов, которы-

ми пользовались в Ксутале. Талис должным образом потеряла его пальцем и теперь купалась в его красноватом – не самом обычном по здешним меркам – свечении. Одну руку она прижимала к боку, по пальцам текла кровь. Опасно раненой она, впрочем, не выглядела, удар только разжег в ее глазах демонические огоньки.

Все скудное мужество Наталы разом испарилось при виде стигийки, хищно скалившейся в ореоле багрового света. Вот она двинулась вперед походкой пантеры, вот отняла руку от порезанного бока и раздраженно стряхнула с пальцев темные капли... Натала увидела, что сумела едва поцарапать противницу. Лезвие кинжала скользнуло по отделанному камнями поясу и рассекло только кожу, и Талис несколько не ослабела – лишь взбеленилась.

– Отдай кинжал, гадина! – проскрежетала она, нависнув над съжившейся девушкой.

Умом Натала понимала, что должна драться, пока имеет такую возможность... увы, мужества у нее не хватило. Боевым характером и драчливостью она никогда не отличалась, а тут еще эта тьма, предательство и насилие с такой неожиданной стороны... Все вместе попросту раздавило бедняжку – и физически, и духовно. Талис выхватила кинжал из ее безвольной руки и презрительно отшвырнула прочь.

– Маленькое ничтожество! – прошипела она сквозь зубы и обеими руками по очереди вlepила Натале две оглушительные затрещины. – Я отволоку тебя вниз по этому коридору

и швырну прямо в пасть Тогу, но прежде сама хорошенько позабавлюсь с тобой! Ты осмелилась пырнуть меня кинжалом – и в полной мере заплатишься за свою дерзость!

Схватив бритунийку за волосы, Талис почти волоком протащила ее туда, где на краю освещенного пространства в стене чуть повыше человеческого роста поблескивало тяжелое металлическое кольцо. С кольца свисал кусок шелкового шнура. Не в силах сопротивляться, Натала почувствовала, как с нее сдергивают последнюю одежку, после чего Талис обмотала ее запястья веревкой и вздернула вверх, подвешивая к кольцу. Так она и повисла – в чем мать родила, едва касаясь пола пальцами ног. А Талис уже снимала со стенного крючка хлыст с рукоятью, отделанной самоцветами, – о семи хвостах, каждый хвост из тугого крученого шелка, что был прочнее и гибче любого кожаного ремня...

Шипя от мстительной радости, Талис широко размахнулась... Шнуры свистнули и обвились кругом нежных бедер Наталы, и девушка отчаянно закричала. Удары сыпались один за другим, несчастная бритунийка кричала, корчилась и рвалась, беспомощно дергая стянувшую запястья веревку. Она уже не помнила о чудовищной твари, которую ее крики предположительно могли вызвать из мрака. Забыла о ней и Талис.

Натале случалось принимать унижительные наказания, пока она жила в Шеме и переходила из рук в руки как невольница, – но нынешнее битье было чем-то особым. Ше-

митские надсмотрщики понятия не имели о казнящей силе жесткого шелкового шнура. Какие там розги, какой ремень!.. Семихвостка Талис причиняла, можно сказать, качественно иное страдание, куда более утонченное и жестокое. Как ядовито шипели ее хвосты, рассекая воздух подземелья, как позмеиному ласково опускались на кожу!..

Бедная девушка извивалась и вертелась под кольцом... и вдруг настал миг, когда разом смолкли отчаянные крики, а залитое слезами лицо оледенил несусветный ужас.

Это насторожило стигийку, она удержала руку, занесенную для очередного удара, и обернулась... Слишком поздно! На сей раз кошачья быстрота ей не помогла. С жутким воплем Талис качнулась назад... В зрачках Наталы отразилось воплощение ужаса – белая фигура с раскинутыми руками на фоне черной бесформенной тени, громоздившейся у нее за спиной... А в следующий миг стигийку унесло куда-то вверх, и тень отступила, унося ее с собой. Наталя осталась одна в круге тусклого света, едва не лишившись чувств от мучений и пережитого ужаса.

Еще некоторое время ее слуха достигали неисповедимые звуки из тьмы. Она различала голос Талис, в котором слышалась неистовая мольба... Стигийке никто не ответил. Затем Талис взвыла в чудовищной муке... истерически захохотала, всхлипывая и икая... И вновь – частое, судорожное дыхание... И вот наконец оно тоже прекратилось, и тайный коридор заполнила тишина куда хуже всякого крика.

Сходя с ума от тошнотворного страха, Натала все же извернулась на веревке, отважившись посмотреть в ту сторону, где скрылась утащенная тенью стигийка. Ей ничего не удалось разглядеть, лишь наплывало чувство угрозы более жуткой, чем могло нарисовать самое воспаленное воображение. Натала ощутила, что ее рассудок вот-вот поколеблется. Запястья, изрезанные путами, и тело, располозованное хлыстом, – все забылось в тени безликого ужаса, грозившего не только плоти, но и душе.

Она напрягала зрение, вперяя глаза во тьму за пределами освещенного круга, даже не пытаясь гадать, что может появиться оттуда... У нее вырвался лишь слабенький всхлип, когда во мраке наметился вещественный силуэт. Из пустоты надвигалось нечто громадное. Вот отблески радиевого камня коснулись гигантской бесформенной головы... То есть предположительно головы, ибо существо слишком сильно отличалось от обычных земных тварей, а от человека и подавно. Его морда отчасти напоминала жабыю, увиденную в кривом зеркале ночного кошмара. Глаза были двумя лужами мутного света, и Натала невольно зажмурилась, явственно прочитав в них всю похоть Вселенной... Что до остального тела, – бедняжка вовсе не взялась бы сказать ничего определенного, потому как оно плыло, перетекало, менялось прямо у нее на глазах. Правда, при всем том оно явно обладало материальностью. Не призрак, не тень, – перед Наталой было существо, наделенное плотью.

Оно приближалось, двигаясь неведомо как – то ли шло, то ли ползло, то ли парило над полом... то ли перемещалось еще каким-то невиданным способом. Вот оно окончательно выдвинулось из теней, но понятней не стало. Даже самосветящийся камень озарял его не так, как всех обычных созданий. Казалось, тварь несла с собой свою собственную темноту, свет обтекал ее, но не касался. Это мешало взгляду приглядеться подробнее, хотя существо уже почти притрагивалось к телу скорчившейся бритунийки. Натала по-прежнему более-менее ясно различала лишь жабью морду с изредка моргающими глазками. Все прочее оставалось мутным пятном, объемной тенью, которую обычный свет не мог ни рассеять, ни проникать.

«Я сошла с ума», – подумала бедная Натала, сообразив, что не может даже определить, снизу или сверху глядят на нее бледные светящиеся буркалы. Зрение убеждало ее лишь в одном: в материальности этого существа. Еще миг, и осязание подтвердило то, о чем говорили глаза. Что-то вроде темного щупальца обвилось кругом ее обнаженного тела, и прикосновение заставило бритунийку отчаянно завопить от ужаса и омерзения. Между тем щупальце было ни холодным, ни теплым, ни шершавым, ни гладким; девушке было просто не подобрать определения, ее память не хранила ничего даже отдаленно похожего, чтобы сравнить. А щупальце между тем принялось ласкать ее тело, и она задохнулась от доселе неведомого ужаса и стыда. Ее разом захлестнула вся

грязь, вся бездна порока и разврата, таившаяся на похабных задворках жизни...

И еще она поняла: к какой бы ветви живых существ ни принадлежал хозяин Ксутала, он был определенно разумен. Но какое применение нашел его разум!..

Натала билась и кричала, чудовище стискивало ее и пыталось силой сдернуть с веревки; и в это время у них над головами тяжело грохнуло, и чье-то тело, разорвав воздух, приземлилось рядом на каменный пол...

3

Обнаружив, что Наталу внезапно похитили, Конан с яростным ревом протаранил плечом стену, где колебался потревоженный ковер и из недр которой доносились приглушенные крики. Сила удара была такова, что какой-нибудь городской хлюпик точно переломал бы себе кости, но Конана лишь отбросило прочь. Он сорвал ковер со стены, ища тайную дверь... Его глазам предстал голый и гладкий камень. Вне себя от бессильного бешенства, Конан замахнулся саблей...

Неожиданный шум, поднявшийся за спиной, заставил его оглянуться. Перед ним с мечами в руках стояло не менее двадцати желтокожих, одетых в пурпур. Как только он повернулся, они с враждебными криками бросились на него, размахивая оружием. Конан не сделал ни малейшей попытки успокоить их и договориться добром. Внезапное нападение на подружку вывело его из себя, и варвар предстал во всей своей первозданной красе.

Он прыжком бросился вперед, кровожадно рыча в радостном предчувствии боя. Короткий меч первого из нападавших оказался бесполезен против длинного кривого клинка – и мозги ксутальца оказались на полу еще прежде, чем уже мертвое тело утратило равновесие и свалилось. Крутанувшись, как дерущийся кот, Конан поймал лезвием чью-то ру-

ку, и кисть улетела прочь вместе с мечом, рассыпая в воздухе веер алых дро-блящихся капель. А Конан продолжал двигаться – стремительно и непрерывно; мощный рывок вынес его из-под ног сразу у двоих нападающих, а поскольку атаковали они с разных сторон, промахнувшийся меч одного глубоко застрял в груди у другого.

Желтокожие разразились криками разочарования и испуга, и Конан позволил себе ответить коротким и очень нехорошим смешком, уворачиваясь от косога удара и снизу вверх поражая очередного противника. Кровавый шлейф протянулся в воздухе за его летящим клинком – и житель Ксутала с воплем упал на колени, пытаясь руками зажать рассеченные мышцы на животе.

Теперь нападающие завывали, точно взбешенные волки. Жизнь не приучила их к битвам. Они были смехотворно медлительными и неуклюжими по сравнению с этим двуногим тигром, за которым не успевал уследить глаз. Конан двигался так, как способен двигаться только обладатель стальных мышц и разума прирожденного воина. Его противники путались в собственных ногах и натыкались один на другого, их мечи опускались то слишком рано, то слишком поздно – и рассекали пустой воздух. Конан же танцевал и отскакивал, вертелся, изгибался и нападал, почти не давая прикоснуться к себе. Он ни единого мгновения не оставался на месте, лишь изогнутый клинок выпевал смертные песни врагам...

Но надо сказать, что при всей своей неумелости воинам

Ксутала мужества было не занимать. Они лезли и лезли, размахивая мечами, и сквозь анфилады покоев на помощь первой двадцатке спешило новое пополнение. Должно быть, шум и гам схватки побеспокоили сновидцев, разогнав лотосовый дурман.

Конан, у которого уже кровоточил порез на виске, круговым взмахом отогнал от себя нападавших, выгадывая мгновение, чтобы оглядеться по сторонам. От бесчисленных противников пора было спастись, но вот куда?.. И тут на глаза киммерийцу попала стенная занавесь: сбитая на сторону, она являла взгляду узкую лестницу. Наверху стоял мужчина в богатом наряде и сонно озирался кругом. Было видно, встать-то он встал, но толком еще не проснулся и не очень понимал, что творится вокруг.

Конан действовал молниеносно. Тигриный прыжок вынес его за пределы круга сдвинувшихся врагов едва ли не через их головы, и он рванул к лестнице, опережая медлительную погоню. У подножия мраморных ступеней его встретило трое желтокожих одновременно. Киммериец пошел напролом, и его клинок с лязгом обрушился на все три вскинутых навстречу меча. Они скульптурной группой замерли на одно-единственное мгновение, когда сила ломила силу; потом трое полетели в разные стороны, а Конан помчался вверх по ступенькам. Подоспевшая погоня не сразу перебралась через три тела, корчившиеся у порога. Одно лежало лицом вниз в жуткой мешанине крови и вылетевших мозгов; второе сили-

лось приподняться, но жизнь вытекала из него вместе с черной кровью, хлеставшей из порванных шейных жил. Третий желтокожий скулил, точно умирающий пес, и сжимал багровый обрубок, недавно бывший рукой...

Конан взлетел по лестнице, прыгая через ступеньки. К тому времени стоявший наверху стряхнул с себя сонное оцепенение и достал меч, морозно сверкнувший в радиевом свете. Человек ткнул клинком в подбегавшего снизу варвара, метя в горло. Конан нырнул под его выпад, меч тронул кожу у него на спине, но, выпрямляясь, варвар ударил саблей снизу вверх, как мясник бьет на бойне тесаком.

Удар, за которым стояла вся мощь тела, разогнанного яростным бегом, оказался таков, что меч ушел в тело по рукоять, но Конана это не особенно задержало. Не останавливаясь, он отшвырнул обмякшего ксутальца, и тот покатился вниз по ступеням, располосованный от паха до самой грудины. Обматываясь собственными кишками, мертвец влетел под ноги желтокожим, гнавшимся за Конаном, и унес их с собой обратно вниз...

Сила столкновения отбросила Конана к стене и едва не оглушила. Все же он устоял – и, отряхнув кровь с клинка, бросился дальше наверх.

Когда наконец он достиг верхнего помещения, там никого не было. Зато крики, доносившиеся снизу, достигли предела ужаса и мстительного гнева, и Конан сообразил, что убитый им ксуталец в богатой одежде был, верно, человек с положе-

нием. Вельможа, если не сам король!

Конан не знал, куда ему двигаться дальше, и поэтому бежал просто вперед. Он всей душой желал отыскать и вызвать Наталу, которой, как он отлично понимал, сейчас как никогда требовалось его заступничество. Но если за тобой гонится целый город, поневоле остается только удирать – и уповать на удачу. Может, в самом деле еще удастся не только шкуру свою спасти, но и девушку выручить...

В анфиладах скудно освещенных чертогов верхнего этажа Конан быстро потерял всякое чувство направления... И не мудрено, что в какой-то момент он и его недруги одновременно вбежали с разных сторон в один и тот же покой.

Они разразились боевыми криками и бросились на него всей оравой, и Конан, зарывав от отвращения, вынужден был развернуться и бежать назад тем же путем. Вскоре, пересекая особенно тщательно отделанный покой, он понял, что допустил ошибку. Остальные комнаты, попадавшие ему на верхнем этаже, были пусты. В этой обнаружился жилец, с криком поднявшийся навстречу.

Перед Конаном была желтокожая женщина, облаченная в одни украшения, пускай и многочисленные, но отнюдь не скрывавшие наготы. Она смотрела на него, испуганно тараща глаза. Пока Конан соображал, что же ему с ней делать, женщина подняла руку и дернула шелковый шнур, змеившийся по стене.

В тот же миг пол под ногами киммерийца беззвучно раз-

верзся... И даже мгновенная реакция варвара не спасла его от полета вниз, сквозь крошечную темноту.

Лететь оказалось не слишком далеко, и все-таки удар о каменный пол точно переломал бы кости более слабому человеку, не состоявшему, как Конан, сплошь из стальных пружин и кованой плоти.

Он упал, точно кот, на ноги и на левую руку; правая так и не выпустила рукояти меча. Варвар вскочил, как вскакивает разъяренная рысь, готовая к бою. Знакомый голос, звавший на помощь, уже отдавался у него в ушах. Конан мотнул головой, отбрасывая упавшие на глаза волосы, – и увидел нагую фигурку Наталы, бьющуюся в похотливой хватке какой-то черной гадости, явно родившейся в самой отвратительной норе преисподней.

Если бы киммериец столкнулся с этим ужасом один на один, не исключено, что он бы тут же свалился замертво, парализованный страхом. Но поганое порождение темноты осмелилось гнусно лапать и терзать его девушку – и в душе Конана взвилась раскаленная волна убийственной ярости. Никакому страху больше не было места. Клинок тускло блеснул в красноватом сиянии камня – Конан подскочил к монстру и ударил что было сил.

Бесформенная тень выпустила Наталу, разворачиваясь навстречу неожиданному нападению. Вновь свистнул, рассекая воздух, меч взбешенного киммерийца. Он рассек темную тушу и врезался в пол, высекая синеватые искры. Удар

не встретил сопротивления, на которое рассчитывал Конан, и потерявшего равновесие варвара бросило на колени. Вско- чить он не успел. Чудовище насело на него и крепко схвати- ло.

Ему показалось, что над ним громоздилось тяжелое чер- ное облако. Нечто почти жидкое обтекало его, пытаясь спе- ленать, смять, поглотить. Конан яростно полосовал его саб- лей, левая рука безостановочно орудовала кинжалом. Во все стороны хлестало нечто вроде липкого студня – не иначе, это была кровь. Однако слабеть чудовище не собиралось, и ярость его не знала границ.

Конан понятия не имел, куда приходились его удары, уда- лось ли ему отрубить монстру какую-нибудь конечность, или его оружие рассекало непостижимую плоть, сразу смыкав- шуюся позади клинка... Его самого швыряло туда и сюда, он перестал понимать, где верх, где низ, временами ему на- чинало казаться, будто на него нападало не одно существо, а целое смертоносное множество. Чудовище кусало его, ца- рапало, душило и колотило – и все это одновременно. Когти и клыки рвали его тело, студенистые щупальца железными кольцами стягивали руки, а по спине, груди и плечам – и это было хуже всего – гулял кнут, сплетенный из живых скорпи- онов. Он рвал кожу и наполнял кровь невысказанно ядовитым огнем...

Они давно выкатились из освещенного круга, так что драться приходилось в кромешной тьме. В пылу отчаянной

схватки киммериец даже по-звериному запустил зубы в тело врага – и чуть не умер от омерзения. Челюсти у Конана были железные; так вот, в зубах у него извивалась, корчилась, выворачивалась на свободу какая-то живая гадина.

Спаянные смертельным объятием, они перекатывались друг через дружку, все глубже забираясь в туннель. Рассудок Конана мутился от усилия и нечеловеческой боли, дыхание с хрипом вырывалось сквозь зубы. Вот он различил высоко над собой жабью харю, тускло подсвеченную собственным колдовским светом... Издав рык, в котором мучительный стон смешался с черным ругательством, а сиплый вздох с боевым кличем, киммериец рванулся вверх, вложив все остатки сил в этот бросок. Его меч по рукоять погрузился в дряблое тело чуть ниже пасти... И по необъятной туше чудовища волной прокатилась судорога.

Пулсируя и сжимаясь, монстр устремился в глубину коридора. Он дергался и спешил, точно спасаясь от смерти. Конан висел на нем клещом – избитый, истерзанный, непобедимый. Он не мог высвободить саблю, а выпускать не хотел. И полосовал, полосовал демона кинжалом, зажатым в левой руке, распуская чудовище буквально на ленты...

Теперь его противник светился уже весь: видно, чем ту же приходилось этому порождению мрака, тем больше света оно испускало. Конана уже начинало слепить это неестественное свечение, когда шевелящаяся туша вдруг провалилась куда-то вниз и исчезла, оставив Конану лишь саблю, за-

жатую в судорожно стиснутой руке. Киммериец обнаружил, что лежит на каменных плитах, а его правая рука и плечо нависают над пустотой. И там, уже далеко внизу, уносится в непроглядную бездну светящийся метеор...

Постепенно Конан осознал, что его угораздило отцепиться от монстра на самом краю обширного круглого колодца. Каменный обод покрывала скользкая слизь. Некоторое время киммериец лежал неподвижно, глядя, как в чудовищной глубине уносится прочь крохотная яркая точка... И наконец пропадает, канув во что-то темное и блестящее, – Конану даже показалось, будто поверхность устремилась вверх, навстречу падающему телу. Еще мгновение в темных пучинах тлел колдовской огонек, потом не стало и его. Перед глазами Конана была лишь тьма и беспредельная пустота, не нарушаемая ни движением, ни звуком.

Шелковые пути безбожно резали Натале запястья, но высвободиться она не могла, как ни пыталась. Тщетно сражаясь с узлами, девушка все вглядывалась в крошечную темноту коридора. Там исчез Конан, схлестнувшийся в неравной схватке с демоном, державшим в страхе Ксутал. Какое-то время бритунийка еще слышала прерывистое дыхание и глухой рык могучего варвара, шум тяжеловесной возни и характерные звуки распарываемой страшными ударами плоти... Потом все стихло. Бедная Натала то в полужабытьи повисала на проклятой веревке, то приподнималась, напряженно ожидая – неизвестно чего.

Шорох неверных, но определенно человеческих шагов пробудил ее к жизни. Из темноты к ней плелся Конан, и вид у варвара был такой, что визг Наталы эхом раскатился по коридору – на миг ей показалось, будто там, в отблесках света, переставлял непослушные ноги оживший мертвец. На Конана в самом деле страшно было смотреть. Он шел мокрый от собственной крови, и с каждым шагом на полу оставались липкие капли. На лице лопнула кожа, глаза заплыли – киммерийца ни дать ни взять охаживали дубиной. Губы безобразно распухли, из-под слипшихся волос текла кровь. На руках и ногах зияли глубокие резаные раны, повсюду наливались синяки от ударов о камни. А его грудь, плечи, спина!..

Вот где, без всякого преувеличения, живого места не было. Кожа свисала кровавыми шмотками, как если бы киммерийца исхлестали проволочным хлыстом...

– Конан!.. – расплакалась Натала. – Что он сделал с тобой?..

У него не было сил для ответа, но разбитые губы шевельнулись в подобии угрюмой улыбки. Волосатая грудь тяжело вздымалась и блестела от крови и пота. Конан медленно, с явным усилием, дотянулся и разрезал веревки, державшие бритунийку. Потом привалился к стене и некоторое время отдыхал, широко расставив подрагивавшие колени... Натала, свалившаяся на пол, подбежала к нему, обняла своего благодетеля и разрыдалась.

– Конан, Конан, ты же изранен весь... – всхлипывала она. – Что нам с тобой теперь делать?

– Ну, – просипел он, – когда берешься драться с демоном, выскочившим из ада, нечего ждать, что прическа целой останется...

– А где... оно? – пошептала Натала. – Ты его убил?..

– Не знаю, – ответил Конан. – Оно провалилось в какую-то дыру. Я к тому времени из него лапшу сделал, но можно ли эту тварь убить оружием смертных – откуда ж я знаю...

– Твоя спина... – ужасалась Натала.

– Оно меня щупальцами хлестало, – сказал Конан. Попробовал сдвинуться с места, и у него вырвалось невольное ругательство. – Резало, словно кнутом железным, и жгло, точ-

но ядом... А стискивало так, что я чуть не задохся. Куда там питону... У меня аж все кишки в животе перепутались...

– А что мы делать-то будем? – всхлипнула девушка.

Он кое-как приподнял голову. Люк, через который он провалился сюда, был закрыт, и сверху не доносилось ни звука.

– Сквозь потайную дверь нам тоже не выйти, – принялся рассуждать Конан. – В той комнате полно мертвецов, да и стража наверняка караулит... Может, они решили, что мне конец пришел, а может, просто не отваживаются сунуться следом в туннель... Слушай, Натала, выколупай-ка этот камешек из стены!.. Пока я ощупью добирался сюда, мне попадались проемы, а за ними – еще какие-то коридоры... Надо посмотреть, куда они ведут. Может, там опять колодцы с чудовищами, а может, и выход на волю... Не здесь же нам теперь оставаться!

Натала быстро справилась с камнем, и Конан двинулся вперед, держа крохотный источник света в левой руке, а в правой по-прежнему сжимая рукоять окровавленной сабли. Киммериец шел медленно и с явным трудом, лишь звериная выносливость помогала ему удерживаться на ногах. Он не жаловался, но Натала видела муку в его глазах и то, как время от времени он непроизвольно облизывал губы. Что она могла для него сделать?..

И вот слабый свет камня обрисовал перед ними темную арку. Конан без раздумий шагнул под гулкие своды. Натала

семенила следом за ним, заранее ужасаясь. Однако впереди всего лишь распахнулся новый коридор, как две капли воды похожий на первый.

Она понятия не имела, долго ли длился их путь в сумраке подземелья, но потом впереди показалась длинная лестница. Одолев ее, они увидели каменную дверь, запертую золотым засовом.

Натала помедлила, оглядываясь на Конана. Варвар шатался, из последних сил удерживаясь на ногах, огонек в его руке колебался, заставляя странные тени метаться по потолку и стенам.

– Открывай, девочка, – пробормотал он хрипло. – Люди Ксутала ждут нас, и я не намерен их разочаровать... Клянусь Кромом, этот город еще не приносил таких жертв, какую я им устрою!

Бритунийка понимала, что он был уже не в себе. Она прислушалась... За дверью царила тишина. Натала забрала у Конана светящийся камень, отодвинула засов и осторожно приоткрыла дверь, легко сдвинувшуюся вовнутрь. Сердце готово было выскочить из груди...

Сквозь шелку ее глазам предстала комната, сплошь обтянутая золотой парчой. Посередине звенел струями маленький серебристый фонтан.

Ладонь Конана тяжело опустилась на ее нагое плечо.

– Прочь, девочка, – пробормотал он. – Сейчас тут будет

жарко...

– Здесь никого нет, Конан, – ответила она. – Только вода журчит.

– Слышу. – Киммериец облизал почерневшие губы. – Хоть напиться напоследок...

Сообразив, что зрение ему изменило, Натала взяла ослепшего гиганта за руку и повела за собой. Она шла на цыпочках, так и трепеща при мысли о желтокожих, которые должны были вот-вот броситься на них со всех сторон.

– Пей, я постерегу... – прохрипел Конан.

– Нет, нет, я не хочу, – отказалась она. – Приляг лучше вот здесь, я тебе хоть раны промою...

– Воины... где воины Ксутала? – бормотал Конан. Он все тер рукой глаза, сиюсь проморгаться, но ничего не получалось.

– Здесь никого нет, – повторила Натала. – Все тихо.

Осев на пол возле фонтанчика, Конан нащупал источник, погрузил лицо в прохладные прозрачные струи и принялся пить. Он глотал и глотал, не в силах остановиться... Когда же он наконец поднял голову, Натала увидела, как блеснули его налитые кровью глаза, и с облегчением поняла, что рассудок варвара, отуманенный ядом, несколько прояснился. Кряхтя сквозь зубы, он уступил уговорам девушки и распростерся на мраморном полу, отдаваясь во власть ее заботливых рук. Натала принялась обмывать истерзанное тело и перевязывать раны полосками ткани, оторванными от бли-

жайшей шелковой занавеси. На всякий случай Конан так и держал в кулаке саблю, прислушиваясь, не зашуршит ли что под одной из бесчисленных арок. Натала тем временем добралась до его спины и в очередной раз расплакалась от ужаса и жалости. Кожа здесь оказалась большей частью содрана до живого мяса, а уцелевшие клочья – местами обесцвечены, местами же, наоборот, испещрены черными и тошнотворно-желтыми пятнами. Накладывая очередную повязку, Натала судорожно соображала, как же им теперь следовало поступить. Если они попробуют отлежаться (в чем Конан определенно нуждался), рано или поздно их непременно найдут. Быть может, их разыскивали по всему дворцу даже прямо сейчас. Что делали в этот момент люди Ксутала – бегали с оружием или снова залегли в свою дурманную спячку, – почему знать?

Завязывая последний узелок, она покосилась в сторону располосованной занавеси... и замерла. Из-под шелкового полотнища виднелась полоска желтокожего человеческого тела.

Ничего не говоря Конану, Натала поднялась на ноги и тихо перебежала на тот конец чертога, нащупывая у пояса кинжал, которым на всякий случай вооружилась... Осторожно отодвинув занавеску, она увидела спальное возвышение и раскинувшуюся на нем юную женщину. Нагое тело казалось совершенно безжизненным. А под рукой у сновидицы стоял нефритовый кувшин, наполненный прозрачной золотой вла-

гой. «Эликсир, о котором говорила Талис! – смекнула бритунийка. – Вещество, в котором черпают силу ксутальские вырожденцы!»

Держа кинжал наготове, она осторожно перегнулась через спящую и завладела кувшином... Девушка даже не пошевелилась во сне.

Натала помедлила возле нее еще несколько мгновений. Умом она понимала, что всего безопаснее было бы навсегда лишиться спящую возможности открыть глаза и поднять тревогу... Однако заставить себя всадить острый кинжал в незащитное тело бритунийка так и не смогла. Задернув за собой занавеску, она вернулась к Конану. Израненный богатырь лежал на прежнем месте, его сознание то чуть прояснялось, то снова тускнело.

Натала приподняла ему голову и поднесла край кувшина к его губам. Конан принялся пить, сначала безучастно, потом – с внезапно пробудившимся интересом. К немалому изумлению Наталы, спустя несколько мгновений он даже приподнялся, сел и забрал кувшин у нее из рук. Когда же он наконец оторвался от чудесного бальзама, Натала увидела, что нехорошо заострившиеся черты его лица снова стали нормальными, синие глаза обрели былой блеск, а когда он заговорил, то заговорил в своей обычной манере. Бред улетучился, Конан-варвар снова стал прежним.

– Кром! – выругался он восхищенно. – Где ты раздобыла эту благодать?

Она указала рукой.

– Там, в алькове, спит желтая девушка...

Конан снова присосался к жизнетворному эликсиру.

– Кром, – повторил он затем с глубоким вздохом удовлетворения. – По моим жилам так и мчится огонь, ко мне возвращаются силы... Должно быть, это и есть живая вода, способная отогнать смерть!

Он поднялся и подобрал саблю. Он уверенно стоял на ногах и опять был готов ко всему.

– Может, лучше нам вернуться в тайный туннель? – пугливо предположила Натала. – Здесь нас вот-вот кто-нибудь обнаружит, а там можно прятаться, пока твои раны не заживут...

– Ну уж нет, – проворчал киммериец. – Мы не крысы, чтобы побираться по темным подвалам! Мы уходим из этого проклятого города, и горе тому, кто вздумает нам мешать!

– Но твои раны... – заплакала бритунийка.

Он повел плечами и ответил:

– Я совсем их не чувствую. Может, это бальзам мне голову вскружил, но, клянусь, – ни боли, ни слабости!

И, явив неожиданную целеустремленность, Конан пересек комнату, направляясь к не замеченному Наталой окошку. Девушка поспешила следом и тоже выглянула наружу. Свежий ветер зашевелил ее спутанные волосы. Там, за окном, был глубокий бархат ночного неба, на котором ярко горели созвездия. А внизу расстилалась беспредельность пу-

стынных песков.

– Талис говорила что-то насчет того, что весь город выстроен как единый большой дворец, – проговорил Конан. – И, похоже, кое-какие чертоги возвышаются над стенами на подобие башен. Нам повезло: этот как раз из таких.

– Это ты к чему? – удивилась девушка. Высота пугала ее.

– Там на столике из слоновой кости стоит хрустальный кувшин, – сказал Конан. – Наполни-ка его водичкой и обвяжи горлышко полоской материи. А я пока занавеску эту порву...

Бритунийка повиновалась без разговоров. Вернувшись с кувшином, она увидела, как киммериец связывает вместе полосы прочной шелковой ткани, готовя нечто вроде веревки.

Один ее конец он уже захлестнул за толстую ножку тяжелого стола.

– Пора в пустыню, – сказал он. – Думаю, там нам повезет больше, чем здесь! Талис упоминала об оазисе к югу отсюда, на расстоянии в один дневной переход. А за ним, еще в дне пути, вроде бы начинаются зеленые земли. Если удастся дойти до оазиса и окажется, что он еще не пересох, там и отдохнем, пока у меня не затянутся раны. Эх, доброе вино, здорово оно меня выручило!.. Только что пластом лежал, как рваная тряпка, а выпил – и опять к бою готов!.. Смотри, тут еще кусочек шелка остался, тебе хоть срам прикрыть...

Натала только тут и вспомнила о своей наготе. Собственно срам, о котором говорил Конан, был делом десятым, но вот то, что нежную белую кожу незачем было выставлять на обжигающее солнце пустыни, она понимала со всей определенностью. Пока она куталась в шелковое полотнище, Конан подошел к окну и с презрительной легкостью выдрал из гнезд податливые золотые прутья, которыми оно было забрано. Потом обвязал подругу по талии свободным концом импровизированной веревки, строго велел покрепче держаться – и перенес девушку через подоконник, чтобы осторожно спустить с тридцатифутовой высоты. Потом подтянул веревку обратно и передал Натале сосуды с водой и драгоценным вином. И наконец спустился сам, перебирая руками.

Только когда он присоединился к ней, Натала позволила себе глубокий вздох облегчения. Они в полном одиночестве стояли у подножия высокой стены, и звезды постепенно бледнели над их головами, а впереди простирался голый песок. И какие бы неведомые напасти ни таились там, впереди, сердце девушки так и пело от радости. Они все-таки выбрались из Ксутала. Жуткий призрачный город не смог их погубить.

– Вербку они, может, и найдут... – проворчал Конан, вешая кувшины через плечо и невольно вздрагивая от боли. – Чего доброго, надумают устроить погоню... Хотя, если стигийка нам не наврала, далеко они за стены не выйдут... Юг у нас там. – Мускулистая бронзовая рука указала, где имен-

но. – Значит, примерно там и оазис. Вперед!

Он с непривычной заботливостью сжал ладошку подружки и зашагал, приноравливаясь к ее более коротким шажкам и не оборачиваясь на предававшийся сновидениям город.

– Конан... – подала голос Натала. – Когда ты дрался с чудовищем... И потом, пока возвращался по коридору... Ты там не заметил никаких следов Талис?

Он покачал головой и ответил:

– Вообще-то было темно... Но если бы там что-то лежало, я бы это нашел.

Натала невольно содрогнулась.

– Она пыталась меня, – проговорила девушка. – И все равно мне ее жалко.

– Гостеприимный городишко, что говорить, – буркнул Конан. И добавил с характерным для него юмором: – Утешает только одно – они наше посещение надолго запомнят. То-то они попотеют, отчищая с мраморных плит кровь и мозги! А если их божок так и не сдох, ему всяко пришлось хуже, чем мне... Мы с тобой вообще легким испугом отделались, вот что я тебе скажу! Еще и запаслись вином и водой, может, действительно доберемся до какой-нибудь приличной страны... Остальное все чепуха.

– Между прочим, это ты во всем виноват, – перебила Натала. – Нечего было пялить глаза на каждую смазливую стерву!

– Кром! – ругнулся киммериец. – У вас одна ревность на

уме. Кругом хоть весь мир синим пламенем гори, а вы все равно будете цапаться! Я что, уговаривал эту стигийку влюбляться в меня?.. В конце концов, она тоже человеком была!..

© *Перевод М. Семеновой*

Железный демон

Пальцы рыбака сомкнулись на рукояти кривого как серп ножа, и сталь выскользнула из ножен. Ни зверя, ни человека не видел он вокруг себя, стоя на древней мостовой, изувеченной корнями деревьев, но опасность чувствовалась остро. Знакомое ощущение оружия, способного с одного удара разрубить человека, придало ему уверенности. Хотя никто не угрожал ему в тишине, царившей на зубчатой скале посреди моря, носившей имя Ксапур.

Рыбак был самым обычным представителем племени юйтши, история которого терялась в седом тумане прошлого: сын народа, обитавшего с незапамятных времен в убогих хижинах на южном побережье Вилайета, – косая сажень в плечах, руки как обезьяньи лапы, мощная грудь, но узкие бедра и тонкие кривые ноги. Портрет дополняла большая голова со скошенным лбом и жесткими, спутанными волосами. Вся его одежда состояла из обмотанного вокруг бедер куска джюги и ремня, на котором висели ножны.

Грозовой ночью он увидел в свете молнии скалистый остров, окаймленный узкой полосой леса. Вялое любопытство – а только этим качеством и отличался рыбак от своих сородичей – побудило его пристать к берегу, пройти через джунгли и забраться на гору, и вот он стоит среди деревьев, поваленных колонн и полуразрушенных стен, напоминавших разва-

лины огромного лабиринта. Стоит, испытывая необъяснимую тревогу.

«Ксапур» означает «укрепленный». Люди редко посещали этот остров, необитаемый, затерянный среди точно таких же клочков суши. Своим названием он был обязан руинам, останкам неизвестного доисторического королевства, погибшего и забытого задолго до того, как хайборийцы-завоеватели двинулись к югу. О строителях крепости никто ничего не знал, лишь туманные легенды передавались юйтши из уст в уста, что наводило на предположение о связи между племенем рыболовов и древними жителями острова.

Связь эта прервалась давным-давно, тысячу лет назад, в ту пору юйтши умели читать письма, выбитые на стенах. А ныне старейшины племени способны лишь твердить заученные сызмальства слова, им же самим кажущиеся бредом. Ни один из этого племени не посещал Ксапур добрый век. Ближайший к нему берег материка был необитаем, являя собой царство болот, тростника и зверья. Ближайшая деревня лежала гораздо южнее. Попавшего ночью в бурю рыбака далеко отнесло от тех мест, где он обычно ставил сети, а потом утлая лодка разбилась о прибрежные камни и исчезла в ревущей воде под раскаты грома и сполохи молний. На заре небо прояснилось и окрасилось в синеву, и лучи восходящего солнца превратили капли росы на листьях в драгоценные камни.

Юйтши полез на утес, к которому прибило его лодку. Он

помнил, как ночью, среди грозы, ударила с черных небес сильнейшая молния, и от этого удара содрогнулся весь остров, а после раздался чудовищный грохот. Едва ли трещало расколотое дерево. Рыбак решил поискать источник звука. Но теперь к любопытству добавилось тяжелое чувство – животный страх перед скорой неминуемой смертью.

Среди деревьев высился купол, сложенный из огромных каменных блоков. Такой камень, похожий на железо, встречался только на островах Вилайета. Казалось невероятным, что человеческие руки некогда обтесали эти глыбы и сложили из них гигантский свод. Разрушить его простым смертным, разумеется, было бы не под силу, но удара молнии макушка купола не выдержала, и блоки превратились в зеленоватое крошево.

Рыбак забрался на развалины, посмотрел вниз и крикнул от удивления – на золотой плите, полузасыпанный зеленоватым щебнем, лежал человек в юбке и шагреновом поясе, с узким золотым обручем поверх густой гривы черных волос. На голой мускулистой груди покоился кинжал с необычно изогнутым широким клинком и рукоятью, украшенной шагренью и драгоценными камнями. Нож походил на тот, что висел на поясе юйтши, но явно был выкован рукой искусного мастера, а не деревенского кузнеца.

Рыбак не удивился бы, узнав, что видит одного из своих предков, не истлевшего в земле за многие века, а сохранившегося, благодаря загадочному искусству древних, в камен-

ном склепе. Но юйтши не стал ломать голову, почему полуголый мертвец-великан так похож на живого, почему его огромные мускулы не ссохлись, а кожа осталась свежей и гладкой. В мозгу, не привычном к долгим раздумьям, зашевелилась лишь одна мысль: поскорее завладеть кинжалом, манящим плавными линиями и тусклым сиянием стали.

Спустившись в склеп, рыбак осторожно склонился над полуголым великаном и схватил драгоценность. Но едва он это сделал, случилось нечто непостижимое и ужасное. Мускулы смуглых рук конвульсивно напряглись, веки распахнулись – и вот дрожащий, хрипящий от страха юйтши замороженно смотрит в огромные неподвижные черные зрачки. Взгляд этот подействовал, как удар дубиной. Выронив из ослабевших пальцев кинжал, рыбак отшатнулся.

Великан сел. В глазах, устремленных на рыбака, не было ни дружелюбия, ни благодарности. В них горели злые огоньки, как в глазах голодного тигра. Внезапно он поднялся и навис над рыбаком, угрожающе протянув к нему руки. Полумертвый не столько от ужаса, сколько от непонимания того, как мертвецу удалось поправить законы природы, юйтши все-таки сумел вытащить свой нож и ткнуть им вверх в тот миг, когда тяжелые ладони легли на его плечи. Удар пришелся в живот, но с таким же успехом можно было колоть стальную колонну. Лезвие разлетелось на куски, и в следующее мгновение толстая шея рыбака сломалась в руках великана, словно гнилой сучок.

Еще раз взглянув на пергамент, исписанный витиеватым почерком, с оттиснутым внизу изображением павлина, Джахунгир Агха, властелин Хаваризма и страж береговой границы, язвительно рассмеялся.

– Что скажешь? – обратился он к Газнави, своему советнику.

Тот промолчал. Джахунгир бросил свиток на стол. Рослый и красивый, он отличался сварливым и спесивым нравом, свойственным людям знатным и удачливым.

– Король изволит гневаться, – усмехнулся он. – Соболаговолит написать собственной рукой, как недоволен моей службой по охране границы. Клянется Таримом, что, если я не справлюсь со степными разбойниками, Хаваризм перейдет в другие руки.

Газнави задумчиво поглаживал седую бороду. Король Турана Ездигерд считался самым могущественным монархом в мире. В его дворец, украшавший собой огромный порт Аграпур, стекались богатства, награбленные в других империях. Благодаря его флотилиям с пурпурными парусами Вилайет стал называться Гирканским озером. Ездигерду платили дань темнокожие заморийцы и жители восточных провинций Кофа. После долгих войн на западе его наместникам подчинились шемиты и шушане. Его армия опустоши-

ла приграничные земли Стигии на юге и снежные просторы гиперборейцев на севере. Всадники туранского короля прошли с огнем и мечом по западным странам: Бритунии, Офиру и Коринтии, и даже вторглись в Немедию. Немало его воинов в позолоченных шлемах легло под копыта коней, сложило головы под стенами осажденных горящих городов, зато теперь на невольничьих рынках Аграпура, Султанапура, Хаваризма, Шахпура и Хорусуна можно выбрать женщину на любой вкус: светловолосую бритунку, смуглую стигийку, темноволосую заморийку, оливковокожую шемитку, черную кушитку. А пока этих женщин продавали, их мужья, далеко отброшенные от границ туранскими армиями, могли только ломать в отчаянии руки и рвать свои бороды.

Между тем вот уже полвека в просторах степей между морем Вилайет и восточной границей Гиперборейского королевства обитало новое племя. Там собирались беглые преступники и рабы, бродяги и дезертиры. Многие из этих людей, промышлявших воровством и разбоем, родились в степи, многие пришли из западных стран. Себя они называли козаками, то есть лихими людьми, всех остальных презирали. Обитая в диких бескрайних степях, они не признавали ничьих законов, кроме собственных разбойничьих правил. Нередко совершали дерзкие набеги на туранские границы. Порой королевским войскам удавалось рассеять их, и тогда козаки уходили в степь зализывать раны. Иногда, объединившись с пиратами Вилайета, они грабили прибрежные де-

ревни и захватывали торговые суда, сновавшие между гирканскими портами.

– Но как же справиться с этими волками? – спросил Джехунгир. – Если я поведу армию в степь – попаду в ловушку, буду отрезан и разбит, либо козаки уклонятся от битвы, просочатся сюда и сожгут беззащитный город. Последнее время они вконец обнаглели.

– Это потому, что у них появился сильный вождь, – ответил Газнави. – Вы знаете, о ком я говорю.

– Еще бы! – в сердцах воскликнул Джехунгир. – Этот демон свирепей любого козака и хитер, как горный лев.

– Опасным его делает звериный инстинкт, а не способность думать, – добавил Газнави. – Другие козаки, по крайней мере, выходцы из цивилизованных стран, а этот – сущий дикарь. Если попадет к нам в лапы, разгромить его орду будет нетрудно.

– Да, но как этого добиться? – со вздохом спросил Джехунгир. – Сколько раз мы расставляли ему капканы, а все без толку. Я же говорю, у него звериный нюх и невероятная хитрость.

– На любого зверя, как и на любого человека, найдется капкан, – ухмыльнулся Газнави. – Я видел Конана, когда мы предлагали козакам выкуп за пленных. Он падок на женщин и крепкие напитки. Велите привести вашу рабыню Октавию.

Джехунгир хлопнул в ладоши, бесстрастный чернокожий кошит в шелковых шароварах поклонился и вышел из поко-

ев. Вскоре он вернулся, ведя за руку девушку. Короткая шелковая туника, схваченная пояском, подчеркивала безупречную стройность ее фигуры. Золотистые волосы, нежная белая кожа выдавали чистокровную дочь своей расы. Прекрасные ясные глаза пылали негодованием, но девушка молчала – в неволе ее приучили к покорности. Она стояла с опущенной головой перед хозяином, пока Джехунгир не разрешил ей сесть на диван. Затем он вопросительно посмотрел на Газнави.

– Конан не расстается с козаками, – произнес советник. – Их стан где-то в низовьях Запорожки. Помните эту реку? На ее болотистом берегу, среди камышей, посланный нами отряд был окружен и разбит этими демонами.

Лицо Джехунгира перекосилось.

– Рад бы забыть, да не могу, – проворчал он.

– Неподалеку от материка расположен безлюдный остров, – продолжал Газнави. – Его называют Ксапур – Крепость. Там сохранились развалины древнего укрепленного города. Этот остров прекрасно подходит для наших целей. Его берега почти неприступны – везде крутые утесы, даже обезьяне не вскарабкаться на них. Только на западе вырублены ступеньки в скале. Лестница эта узка и полуразрушена, но все же позволяет проникнуть в глубь острова. Если удастся заманить туда Конана, можно поохотиться на него с луками, как на льва, и затравить без всякого риска.

– Так он и согласится лезть в западню, – раздраженно

хмыкнул Джехунгир. – Скорее луна свалится с неба. Как мы заманим его на остров? Пошлем гонца с предложением забраться на вершину утеса и ждать нашего прихода?

– Именно так мы и сделаем.

Джехунгир не нашелся что сказать. Газнави продолжал:

– У степной границы, в крепости Гхори, мы возобновим переговоры о выкупе пленных. Как обычно, подойдем с сильным отрядом и станем лагерем возле замка. Конан придет с таким же по численности войском, и мы снова будем торговаться, выказывая друг другу подозрительность и недоверие. Но на этот раз с нами, как будто волей случая, поедет наша прекрасная пленница.

Октавия, которая с интересом прислушивалась к беседе, переменялась в лице.

– Девушка, – кивнул в ее сторону советник, – не пожалеешь кокетства, чтобы привлечь внимание Конана. Уверен, с такой задачей она справится лучше, чем любая кукла из серала. Увидев такое прекрасное тело, услышав манящие речи, варвар забудет обо всем на свете.

Октавия вскочила, дрожа от гнева. Ее глаза сверкали, пальцы, стиснутые в кулачки, побелели.

– Вы хотите отдать меня варвару, как непотребную девку?! – вскричала она. – Я не стану кокетничать с ним! Я не базарная потаскуха, которая строит глазки степным разбойникам, а дочь немедийского вельможи!..

– Дочерью вельможи ты была до того, как тебя схватили

мои конники, – с ухмылкой сказал Джахунгир. – Сейчас ты всего лишь рабыня, что прикажу, то и исполнишь!

– Этому не бывать!

– Совсем напротив, – издевательски возразил Джахунгир. – Мне нравится замысел Газнави. Продолжай, мой советник.

– Вероятно, Конан пожелает купить ее. Но ни продать Октавию, ни обменять на пленников-гирканцев вы не согласитесь. Вряд ли он попытается украсть ее или отбить, ведь это чревато срывом переговоров о выкупе пленных. Впрочем, мы должны быть готовы к любой выходке. Как только переговоры закончатся, чуть раньше, чем Конан забудет о ней, к нему явится наш человек. Он обвинит варвара в похищении девушки и потребует вернуть ее. Возможно, Конан убьет посланника, но даже в этом случае он посчитает, что Октавия сбежала. Затем в лагере козаков появится рыбак юйтши, который шепнет варвару, что прелестная немедийка прячется на Ксапуре. Я хорошо изучил характер гетмана и уверен, что он помчится к ней, не медля ни мгновения.

– Но вдруг он пойдет не один? – с сомнением спросил Джахунгир.

– Ища любви, берет ли мужчина с собой отряд воинов? Он будет один, это несомненно. Но, повторяю, надо предвидеть любую случайность. Мы же не станем ждать его на острове, рискуя попасть в собственные сети, а спрячемся поблизости, на болотистом берегу материка, среди камышей. Если Конан

приведет большое войско, мы отступим и придумаем другой план. Если явится один или с маленьким эскортом, мы нападем. А он обязательно явится, ведь очаровательная улыбка и многообещающие взгляды Октавии кому угодно вскружат голову, – добавил советник, косясь на девушку.

– Я не пойду на такой позор! – воскликнула оскорбленная Октавия. – Лучше умру!

– Не умрешь, моя строптивая красавица, – возразил Джехунгир. – Сейчас ты убедишься, что рабыням нельзя капризничать, и вновь станешь послушной и кроткой.

Он хлопнул в ладоши. Октавия побледнела.

На сей раз к Джехунгиру приблизился не кушит, а мускулистый, среднего роста шемит с иссиня-черной бородой.

– Для тебя есть работа, Джильзан, – ухмыльнулся Джехунгир. – Возьми эту красотку и позабавься с нею. Пусть она узнает, что такое боль и унижение. Только смотри, не испорти ее красоту.

Шемит с нечленораздельным ворчанием схватил девушку, и сразу от ее гордыни не осталось даже следа. С жалобным криком она вырвала руку из железных пальцев Джильзана и, упав на колени перед своим жестоким повелителем, страстно взмолилась о пощаде.

Отпустив разочарованного палача, Джехунгир сказал советнику:

– Если на этот раз Конан попадет в западню, мой дорогой Газнави, то на твою седую голову прольется золотой дождь.

3

Незадолго до рассвета сон тростниковых зарослей и темной воды был потревожен непривычными звуками. Сквозь густой высокий тростник пробирался не зверь и не птица, а человек – длинноногая золотоволосая женщина в изорванной, испачканной тунике. Октавия сбежала при первой возможности, и до сих пор фибры ее души дрожали от ярости – столь невыносимым, унижительным был плен. Но даже грубые ласки Джахунгира не стали для нее таким тяжким испытанием, как переход через болото.

Мало того что Джахунгир сам жестоко помыкал ею. Он решил отдать свою рабыню знатному человеку, чье имя даже в Хаваризме означало крайнюю испорченность.

Октавия дрожала, вспоминая минувшую ночь. Отчаяние помогло ей спуститься со стены замка Джелал-хана по веревке из разорванных гобеленов. Счастливый случай подарил стреноженного коня. Всю ночь скакала она, и рассвет застал ее на топком морском берегу. Со страхом и отвращением думая о том, что сделают с нею, если поймают и вернут Джелал-хану, Октавия шла, с трудом вытаскивая ноги из тины, ища укрытия от предполагаемой погони. Вот уже вода поднялась до бедер, тростник стал редеть. Впереди показались смутные очертания острова, отделенного от илистого берега широкой полосой воды.

Не колеблясь ни мгновения, Октавия шагнула навстречу волне и поплыла.

Остров походил на старинный замок с отвесными стенами, поднимающимися из воды. Уже выбиваясь из сил, девушка приблизилась к утесу – и не нашла ничего подходящего, чтобы наступить или ухватиться. Пришлось двигаться вдоль берега. Казалось, еще миг – и мышцы будут скованы изнеможением и она пойдет ко дну. Но тут рука, судорожно скользящая по отвесному камню, нашла углубление. Ступенька! Всхлипывая от облегчения, Октавия выбралась из воды – точно белая морская богиня в лучах зари.

Она двинулась по уступам, похожим на вырубленные в скале ступени. И вдруг замерла, распластавшись на скале, – до нее донесся звук, похожий на плеск воды под веслами. Октавия взгляделась в полумрак. Среди тростников, где она недавно побывала, вроде бы двигалось нечто темное, но вскоре плеск стих, и больше ничего рассмотреть не удалось. «Если это преследователи, то лучшего убежища не найти», – рассудила она, зная, что острова вдоль болотистого края материка почти все необитаемы. Правда, на этом клочке суши могло находиться логово морских разбойников, но их Октавия боялась меньше, чем зверей в человеческом обличье, от которых убежала.

Она двинулась дальше, вспоминая – и невольно сравнивая со своим бывшим господином – козака, с которым ее заставили бесстыдно флиртовать в лагере возле крепости Гхори,

где велись переговоры между гирканскими вождями и степными воинами. Горящий взгляд разбойника пугал и унижал ее, но тот человек явно вылеплен совсем не из того теста, что Джелал-хан, чудовище, которое способна породить только развращенная роскошью цивилизация.

Октавия взобралась на вершину утеса и боязливо вгляделась. Деревья вплотную подступали к крутому берегу, образуя сплошную стену мглы. Какая-то тварь, шелестя крыльями, пролетела над головой – наверное, летучая мышь. Черные тени леса пробудили в душе прекрасной беглянки ледяной страх. На острове могли обитать змеи. Стараясь не думать о них, Октавия сжала зубы и пошла вперед. Ее босые ноги бесшумно ступали по влажной податливой земле. Чем дальше она забиралась в лес, тем страшнее было оглянуться. Она не сделала и дюжины шагов, как вокруг сомкнулась тьма, над головой за сплетением ветвей скрылись звезды. Идти дальше можно было только ощупью, наугад.

Внезапно Октавия застыла на месте: впереди послышались ритмичные гулкие удары. Меньше всего она ожидала услышать на этом острове барабан, но сразу же забыла о нем, ощутив чье-то присутствие совсем рядом. Отпрянула со сдавленным возгласом, и в тот же миг невидимая рука схватила ее за запястье. Октавия кричала, вырывалась изо всех сил, но напавшему справиться с нею было не труднее, чем с младенцем. Он не проронил ни звука; молчание, которым он отвечал на ее отчаянные мольбы и протесты, ис-

пугало девушку сильнее любых угроз и воплей. Невидимый силач взвалил ее на плечо и понес в глубь леса – туда, где рокотал барабан.

Блеснувший на горизонте луч зари окрасил море в пурпур. К утесам острова приближалась утлая лодочка с одиноким гребцом – красивым и статным, одетым с варварской простотой: повязанный на голове темно-красный шарф, распахнутая на груди белая рубаха, шелковые шаровары ярко-синего цвета, перепоясанные кушаком; а к кушаку подвешена кривая сабля в шагреновых ножнах. Его кожаные с золотым шитьем сапоги скорее могли принадлежать коннику, но веслами он работал как заправский моряк.

Взмах – и вздымается коричневая от загара грудь, и перекатываются огромные мускулы. Каждое движение гребца говорило о том, что сызмальства он живет в диком, жестоком мире, где невзгоды и опасности закалили его, дали мышцам тигриную силу и ловкость, а сердцу – безрассудную отвагу и азарт. Только взгляд синих глаз был холоден и спокоен, в нем угадывался природный ум.

Гребцом оказался Конан. Однажды он забрел в козацкий лагерь, не имея за душой ничего, кроме клинка и сметки. За удаль и смелость козаки выбрали его своим гетманом. Сейчас козаки были далеко, и его окружали мгла и морская гладь. Во мгле могли таиться любые опасности, и Конан был настороже. Вскоре он уверенно достиг каменной лестницы, набросил веревку на выступ и, не медля ни мига, двинулся

вверх по ступенькам.

То, что Газнави принимал за интуицию или еще какое-нибудь сверхъестественное чувство, было всего лишь отточенной до остроты лезвия варварской осторожностью. Конан не обладал инстинктом, способным предупредить его о воинах, затаившихся среди тростников. Просто киммериец всегда, даже когда спал, был начеку.

Когда он поднялся на утес, один из следивших с облегчением вздохнул и медленно поднял лук. Схватив его за руку, Джахунгир зло прошептал:

– Глупец! Ты выдашь нас! Дай ему забраться в глубь острова. Он разыскивает девчонку. Еще немного подождем, иначе он может заметить нас или разгадать наш замысел. Что, если где-то поблизости затаились его воины? Если через час не спустится к лодке, мы переберемся на остров и будем ждать его возле лестницы. Не дождемся – кто-нибудь из нас пройдет в глубь острова и выгонит его на засаду. Но лучше бы обойтись без этого, охота в лесу наверняка будет стоить жизни некоторым из нас. Нет, лучше подстеречь его на лестнице и продырявить стрелами с безопасного расстояния.

Между тем ни о чем не подозревавший козак бесшумно ступал по лесной тропе, пронизывая взглядом каждую тень в надежде заметить золотоволосую красавицу из шатра Джахунгира. Ее чарующая улыбка и ласковый взгляд зажгли в сердце Конана огонь, и он твердо решил во что бы то ни стало разыскать обольстительницу. Впрочем, решение было бы

точно таким же, даже если бы она выказала отвращение.

Он уже не впервые высаживался на Ксапур. С месяц назад козак тайком встречались здесь с пиратами, вели переговоры. Конан знал, что приближается к древним развалинам, подарившим острову имя, и не удивился бы, обнаружив среди них девушку.

И вдруг он застыл, окаменев: впереди за деревьями высилась огромная темно-зеленая цитадель.

Немыслимо, чудовищно, противоестественно! Месяц назад здесь были жалкие развалины – и вот теперь стоят башни, бастионы, высокая куртина! Чьи могучие руки в считанные недели возвели эту махину на пустынном острове? Почему козак – друзья пиратов, часто бывающих здесь, – не знают о ней ровным счетом ничего?

Конан помотал головой – может, померещилось? – но нет. Крепость не растаяла как сон. Или он сошел с ума, или видит чудо.

Он мысленно вернулся в козачий лагерь, разбитый в низовьях Запорожки. Кимерийца пробрал страх – ведь до острова рукой подать, и не лучше ли бежать, выбраться из степей, оставить тысячи миль между собой и голубым таинственным Востоком, где основные законы природы не значат ровным счетом ничего и где творится всякое колдовское непотребство. В тот момент судьба будущих королевств зависела от того, как поступит этот пестро одетый варвар. Достаточно было одной жалкой песчинки, чтобы склонить чашу весов.

Его взгляд, непрестанно шаривший вокруг, наткнулся на лоскуток шелка, одиноко висевший на кусте. Пальцы Конана схватили лоскуток, ноздри его раздулись, глаза заблестели. Он мгновенно узнал этот шелк, узнал и тончайший сладостный аромат, исходивший от него, – запах молодой женщины из шатра Джахунгира.

Рыбак, выходит, не обманул: она здесь! На земле отчетливо виднелись следы ног, длинных, узких – но это были мужские ноги, и они погружались в почву необычно глубоко. Разгадка проста: человек шел с тяжелой ношей, и что это могла быть за ноша, как не девушка? Впереди за деревьями смутно проступала башня. Сощуренные глаза киммерийца горели; желание получить золотоволосую красавицу смешалось с первобытной злостью на того, кто ее украл. Но человеческие страсти боролись в нем со страхом перед сверхчеловеческим. В конце концов они победили.

Пригнувшись, он медленно и бесшумно, как пантера на охоте, двинулся к стенам. Если кто и сторожил наверху, то вряд ли он мог разглядеть козака в густой листве. Подойдя к крепости вплотную, киммериец увидел, что она сложена из зеленых тесаных глыб. Где-то он уже видел эту породу, да и контуры башни казались знакомыми. Где? Когда? Как будто он видел ее во сне или нарисовал однажды в воображении.

Вскоре он понял, в чем дело. Раньше здесь были зеленоватые руины, и чьи-то руки восстановили стены и башни, уложив на прежнее место все камни.

Ничто не нарушало безмолвия. Конан крался вдоль стены, отвесно поднимавшейся над морем пышной растительности. На южном краю острова она была почти тропической. Никто не следил за ним с парапета. Вскоре он наткнулся на огромные ворота. Почему они не заперты и не охраняются, можно было только догадываться. Зато он знал наверняка: золото-волосая красавица в крепости. И разумеется, неизвестность и ощущение опасности не могли остановить Конана.

Над головой тянулись увитые лианами ветви. Конан легко вскарабкался на высокое дерево, пробрался по длинному суку как можно дальше, свесился на руках над стеной, раскачался и, пролетев, точно снаряд из катапульты, очутился на широком зубце. Крепость была невелика, но вмещала удивительно много строений. Трех— и четырехэтажные дома, преимущественно с плоскими крышами; улицы, сходящиеся, точно спицы колеса к ступице, к восьмигранному внутреннему двору. В его центре возвышалось, господствуя над всем городом, сооружение с куполами и башнями. Все это выдавало изысканный архитектурный стиль. Солнце уже взошло, но никто не появился на улицах и в окнах зданий. В крепости царила мертвая тишина.

Обнаружив поблизости узкую каменную лестницу, Конан двинулся вниз. Дома подступали к крепостной стене почти вплотную, и на полпути киммериец оказался вровень с окном. Ставни отсутствовали, шелковые занавески схвачены атласными шнурами, и он без труда рассмотрел комнату с

темными бархатными драпировками на стенах, с устланным ковром полом, со скамьями черного полированного дерева вдоль стен; было там и ложе из слоновой кости, а на нем груда мехов.

Он приготовился двинуться дальше, как вдруг услышал шаги на ближней улице. Не дожидаясь, когда его увидит на лестнице незнакомец, Конан шагнул в проем окна. Застыл на несколько мгновений точно статуя, но все было спокойно. Тогда он медленно двинулся по ковру к занавешенной арке, рассчитывая найти за ней выход. Но тут ткань откинулась, и за аркой обнаружился устланный подушками и мехами альков. Там лежала стройная темноволосая девушка, ее глаза равнодушно следили за Конаном.

Когда же он настороженно приблизился, ожидая истошного крика, она лишь зевнула, прикрывая рот изящной рукой, и села, придерживаясь за бархатный полог.

Несомненно, она принадлежала к белой расе, хотя кожа ее была очень смугла. Волосы с ровно подстриженной челкой были черны как ночь. Одеждой ей служила лишь шелковая лента на бедрах.

Девушка вдруг что-то произнесла, но Конан не разобрал ни слова и отрицательно покачал головой. Красавица, не выказав ни малейшего удивления, снова зевнула, потянулась как кошка и заговорила на языке, похожем на язык юйтши и вполне понятном Конану.

– Ты кого-то ищешь?

Она спрашивала таким тоном, будто к ней в спальню вошел старый приятель, а не вооруженный чужеземец.

– Кто ты? – спросил Конан.

– Ятели, – бесстрастно ответила она. – Должно быть, пи-
ривала вчера допоздна, что-то меня в сон клонит. А ты кто
такой?

– Конан, козачий гетман, – проговорил он, следя за каж-
дым ее движением. Что, если равнодушные притворно, что,
если она ищет возможность выбежать из комнаты и переполо-
шить весь дом? Но пусть даже за пологом скрывается шну-
рок сигнального устройства – она не успеет дотянуться.

На ее лице не отразилось ни удивления, ни страха.

– Конан, – повторила она сонно. – Ты не дагон. Должно
быть, наемник. И многих ли юйтши ты обезглавил?

– Я не воюю с водяными крысами, – проворчал козак.

– Но ведь они такие страшные! – прошептала она с дро-
жью в голосе. – Раньше юйтши были нашими рабами. А по-
том восстали. Жгли, убивали всех без разбора. Только вол-
шебство Хосатрала Хела не подпускало их к крепости...

У нее слипались глаза. Тряхнув головой, Ятели недоумен-
но продолжала:

– Как же я забыла... Этой ночью они все-таки поднялись
на стену. Крики, пожары... Тщетно мы звали на помощь Хо-
сатрала...

Она снова тряхнула головой, словно пыталась отогнать
страшное воспоминание.

– Возможно, этого и не было вовсе... Иначе меня бы убили вместе со всеми, а я, кажется, жива... Впрочем, неважно.

Девушка приблизилась к Конану, взяла его за руку и потянула к ложу. Он воспротивился, не зная, что и думать. Девушка улыбалась ему. У нее было лицо засыпающего младенца: глаза затянуты дымкой, шелковистые ресницы опущены. Вялым движением она коснулась тугих черных локонов, словно хотела убедиться, что они настоящие.

– Наверное, это сон. Очень хочется спать. Я ничего не понимаю. Стоит лишь чуточку напрячь память, и голова тяжелеет...

– Ты сказала, юйтши сегодня ночью проникли в город, – произнес встревоженный киммериец. – Расскажи об этом.

– Ничего не помню, – прошептала девушка. – Только дым, пламя и вопли. Из дыма выскакивает голый окровавленный демон, хватает меня за горло и всаживает в грудь нож... Как больно! Но это сон, видишь, шрама не осталось? – Она вяло провела ладонью по гладкой коже и вдруг приникла к могучей груди Конана, обвила руками его шею. – Может, я и сейчас сплю? Туман в голове... Но ты мне не снишься. Ты сильный. Давай жить, пока можно. Давай любить друг друга...

Поддерживая красивую девичью голову сильной рукой, он с наслаждением поцеловал пухлые алые губы.

– Ты сильный, – повторила она слабеющим голосом. – Люби меня... люби...

Сонный шепот стих, веки сомкнулись. И этот город, и де-

вушка казались иллюзией, но теплое и упругое тело в его руках было живым, настоящим. Он торопливо уложил ее на кровать из слоновой кости. Ятели глубоко и ровно дышала, на губах ее блуждала блаженная улыбка. Этот сон был слишком глубоким для естественного, и Конан предположил, что она одурманена наркотиком вроде ксутальского черного лотоса.

Но удивительное на этом не кончилось. Среди мехов на ложе он увидел настоящее сокровище: золотистую, с темными пятнами шкуру гигантского леопарда! Не подделка, а самая настоящая шкура самого настоящего зверя. Если не лгут гиперборейские легенды, этот зверь вымер не менее тысячи лет назад. Восхищенные силой и красотой золотистого леопарда, древние художники оставили его изображения на мраморных плитах. Уму непостижимо – откуда здесь его шкура?

Качая в растерянности головой, Конан прошел через арку в извилистый коридор, остановился и прислушался. И почти тотчас же острый слух уловил приглушенные шаги. Кто-то шел вниз по лестнице, с которой только что спрыгнул киммериец. Чуть позже он вздрогнул – в комнате, только что покинутой им, раздался глухой удар – незнакомец явно повторял его путь.

Быстро повернувшись, Конан побежал по коридору – и вдруг застыл как вкопанный. Перед ним лежал человек: ноги – в коридоре, остальное – в проеме двери, замаскирован-

ной под стенную плиту. Тощий, темнокожий, с бритой головой и жестокими чертами лица, в одной лишь набедренной повязке из шелка. Казалось, смерть нашла его в тот миг, когда он отворил дверь. Заинтересовавшись причиной смерти, Конан склонился над ним и понял, что бритоголового, как и девушку, сморил глубокий сон. Но почему он выбрал столь неподходящее место для ночлега? И от чего уснул? Неужели от усталости?

Из раздумий Конана вывели звуки за его спиной. Приближающиеся по коридору шаги! Брошенный в том направлении взгляд уперся в огромную дверь – похоже, запертую. Конан оттащил в сторону спящего, шагнул через порог, потянул на себя дверь и услышал щелчок замка. Стоя в крошечной мгле, он улавливал шорох ног в коридоре, и по спине бежали ледяные мурашки. Это не человеческие шаги! Но и звери так не ходят!

Миг тишины – и вдруг слабо закрипели дерево и металл. Конан вытянул вперед руку и ощутил, как напрягается, прогибается в его сторону дверь, словно на нее давит огромная тяжесть. Как только киммериец потянулся к сабле, это прекратилось, но зато он услышал бессвязное бормотание, от которого на голове зашевелились волосы.

Конан попятился – и едва не упал. За спиной оказалась узкая лестница, ведущая вниз. Он стал бесшумно спускаться, держа в одной руке саблю, а другой касаясь стены, но не находя других проемов. Ступени увели его довольно далеко

от коридора. Ступив наконец на ровный пол, Конан предположил, что находится уже не в здании, а в подzemелье.

Конан продвигался в непроглядной тьме подземного хода, опасаясь провалиться в какую-нибудь невидимую яму. Вскоре он наткнулся на ступени, поднялся по ним, уперся в обитую железом дверь и нащупал металлический засов. Она поддалась, открыв проход в огромный, слабо освещенный зал. Вдоль пестрых стен выстроились в ряды многочисленные колонны, подпирая грандиозный купол из полупрозрачного дымчатого вещества. Купол походил на затянутое тучами полуночное небо, создавая иллюзию невероятной высоты. Если и просачивался снаружи свет, он дивным образом менялся.

В мрачном сумраке Конан двинулся через зал, ступая по зеленым плитам. Зал был круглым, мебель отсутствовала, лишь напротив двери из громадных бронзовых створок, на невысоком помосте, стоял медный трон. К нему вели дугообразные ступени. Увидев существо, лежавшее, свернувшись кольцами, на троне, Конан отпрянул и вскинул саблю. Но гигантская змея не шевелилась, и он, осмелев, взобрался по стеклянным ступеням. Похоже, змея была не живая, а высеченная из похожего на яшму минерала; неведомый скульптор не пожалел труда, и каждая чешуйка была точь-в-точь как настоящая, даже переливалась всеми красками радуги. Огромная треугольная голова гада уткнулась в воронку, об-

разованную кольцами туловища. Конан не видел глаз и челюстей рептилии, но знал, что такие чудовища водились в тростниковых зарослях на южных берегах Вилайета. Как и золотистый леопард, они давным-давно исчезли. Глиняные статуэтки подобных тварей попадались Конану в капищах юйтши, среди прочих идолов. Видел он таких и на гравюрах древнейшей Книги Склоса.

Конан полюбовался на туловище змеи, толстое как бревно и, должно быть, необычайно длинное, из любопытства положил на него ладонь и обмер, ощутив не гладкую поверхность стекла, металла или камня, а скользкую податливую кожу, под которой струилась холодная кровь. Он с отвращением отдернул руку и медленно, осторожно сошел по ступеням вниз, не отрывая глаз от ужасной твари, угнездившейся на медном троне. Но змея не шелохнулась. При мысли, что оказался в западне, Конан покрылся холодным потом. Но когда приблизился к бронзовой двери, ее створки поддались под нажимом; миг спустя он скользнул в проем и затворил их за собой.

В коридоре с высоким потолком и гобеленами по стенам, где он оказался, царил все тот же зеленоватый сумрак. Разглядеть что-либо в отдалении было невозможно, и это тревожило, даже возникла мысль о кишаших во мгле рептилиях. В дальнем конце коридора могла быть дверь, но путь до нее казался киммерийцу бесконечным.

Ближайший гобелен висел по-особенному, и Конан запо-

дозрил, что за ним пустота. И верно – приподняв край ковра, он обнаружил лестницу, ведущую наверх.

Колебания были недолги – в покинутом им зале зазвучали шаги. Предположив, что незнакомец направляется к этому туннелю, Конан расправил гобелен и побежал по ступенькам.

Лестница привела в изгибающийся коридор, и киммериец шагнул в первый попавшийся дверной проем. Он решил сделать два дела: выбраться целым и невредимым из этой крепости тайн и найти немедийскую девушку, – наверное, она заточена где-то поблизости. В центре города, помнил он, стоит громадное куполообразное сооружение, и в нем, вероятно, живет правитель города. Наверняка пленную красавицу доставили к нему.

Он вошел не в очередной коридор, а в комнату. Не обнаружив в ней никого, был готов двинуться обратно, как вдруг услышал голос из-за стены. Язык был немедийским, но голос – нечеловеческим, напоминавшим колокольный звон в полночь. У Конана бешено забилося сердце, по спине забегали мурашки. Он прислушался.

– В Бездне нет жизни, кроме той, что заключена во мне, – гремело за стеной. – Ни света, ни движения, ни звука. Было лишь стремление, то, что над всякой жизнью. Именно оно заставило меня – слепого, глухого, неподвижного – очнуться. Я пробирался сквозь эпохи, сквозь неизмеримые и неисчислимы толщи мрака...

Гипнотический голос незнакомца заставил Конана забыть обо всем на свете, создал иллюзию присутствия; казалось, варвар сам прожил жизнь Хосатрала Хела, что выкарабкался из Ночи и Бездны в незапамятные времена и облачился в субстанцию материальной вселенной.

Но плоть человеческая явилась бы слишком ненадежным вместилищем для грозной сущности, носившей имя Хосатрала Хела. Его тело походило на человеческое, но сотворено оно было не из обычных плоти, кости и крови. Это первобытное вещество, способное мыслить и действовать, никогда прежде не уподоблялось творению живой природы.

В этом мире он был все равно что бог, земное оружие не могло ни убить его, ни ранить; столетия для него – что для людей часы. После долгих скитаний он поселился среди дикарей, обитавших на острове Дагония, помог им создать сильное, богатое государство, одарил благами культуры и цивилизации. Его стараниями воздвигнут город Дагон, и жители поклонялись Хосатралу. Свирепыми и страшными были его слуги, надолго пережившие своих древних сородичей; они приходили на зов Хосатрала из неведомых далей, выползали из темных пещер, поднимались из морских пучин. Подземные ходы соединили храм с каждым домом, и к любому дагону могли прийти тайком бритоголовые жрецы, чтобы повести его к алтарю на закляние.

Много лет царствовал на острове бог в человеческом обличье. Но однажды на берегу высадилось чужое племя, на-

звавшее себя юйтши. В яростной битве островитяне разгромили примитивных и жестоких пришельцев, а пленных обратили в рабство. Теперь не дагоны, а юйтши стали корчиться в муках на золотом алтаре.

Юйтши боялись колдовства и не пытались бунтовать. Но однажды их жрец, тощий загадочный человек неизвестной расы, ушел в пустыню. Возвратился он с необыкновенным ножом. Металл для кинжала он выплавил из найденного в пустыне камня, что пронзил небо подобно огненной стреле и упал в далекое ущелье.

Рабы восстали. Под ударами кривых, с зубчатыми лезвиями ножей жители Дагона валились как бараны, а против неземного клинка волшба Хосатрала оказалась бессильна. И пока в душившем улицы красном дыму бушевала резня, в таинственном куполе за высоким зданием с тронem и пестрыми, как змеиная кожа, стенами разыгрался последний акт драмы.

Из этого купола жрец юйтши вышел один. Он не убил своего врага, так как задумал держать племя в повиновении угрозой вернуть Хосатрала к жизни. А Хосатрал простерся на золотой плите, и на его груди лежал нож, чья колдовская сила не позволяла владыке Дагона прийти в чувство. И в таком состоянии он мог бы пребывать до последнего дня мира.

Но миновали века, жрец умер, башни и стены опустевшего Дагона разрушились, легенды о нем забылись, а чума, голод и войны уменьшили племя юйтши. Лишь немногие по-

томки восставших рабов ютились в убогих лачугах на берегах Вилайета. Только волшебный купол оставался неподвластным времени. Все же настала ночь, когда его пробил молния. Случайно оказавшийся на острове рыбак заглянул в пролом и увидел спящего на золотой плите Хосатрала. Юйтши попытался завладеть драгоценным клинком – и расстался с жизнью. Но он успел поднять нож с груди колдуна и тем самым разрушить чары.

И Хосатрал пробудился, вновь обретя былое могущество. Играючи сделал он город таким, как многие столетия тому назад. Люди, что когда-то поклонялись ему, восстали из праха. Но отведавшие смерти смогли ожить лишь частично. В дальних уголках души и разума таилась непобежденная смерть. Ночью жители Дагона ходили и любили, ненавидели и пировали, падение города и собственная гибель казались им зыбким сновидением. Живя смутными иллюзиями, они осознавали неестественность своего существования, но не пытались узнать истину. С наступлением дня они погружались в сон, почти неотличимый от небытия.

Все это развернулось перед сознанием Конана страшной панорамой. Скорчившись у гобелена, он боролся с нахлынувшим ужасом, с кишасей тенями вселенной, где крались уродливые существа, наделенные невероятным могуществом. А голос за стеной не умолкал, будто звенел гигантский колокол, торжествуя победу над законами естества, и звуки преследовали разум Конана, летящий сквозь сферы

безумия. В это мгновение тишину пронзил женский крик, и варвар подскочил как ужаленный.

Джехунгир Агха с растущим раздражением ждал в лодке среди тростников. Прошло больше часа, а Конан все не возвращался. Наверняка рыщет по острову, веря, что там спряталась девчонка. Угнетала Агху и другая мысль: а ну как гетман где-то неподалеку оставил своих козаков, и они, встревоженные его задержкой, могут явиться на выручку. В конце концов Джехунгир не вытерпел и дал знак гребцам. Длинная лодка выскользнула из камышей и быстро поплыла к вытесанной в скале лестнице.

Оставив в лодке полдюжины человек, Джехунгир взял с собой десять хаваризмских лучников, могучих витязей в остроконечных стальных шлемах и плащах из тигровой шкуры. Как преследующие льва охотники, со стрелой на тети-ве, они крались меж деревьев. Ничто не нарушало тишины, лишь какая-то зеленая тварь – возможно, попугай – с шелестом широких крыльев пролетела над их головами и скрылась в листве.

Внезапно Джехунгир жестом остановил свой отряд, и все изумленно уставились на башни, возникшие в промежутках между кронами деревьев.

– Тарим! – прошептал Джехунгир. – Пираты заново отстроили твердыню! Подумать только – укрепленный остров у нас под боком! Пошли, надо все осмотреть. Конан там,

больше ему негде прятаться.

Удвоив осторожность, они бесшумно двинулись через заросли – уже не охотники и не преследователи, а разведчики.

А тем временем человек, по чью душу они явились, подвигался опасности куда более серьезной, чем их меткие стрелы.

Торжественно-монотонный голос умолк. По спине Конана бегали мурашки. Он стоял как статуя, не отрывая глаз от занавешенной двери, через которую, несомненно, вот-вот должен войти воплощенный ужас. У него сердце ушло в пятки, когда из сумрака появились голова и гигантские руки. Он не слышал шагов, но огромная фигура приближалась, и вскоре Конан разглядел на незнакомце юбку, широкий пояс из шагреновой кожи и сандалии. На голове сиял золотой обруч.

Конан со страхом и восхищением смотрел на широченные плечи с мускулами, похожими на корабельные канаты, на грудь величиной с бочку, на лицо, в чьих чертах не было и намека на слабость или жалость. Конан знал, что перед ним сам Хосатрал Хел, тварь из Бездны, бог и властелин Дагонии. Не прозвучало ни слова. Да и не было нужды в словах. Увернувшись от огромных ручищ, Конан рубанул великана по животу. И отпрянул в растерянности. Под сводом прокатился звон, сабля отскочила, словно от наковальни, не оставив даже царапины на коже гиганта.

Затем Хосатрал обрушился на него неодолимой лавиной.

Молниеносное столкновение, миг борьбы и сплетения конечностей – и Конан отскакивает, дрожа каждой мышцей от сверхнапряжения. Там, где чужие пальцы рванули его кожу, потекла кровь. Этой краткой стычки хватило, чтобы понять: природа могла создать подобное существо только в припадке безумия. Не человеческая плоть нанесла варвару раны, а живой и разумный металл.

В сумраке Хосатрал навис над воином. Дай этим громадным пальцам сомкнуться – и они не отпустят врага, пока он не обмякнет, расставшись с жизнью. В темной комнате человеку пришлось сражаться с чудовищем, какого не увидишь и в самом кошмарном сне.

Хосатрал шагнул вперед и попытался схватить Конана толстыми пальцами. Но человек оказался проворней.

Выронив бесполезную саблю, Конан схватил тяжелую скамью и изо всех сил швырнул ее в Хосатрала. Удар был так силен, что скамья разлетелась в щепы, – но гигант даже не шелохнулся. В его лице не осталось ничего человеческого, над уродливой головой образовался огненный нимб, и он двинулся вперед, словно башня на колесах.

В отчаянии Конан сорвал со стены гобелен, оказавшийся куда тяжелее скамьи, и, взмахнув им над головой, набросил на великана. Пока Хосатрал выпутывался, Конан подобрал саблю, выскочил в коридор, вмиг преодолел его, хлопнул за собой дверь и задвинул массивный засов.

Сделав шаг назад и обернувшись, он обмер – как будто вся

кровь ударила в голову. Перед ним на груди шелковых подушек съежилась девушка, которую он искал. По обнаженным плечам стекали золотые ручейки волос. В глазах красавицы-немедийки застыл ужас. О том, что его преследует враг, напомнила дверь, выгнувшаяся под чудовищным ударом. Нельзя терять ни мгновения. Октавия не сопротивлялась, когда он нес ее к двери в противоположной стене, только жалобно всхлипывала. На большее у нее просто не было сил.

Возиться с замком Конан не стал – рубанул саблей и помчался по темной лестнице. Бросив взгляд через плечо, Конан заметил, как в проеме показались голова и плечи Хосатрала. Разнести в щепу толстые доски колоссу ничего не стоило.

Конан бежал по ступеням, перекинув через плечо девушку, словно ребенка. Куда ведет этот путь, он не представлял себе, но вот лестница уперлась в дверь куполообразной постройки. Хосатрал несся сзади, бесшумный, как ветер смерти, и такой же быстрый.

Стены комнаты были облицованы массивными стальными плитами; среди них киммериец обнаружил дверь, тоже из металла. Конан затворил ее и задвинул тяжелые засовы. Тут же догадался: он в обители самого Хосатрала – когда-то волшебник заперся здесь, чтобы чудовищные слуги, вызванные из Бездны, не мешали его сну.

Едва Конан успел запереться, как под натиском исполина

заходила ходуном дверь. Варвар осмотрелся и тяжело вздохнул – больше бежать некуда, другого выхода из комнаты нет. Даже окна отсутствовали. Воздух, как и дивный туманный свет, видимо, попадал через стыки между плитами. Конан проверил заточку сабли – оказавшись в западне, он теперь превратился в само хладнокровие. Он не пожалел сил на попытку убежать и будет так же отчаянно сопротивляться, когда великан вломится в купол. Не потому, что есть надежда на саблю, а потому, что не в натуре Конана погибнуть без борьбы. А пока он жив – его спокойствие непоколебимо.

Он устремил на спутницу взгляд, пристальный и такой восхищенный, будто киммериец намеревался прожить еще сотню лет. Прежде чем запереть дверь, он бесцеремонно свалил Октавию на пол. Теперь она, успев подняться на колени, машинально приводила в порядок волнистые локоны и скудное одеяние. Конан пожирал горящими глазами ее гладкую нежную кожу, высокую упругую грудь, великолепные бедра. Несмотря на опасность, он желал ее. Девушка тихо вскрикнула, когда под первым ударом гиганта затрещала спасительная дверь.

Конан не оглянулся, зная, что засовы сломаются не сразу.

– Мне сказали, ты сбежала, – произнес он. – Рыбак юйтши шепнул, что ты прячешься здесь. Как тебя зовут?

– Октавия, – ответила она со вздохом. Затем схватила Конана за руку, и слова ее полились бессвязным потоком: – О Митра, какой ужас! Что происходит?.. Эти темнокожие лю-

ди... В лесу меня поймал один из них и притащил сюда... Нес, как сноп соломы. Он говорил мне... Он грозил... Я сошла с ума? Это сон?

Конан взглянул на дверь, прогнувшуюся, как под ударом тарана.

– Нет, – ответил он. – Не сон. Петли долго не выдержат. Странно, что демон вынужден ломать дверь, как обычный человек. Но сила у него поистине адская.

– Ты убьешь его? – Она с надеждой взглянула ему в лицо. – Ты сильный?

Конан решил ответить честно:

– Если бы обычный человек был способен его убить, то он уже был бы мертв. Но я только затупил оружие о его брюхо...

Глаза девушки потускнели.

– Тогда он убьет тебя... и меня. О Митра! – крикнула она в отчаянии, и Конан схватил ее за руки, опасаясь, что она причинит себе вред.

– Он сказал, что сделает со мной! – Она задыхалась от ужаса. – Лучше убей меня! Убей своей саблей, прежде чем он высадит дверь.

Конан посмотрел на нее и кивнул.

– Я сделаю все, что смогу, – пообещал он. – Но боюсь, я не всемогущ. Постарайся проскочить мимо него, когда мы станем биться, а потом беги к берегу. Я оставил там лодку. Если сумеешь выбраться из дворца, считай, ты спасена. В городе все спят.

Она опустила голову и закрыла лицо ладонями, а Конан с саблей на изготовку встал перед гудящей дверью. По его виду нельзя было сказать, что он идет на верную смерть. Глаза варвара пылали, мускулистая кисть сжимала рукоять оружия.

Но вот петли сорвались под чудовищным натиском, и дверь закачалась на засовах. И эти стальные бруски тряслись, гнулись, рвались из гнезд. Конан почти забыл об опасности, восхищаясь нечеловеческой мощью. И вдруг натиск прекратился.

Конан услышал странные звуки: хлопанье крыльев и голос, похожий на шум полуночного ветра в ночном лесу. Наступила тишина, но чем-то новым повеяло в воздухе, и только обостренный инстинкт подсказал варвару, что повелитель Дагонии больше не стоит за дверью.

Он осторожно посмотрел в щель. На лестнице – никого. Конан снял дверь с покореженных засовов и выглянул в зал.

Пусто. Только далеко внизу лязгнула металлическая дверь. Можно лишь догадываться, что вынудило гиганта переменить адские планы, куда позвал его тихий голос. Промедление смерти подобно. Он окликнул Октавию, и она, почти против воли, поднялась на ноги, пошла на властный зов.

– Что это было? – испуганно спросила немедийка.

– Некогда болтать! – Он схватил ее за руку. – Пошли!

Надежда на спасение взбодрила Конана. Глаза его сверкали, голос окреп.

– Нож! – пробормотал он, грубо таща девушку по ступенькам. – Волшебный клинок юйтши. Колдун оставил его под куполом! Я...

Вдруг Конан замолчал – в голову пришла страшная мысль: купол примыкает к залу, где медный трон, а значит, путь туда лежит мимо чудовищной змеи.

Но киммериец не остановился.

Беглецы быстро спустились по лестнице, пересекли зал, опять сошли по ступенькам и очутились в большом сумрачном помещении с загадочными гобеленами. Перед полуовальной бронзовой дверью Конан схватил Октавию за плечи и с силой встряхнул.

– Слушай и запоминай, – приказал он. – Сейчас я пойду в зал и затворю за собой дверь. Ты жди здесь. Если появится Хосатрал, зови меня. А если я закричу «Уходи!», беги прочь так, будто за тобой демоны гонятся – а это вполне может случиться. Поняла? Я иду за кинжалом юйтши.

Прежде чем Октавия успела что-либо сказать, Конан скользнул за дверь и затворил ее за собой. Когда глаза привыкли к темноте, киммериец разглядел жуткий трон и чешуйчатого монстра на нем. За тронном виднелась дверь, ведущая в комнату под куполом.

Но для того чтобы добраться до нее, надо было подняться на помост и пройти в шаге от трона. Сквозняк над зеленым полом шумел больше, чем крадущийся Конан. Не сводя глаз со спящей рептилии, он взошел на помост и поднялся

по стеклянным ступенькам. Змея не двигалась. Он потянулся к двери...

Лязгнула дверь, и в зал вошла Октавия. Остановилась, высматривая его в сумраке. Он тоже замер, не смея выкрикнуть предостережение. Но тут она увидела его силуэт и побежала к помосту, крича:

– Я хочу быть с тобой! Мне страшно!

Увидев змею на троне, Октавия вскинула руки и завизжала. Треугольная голова поднялась над кольцами и метнулась к ней, в темноте блеснула толстая шея рептилии. Затем змея стала медленно, кольцо за кольцом, сползать из трона, ее отвратительная голова закачалась совсем рядом с полумертвой от ужаса девушкой.

Преодолев расстояние до трона одним гигантским прыжком, Конан изо всех сил ударил саблей. Но змея двигалась с такой же быстротой; она увернулась и обвила ноги и туловище Конана полудюжиной колец. Потеряв равновесие, варвар упал на помост.

Сплетенные тела человека и змеи корчились в неистовой борьбе. Кольца сжимались, пытаясь задушить Конана, и, хотя его правая рука была свободна, он никак не мог изловчиться и нанести смертельный удар.

Скрипя от натуги зубами, напрягая мускулы так, что едва не лопались вены, Конан поднялся. Он стоял посреди зала на широко расставленных ногах и шатался под тяжестью огромной змеи. Чудовище сжимало его все сильнее. В глазах

у Конана потемнело, казалось, вот-вот сломаются ребра. Но в следующий миг над его головой взлетел клинок и, опустившись, разрубил чешую, плоть и позвоночник. Там, где извивался толстенный живой канат, теперь корчились два, вдвое короче. Конана замутило, из носа потекла кровь. Он схватил Октавию и затряс так, что у нее перехватило дух.

– Впредь, если велю тебе стоять – стой!

Если она и ответила, киммериец не услышал. Голова кружилась, он едва держался на ногах. Взяв девушку за запястье, он потянул ее за собой, мимо вьющихся, сплетающихся на помосте останков гада. Возле желанной двери Конан наконец пришел в себя. Издалека доносились полные ужаса и боли вопли, но в ушах варвара все еще звенело от перенапряжения, уши были словно забиты ватой, и он решил, что крики ему чудятся.

Очевидно, поместив у входа змею, Хосатрал счел это достаточной предосторожностью. Конан отворил дверь, ожидая увидеть еще несколько чудовищ, но увидел только заполненный сумраком изгиб пробитого свода, смутный силуэт золотой плиты и блестящий на ней полумесяц. С радостным возгласом киммериец схватил находку.

Больше здесь делать нечего. Взяв за руку девушку, он побежал через большой зал к одной из дверей, которая, как он предполагал, выведет наружу. Чутье не подвело Конана. Улица была безлюдна, но с запада из-за крепостной стены доносились вопли, от которых Октавию затрясло. Киммери-

ец повел девушку к юго-западной стене и без труда нашел примыкающую к ней каменную лестницу.

Обвязав талию красавицы веревкой, которую сделал из прихваченного в большом зале гобелена, Конан спустил ее с парапета, затем слез сам. Теперь у них оставался один путь – к лестнице у западного обрыва. Туда-то они и направились, обходя по широкой дуге место, с которого доносились вопли и ужасающие удары. Октавия чувствовала затаившееся в джунглях гибельное зло. Задыхаясь от бега, она старалась не отставать от своего защитника. Но лес теперь безмолвствовал, и на глаза не попадалось ничего угрожающего, пока они не выбрались на открытое место.

Впереди на краю обрыва возвышалась человеческая фигура...

Джехунгиру Агхе удалось избежать печальной судьбы его воинов. Застигнутые врасплох великаном, внезапно появившимся из крепостных ворот, они продержались недолго. Видя, как сабли витязей ломаются о человекоподобную машину-убийцу, он понял, что враг принадлежит к другому миру и победить его невозможно. Не желая превращаться, подобно злополучным воинам, в месиво из растерзанной плоти и расколотых костей, Джехунгир убежал и спрятался в густых зарослях. Дождавшись, когда стихнут звуки бойни, он прокрался обратно к лестнице. Но не увидел внизу своей лодки.

Оставленные в ней люди, услышав страшные крики, а по-

том и увидев на утесе окровавленного монстра, победно машущего огромными руками, решили больше не ждать. Когда их господин добрался до обрыва, они как раз исчезали среди тростников у противоположного берега. Хосатрал скрылся – то ли вернулся в город, то ли решил поохотиться в джунглях на уцелевших людей.

Джехунгир собирался спуститься к воде и уплыть на челне Конана, когда из лесу вышли гетман и девушка. Пережитый ужас не заставил его забыть, для чего он приплыл на остров, и теперь, при виде вождя козаков, Джехунгир исполнился решимости довести дело до конца. Гадать, как рядом с Конаном оказалась девушка, подаренная Джелал-хану, он не стал – это можно будет выяснить позже.

Джехунгир вскинул лук, но Конан присел, и стрела вонзилась в дерево. Варвар рассмеялся.

– Собака! Напрасно стараешься. Я не для того родился, чтобы умереть от гирканской стали. Попробуй еще раз, туранская свинья!

Джехунгир отбросил лук – в его колчане не осталось стрел. Он выхватил саблю и бросился на Конана, полагаясь на свой остроконечный шлем и плотную кольчугу. Но путь ему преградила сталь. Кривые блистающие клинки рассекали воздух так быстро, что Октавии не удавалось уследить за ними. Вдруг она услышала страшный скрежет, и в следующий миг Джехунгир упал с разрубленным боком, из глубокой раны хлынула на землю кровь. Кольчуга не выдержала,

и сабля киммерийца дошла аж до позвоночника.

Но не гибель бывшего господина вызвала крик Октавии. С оглушительным треском ломая сучья, из леса выскочил Хосатрал Хел. Девушка бежать не могла; обессилевшая от ужаса, она опустилась на землю. Конан, склонившийся над телом Агхи, спастись бегством и не подумал. Перекинув саблю в левую руку, правой он выхватил из-за пояса массивный нож юйтши.

Хосатрал Хел нависал над Конаном, махал руками-молотами, но, как только неземной металл блеснул на солнце, попятился. У Конана тотчас взыграла кровь. Он напал, рубил сплеча серповидным клинком, и тот не ломался. Для его ударов тело волшебника оказалось таким же уязвимым, как и человеческое. Смуглая кожа покрылась ранами, ручейками потекла необычная кровь, и Хосатрал вопил от боли – словно гудел громадный колокол. Напрасно чудовищные ручищи пытались схватить Конана – тот был попроворнее туранских лучников. Он избегал ударов, зато сам наносил их снова и снова.

Хосатрал шатался и заходился криком – будто само железо рыдало от боли. Наконец великан повернулся и бросился бежать, с шумом продираясь сквозь заросли. Конан, охваченный яростью и охотничьим азартом, следовал за ним по пятам. Вскоре за деревьями показались стены и башни Дагона. Тогда Хосатрал предпринял последнюю попытку спастись. Он повернулся и, меся руками воздух, ринулся на Ко-

нана с бешеным воплем, но тот проскользнул под руками чудовища и вонзил кинжал в сердце.

Хосатрал покачнулся и упал на землю. Конан глазам своим не поверил: лицо гиганта быстро исчезало, конечно-сти таяли. В предсмертных муках Хосатрал превращался в тварь, выползшую из Бездны тысячелетия назад.

Брезгливо морщась, Конан хотел было пойти к берегу, но застыл в изумлении, оглянувшись и не увидев за деревьями блеска шпилей. Все развеялось как дым: башни, стены, огромные бронзовые ворота, золото, бархат, слоновая кость, темноволосые женщины и мужчины с бритыми головами. С исчезновением чудовищного разума, породившего этот город, Дагон и все его обитатели погрузились в небытие, и лишь обломки колонн громоздились снова меж разрушенными стенами да к пробитому куполу вели полуразрушенные ступени. Долго стоял гетман в полной неподвижности, с трудом постигая драму эфемерного явления, называемого человечеством, на которое охотятся безобразные твари, порождения Тьмы. Но тут Конана позвал испуганный голос, и он вздрогнул, словно очнулся ото сна. Бросив последний взгляд на останки Хосатрала, он повернулся к обрыву и ожидающей подле него девушке.

Она высматривала его в зарослях и, увидев, вскрикнула от радости. Конан встряхнулся, отгоняя мысли о только что пережитом.

– Где он? – прошептала Октавия.

– Вернулся в ад, туда, откуда выполз, – весело ответил Конан. – Почему ты не уплыла на лодке?

– Я бы не бросила... – начала было она, но осеклась и нахмурилась. – Куда мне плыть? В лапы туранцев? Да и пираты ничуть не лучше их...

– И козаки, – добавил Конан.

– И козаки, – с презрением согласилась немедийка.

Конан восхищался, глядя, как быстро возвращается к ней самообладание. Высокомерие красавицы забавляло его.

– Кажется, в крепости Гори ты думала по-другому, – ухмыльнулся он. – Там ты дарила мне улыбки.

– Думаешь, я заигрывала с тобой? По-твоему, я могу влюбиться в дикаря, жадного до пива и мяса? Нет, Конан. Кокетничая, я выполняла волю своего господина, которого ты только что зарубил.

– Вот оно что! – озадаченно произнес Конан, затем громко рассмеялся. – Как бы то ни было, теперь ты моя. Поцелуй меня, красавица!

– Да как ты смеешь! – возмутилась девушка, но гетман, смеясь, прижал ее к мускулистой груди и жадно пил нектар ее губ до тех пор, пока нежные руки девушки не обвились вокруг его шеи. Потом, пристально глядя в огромные глаза, он спросил:

– Почему бы тебе не предпочесть шатер гетмана вольных людей палатам изнеженной туранской собаки?

Не снимая рук с его плеч, Октавия спросила:

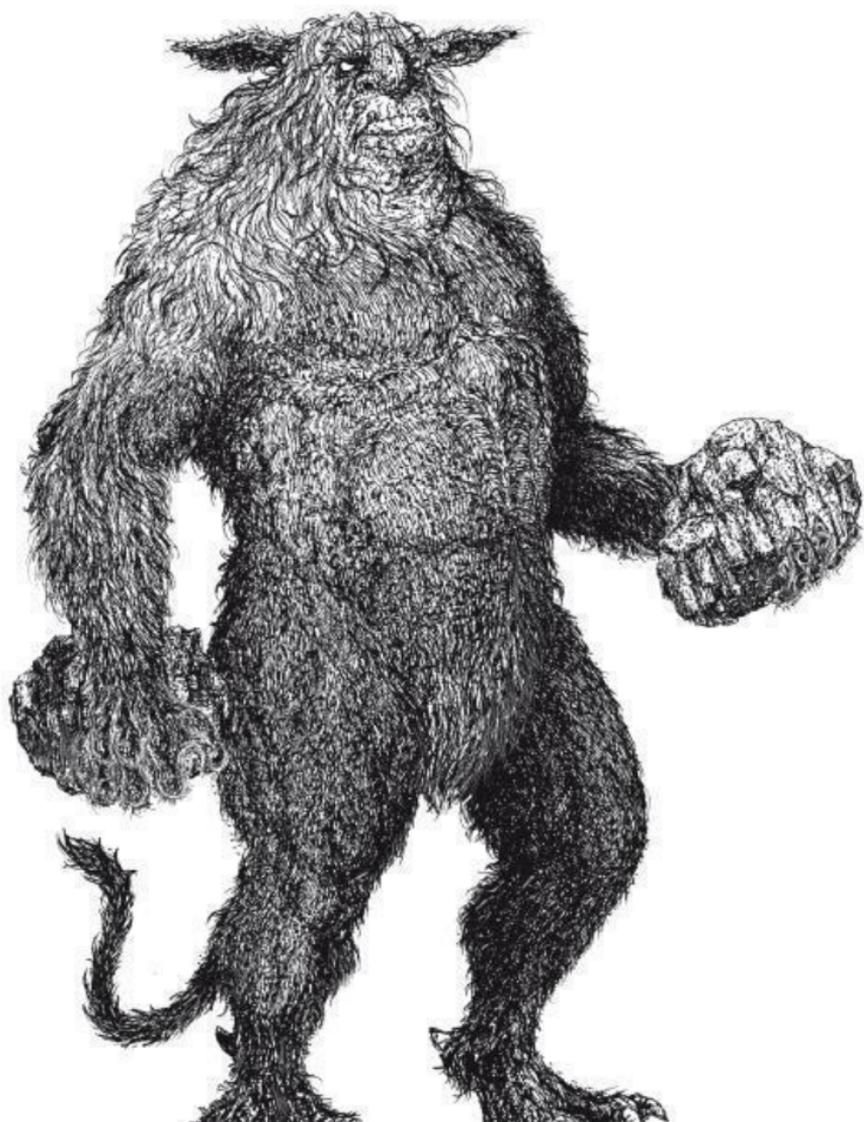
– Хочешь сказать, что твой шатер не уступит дворцу Аг-
хи?

Он со смехом прижал ее к себе.

– Ты убедишься в этом. Я подожгу Хаваризм, чтобы осветить тебе путь в мое жилище.

© *Перевод Г. Корчагина*

Алая цитадель

1

*Мерзавцы Льва поймали на равнине Шема,
Все его сковали железами...
Под вой фанфар они визжали громко —
Еще бы, наконец он заточен!
Беда вам, города, деревни, села, —
Ведь Лев когда-то сможет снова выйти на
охоту!*
Дорога Королей

Шум сражения затихал, победные крики заглушали звон оружия и стоны умирающих. Равнина была покрыта мертвыми телами, словно сухими листьями, сорванными осенним ветром. Лучи заходящего солнца падали на темные шлемы, кольчуги, панцири, сломанные мечи, тяжелые складки знамен, насквозь пропитанных кровью. Рядом с всадниками, облаченными в сталь, лежали лошади в пополах; и гривы, и плюмажи окрасились в багровый цвет. Там и тут изуродованные трупы в измятых стальных шлемах и рваных кожаных куртках — лучники и копейщики, раздавленные копытами.

Над равниной разносились звуки фанфар, отряды победителей со всех сторон стекались туда, где последний из их соперников продолжал безнадежную битву. В тот день были растоптаны, разрублены на куски лучшие рыцари Конана, короля Аквилонии. С пятью тысячами всадников он пересек юго-восточную границу Аквилонии, направляясь к зеленым

равнинам Офира на помощь своему старому другу, королю Амальрусу. Но тот, предав их дружбу, объединил свое войско с армией Страбонуса, владыки Кофа.

Конан слишком поздно догадался, что попал в ловушку. Против пяти тысяч его рыцарей выступили тридцать тысяч неприятельских копейщиков и конных лучников. Конан ринулся в бой во главе своей тяжелой конницы; не имея поддержки ни лучников, ни пехоты, он прорвал вражеский строй в центре и обратил в бегство знаменитую стальную кавалерию Амальруса, но фланги громадного объединенного войска сомкнулись, и рыцари Аквилонии оказались в кольце. Лучники Страбонуса сеяли смерть, их стрелы находили щели в доспехах всадников или валили лошадей, и копья воинов короля Кофа пронзали наездников, сброшенных на землю. К копейщикам в центре примкнули всадники с фланга. Офирские рыцари, успев оправиться от замешательства, перестроили ряды и, усиленные на флангах легкой конницей, нанесли контрудар. Враг подавлял численностью.

Аквилонцы не отступили ни на шаг, и ни одному из пяти тысяч рыцарей, отправившихся с Конаном на юг, не суждено было вернуться живым. И вот король остался один среди трупов своих подданных. Он стоял перед тесными рядами врагов, прижимаясь спиной к груде мертвых коней и воинов. Со всех сторон его атаковали офирские рыцари в золоченых доспехах, коренастые, чернобородые шемиты Страбонуса и смуглые пешие латники Кофа. Звон мечей был оглушителен.

Темный силуэт облаченного в доспехи из вороненой стали короля Аквилонии, рубившего мечом направо и налево, возвышался среди вражеской орды. Повсюду бродили осиротевшие лошади, вокруг Конана грудями лежали трупы. Он защищался яростно, отчаянно и заставил врагов попятиться.

Тогда в ряды вопящих от страха и злобы воинов ворвались короли-победители: Страбонус со смуглым лицом и хитрым взглядом; стройный, худощавый франт – предатель Амальрус, а с ними тощий, страшный, как кобра, Тзота-Ланти, облаченный только в шелка, – кофийский жрец со сверкающими черными глазами и головой стервятника. По свету ходило великое множество слухов об этом некроманте. В северных и западных деревнях светловолосые женщины пугали его именем детей, а строптивые рабы смирялись при одной угрозе, что их продадут ему. Поговаривали, что у него целая библиотека магических книг в переплетах из человеческой кожи и что в просторных подвалах своего дворца он заключает сделки с темными силами, обменивая молодых рабынь на сатанинские тайны. Именно он был истинным властелином Кофа.

Колдун надменно усмехался, глядя, как рыцари натягивают поводья и пятятся от черного силуэта, возвышающегося среди мертвецов. Грозный блеск голубых глаз под измятым шлемом заставлял бледнеть и пятиться самых отважных. Смуглое, покрытое шрамами лицо киммерийца побагровело от ярости. Черная броня на Конане вся изрублена,

длинный меч – в крови по самую рукоять. Налет цивилизованности, приобретенный Конаном в многолетних странствиях, бесследно исчез, он снова превратился в неукротимого варвара, готового сразиться с любыми врагами. Конан был выходцем из племени суровых горцев, испокон веков населявших сумрачные, туманные земли Киммерии. О том, как он взошел на трон Аквилонии, ходили легенды.

Короли не решались приблизиться к нему. Под ударами киммерийца капитаны падали, словно скошенные колосья, и Страбонус, ценивший своих рыцарей на вес золота, исходил пеной от ярости. Не выдержав, он велел лучникам-шемитам издали расстрелять врага, но Тзота отрицательно покачал головой.

– Надо взять его живым.

– Легко сказать! – проворчал Страбонус, опасаясь, как бы гигант в черной броне не прорубился к нему сквозь ошетиленный копиями строй. – Кому под силу скрутить этого тигра-людоеда? Клянусь богиней Иштар, он перебил моих лучших бойцов! Семь лет ушло на их обучение, и стоило оно кучу золота. Теперь же они годятся только грифам на корм. Стреляйте, лучники!

– А я говорю – нет! – возразил Тзота.

Он спрыгнул с коня и поинтересовался с ледяной улыбкой:

– Разве ты не уяснил еще, что мой ум острее меча?

Он прошел сквозь ряды воинов, – великаны в кольчугах

расступались, боясь коснуться его длинной мантии. Всадники тоже спешили посторониться. Перешагивая через трупы, Тзота приблизился к королю Аквилонии. Воины затаили дыхание, над полем сражения повисла тишина. Грозно приподняв окровавленный двуручный меч, киммериец в черной броне возвышался над хрупким жрецом в шелковых одеждах.

– Конан, я дарю тебе жизнь, – произнес Тзота с ядовитой усмешкой.

– Колдун, я дарю тебе смерть! – прохрипел киммериец.

Он напряг стальные мышцы, и длинный меч метнулся к тощей шее Тзоты. Воины вскрикнули в один голос, но ответный жест колдуна не заставил себя ждать: Тзота молниеносно коснулся того места на левом предплечье Конана, где кольчуга была разрублена и виднелась кожа. Свистящая сталь отклонилась, и гигант в черном замертво рухнул на землю. Тзота затрясся в беззвучном смехе.

– Подойдите к нему, не бойтесь. Лев лишился клыков.

Короли пришпорили коней и подъехали ближе, с опаской разглядывая поверженного дикаря. Конан лежал без движения, но в широко раскрытых глазах таилась бессильная ярость.

– Что ты с ним сделал? – со страхом спросил Амальрус.

Тзота показал кольцо необычной формы. Он резко сжал пальцы в кулак, и из перстня выскочило крошечное стальное острие.

– Шип смазан соком пурпурного лотоса с болот Южной Стигии, где живут призраки, – пояснил маг. – Скоро Конан придет в себя, а пока закуйте его в цепи и положите в повозку. Солнце заходит, нам пора возвращаться в Хоршемиш.

Страбонус повернулся к командиру своей гвардии Арбанусу:

– Мы возьмем небольшой отряд кавалерии и повезем в Хоршемиш раненых. А ты на заре отправляйся со своими людьми в Аквилонию и осадь Шамар. Офирцы снабдят вас провиантом. Мы придем с подкреплением, как только уладим свои дела.

Армия закованных в латы рыцарей, лучников, копейщиков и обозников разбила лагерь на лугах недалеко от поля битвы. Той же звездной ночью два короля вместе с колдуном, чьему могуществу они завидовали, отправились в путь к столице Страбонуса. Они ехали, окруженные пышной королевской гвардией. Позади следовал обоз с ранеными. В одной из повозок лежал Конан, король Аквилонии, в тяжелых цепях на теле и с горечью поражения в сердце.

Яд, отнявший у него силу, не парализовал мозга. Трясаясь на дне повозки, Конан проклинал себя за доверчивость. Два дня тому назад к нему прискакал гонец Амальруса с мольбой о помощи – Страбонус, мол, опустошает его восточные земли между Аквилонией и обширным южным королевством Коф. Он просил лишь тысячу всадников, но обязательно под началом самого Конана, дабы укрепить боевой дух офир-

ского войска. И теперь Конан вполголоса бранил себя за то, что привел впятеро больше воинов, чем просил предатель. Киммериец вступил в Офир, ни о чем не подозревая, и угодили в западню. Можно только восхититься мужеством его рыцарей, ведь потребовались две громадные армии, шестикратное численное превосходство, чтобы одолеть пять тысяч храбрецов.

Глаза Конана заволокло красным туманом, вены чуть не лопались от напора крови, в висках стучало. Никогда в жизни не испытывал он такой ярости и бессилия. В памяти мелькали события прошлого, мимолетные сцены, где он был то варваром в звериных шкурах, то наемником в рогатом шлеме и панцире. Побывал и корсаром на борту галеры с драконьим носом, оставляющей за кормой полосу крови вдоль всего южного побережья, и даже закованным в латы капитаном гвардии на черном жеребце. Оказался и королем на золотом троне под знаменем с изображением льва, в окружении вельмож и благородных дам в роскошных платьях.

Но толчки повозки постоянно возвращали его в действительность, к предательству Амальруса и подлой уловке Тзоты. Вспоминая, он скрипел зубами, и только стоны и крики раненых, доносящиеся из других повозок, мало-мальски утешали его.

К полуночи обоз пересек границу Офира, а в лучах восходящего солнца у горизонта засверкали купола Хоршемиша. Над стройными башнями возвышалась угрюмая алая ци-

тадель, издали она казалась кровавым пятном на небе – замок Тзота-Ланти. Единственная узкая дорога, вымощенная мрамором и перегороженная в нескольких местах массивными стальными воротами, вела на вершину горы, где нависала над городом крепость. Склоны горы были слишком круты для восхождения. С высоких стен цитадели открывался вид на широкие улицы города, мощенные белым камнем, на храмы и капища, на роскошные дворцы и убогие хижины, на лавки и базары. Королевский дворец приковывал взгляд; он сиял, как драгоценный камень в оправе из великолепных садов, где росли плодовые деревья и прекрасные цветы, где журчали рукотворные ручьи и били фонтаны хрустально-прозрачной воды. И над всей этой красотой угрюмая цитадель казалась кондором, высматривающим добычу.

Высокие тяжелые ворота между огромными сторожевыми башнями распахнулись, и король вступил в свою столицу, сопровождаемый двумя рядами копейщиков. Пятьдесят труб приветствовали его, но немногие люди вышли на улицы бросать цветы под копыта лошадей. Страбонус скакал впереди. Горожане, с неохотой оставившие свои дела, глазели с разинутыми ртами на короля, вернувшегося раньше времени и с такой малочисленной свитой, и не могли взять в толк, победу это означает или поражение.

Конан, немного пришедший в себя, вытянул шею и приподнялся в повозке, чтобы взглянуть на чудесный город – «жемчужину Юга». К этим золоченым воротам он собирал-

ся подъехать во главе отряда конных рыцарей, под штандартом с изображением льва. Вместо этого его привезли сюда в повозке, скованного по рукам и ногам, словно беглого раба. Конан не удержался от смеха, похожего на рычание затравленного льва.

В стенах цитадели, в зале с высоким сводчатым потолком из резного агата и дверьми, инкрустированными темными драгоценными камнями, состоялась необычная встреча. Израненный, истекающий кровью король Аквилонии стоял перед своими недругами. По обе стороны от него выстроилось шестеро чернокожих гигантов, они сжимали рукояти топоров в могучих руках. Тзота, Страбонус и Амальрус, разодетые в золото и шелка, возлежали на бархатных диванах, а обнаженные мальчишки-рабы подливали вино в их сапфировые чаши. Конан, грязный, в одной лишь набедренной повязке, скованный по рукам и ногам, резко контрастировал с окружающей роскошью. Под прядями спутанных черных волос яростно сверкали голубые глаза.

Но держался он с таким достоинством, что даже спесивые короли испытывали неловкость. Только Тзота, довольный, ухмылялся.

– Да сбудутся наши желания, король Аквилонии, – заявил он. – И чем скорее, тем лучше. А желаем мы расширить империю Коф.

– За счет моего королевства, да, мразь? – проворчал Конан.

– А кто ты такой? Пройдоха, завладевший короной, на которую у тебя не больше прав, чем у любого бродяги, – про-

цедил сквозь зубы Амальрус. – Не горюй, мы тебе за нее заплатим.

Конан оглушительно расхохотался.

– Цена позора и измены! Пусть я всего лишь варвар, но неужели ты думаешь, будто я отдам королевство и свой народ в обмен на жизнь и ваше проклятое золото? Ха! А где вы подобрали свои короны, ты и эта свинья с черным рылом, которая сидит с тобою рядом? То, что вы унаследовали от отцов, не шевельнув пальцем – правда, отравив нескольких братьев, – мне досталось в сражениях. Да вы посмотрите на себя! Разлеглись на шелках и пьянствуете, а простой люд гнет на вас спины! И еще смеете говорить о праве на корону! Я прошел путь от бойца до короля, не жалея ни своей, ни чужой крови, и если кто-то из нас имеет право на корону, то, клянусь Кромом, это я! Докажите, что вы достойней меня! Когда я пришел в Аквилонию, ею правили мерзавцы вроде вас. Бароны раздирали страну на части, народ стонал под бременем налогов. А нынче ни один аристократ Аквилонии не смеет плохо обращаться с моими подданными, и налоги с народа – самые легкие в мире. Ответь мне на это, Страбонус! А ты, Амальрус? Твой родной брат ненавидит тебя, он отхватил кусок королевства на юге и вовсе не желает его отдавать. А сколько замков мятежных баронов осаждают сейчас твои, Страбонус, воины? Уж никак не меньше десятка. В ваших королевствах народ задавлен поборами, а теперь вы и моих подданных хотите ограбить? Ха! Развяжите мне руки,

и я размажу по полу ваши мозги!

Тзота холодно улыбнулся, заметив, как разозлились Амальрус и Страбонус:

– Ты уводишь разговор в сторону, варвар. Наши дела тебя несколько не касаются. Мы хотим от тебя только одного – чтобы ты подписал этот пергамент, отречение в пользу принца Арпелло де Пеллиа. Мы вернем тебе оружие и коня, дадим пять тысяч лунов золотом, а затем проводим до восточной границы.

Ответный смех Конана больше походил на лай дикой собаки.

– То есть отправите туда, откуда я пришел наняться в армию Аквилонии, и украсите клеймом предателя? Арпелло, говорите? У меня были подозрения насчет этого мясника. Вы не можете открыто грабить, вам нужен предлог, пусть самый ничтожный. Арпелло уверяет, будто он – особа королевской крови, вот вы и пользуетесь им, чтобы оправдать воровство! Хотите поставить у власти сатрапа? На мое согласие не рассчитывайте.

– Дурак! – рявкнул Амальрус. – Ты в наших руках! Мы тебя не то что короны – головы можем лишить, когда захотим.

Ответ Конана не был по-королевски благородным, зато ярко характеризовал его как личность. Варварская природа зачастую брала в нем верх над хорошими манерами. Конан плюнул прямо в глаза Амальрусу. Король Офира с ревом вскочил, выхватил меч из ножен и бросился на Конана, но

тут вмешался Тзота.

– Погоди, государь! Этот человек – мой пленник!

– Прочь, колдун! – прорычал Амальрус, разъяренный насмешливым блеском голубых глаз Конана.

– Назад, я сказал! – рявкнул Тзота.

Его тощая рука вынырнула из обшлага и бросила горсть бесцветного порошка в искаженное злобой лицо короля Офира. Амальрус взвыл от боли, выронил меч и упал на диван под равнодушными взглядами кушских стражников.

Страбонус поспешил припасть к чаше с вином. Руки его заметно дрожали. Вскоре серые глаза Амальруса прояснились.

– Я чуть не ослеп, – проворчал он. – Что ты со мной сделал, колдун?

– Всего лишь дал понять, кто здесь хозяин, – сухо ответил Тзота, сбрасывая маску услужливости и обнажая демоническую сущность. – Страбонус уже получил однажды такой же урок, теперь – ты. Я бросил тебе в глаза немного пыли из стигийской гробницы. Если сделаю это еще раз, ты до конца дней своих не увидишь света.

Амальрус пожал плечами, улыбнулся и взял чашу, топить в вине страх и гнев. Опытный дипломат, он быстро обрел уверенность в себе, по крайней мере внешнюю.

Тзота повернулся к Конану, который бесстрастно следил за происходящим. По знаку колдуна негры схватили киммерийца и потащили по длинному извилистому коридору, вы-

мощному разноцветными плитками. Стены коридора были обиты золотистой и серебристой материей, со сводчатого потолка свисали золотые курительницы, наполняя галерею душистым дымом. Затем люди свернули в коридор со стенами из нефрита и агата – узкий, темный и жуткий. Он упирался в бронзовую дверь, над которой угрожающе скалился череп. У двери стояло отвратительное жирное существо со связкой ключей в руках – Шукели, главный евнух Тзоты, о котором говорили, что любовь к чужим страданиям заменяет ему все нормальные человеческие чувства.

За бронзовой дверью находилась узкая лестница, уводившая в самое сердце горы, на которой стояла цитадель. Маленькая процессия спустилась по ступенькам и остановилась возле железной двери, способной выдержать удар тарана. Шукели провернул ключ в замочной скважине, отворил дверь и шагнул в сторону, уступая путь. При этом Конан заметил на лицах чернокожих стражников беспокойство, да и сам евнух с опаской заглядывал в темноту. За дверью оказалась решетка из толстых стальных брусьев, запертая на хитроумный замок, отпиравшийся только снаружи. Шукели повозился с замком, и решетка ушла в стену. Переступив порог, все оказались в широком коридоре, прорубленном в скале.

Цепь Конана продели в кольцо, вмурованное в гранитную стену. В нише над головой укрепили факел так, чтобы пленник находился в полукруге рассеянного света. Сделав это,

негры поспешили уйти, что-то бормоча себе под нос и боязливо вглядываясь в темноту. Тзота повернулся к Конану, и король не без тревоги заметил, что глаза колдуна светятся, а зубы скалятся по-волчьи.

– Прощай, варвар, – с издевательской улыбкой произнес Тзота. – Я тороплюсь в Шамар, хочу принять участие в осаде. Через десять дней я буду пировать в твоём дворце, в Тарантии. Что передать твоим женщинам, прежде чем с них сдерут красивую кожу, в которую я переплету хронику побед Тзота-Ланти?

Конан ответил страшным киммерийским ругательством, от его рева могли лопнуть барабанные перепонки у обычного человека, но Тзота лишь усмехнулся и вышел. Конан видел его силуэт за толстыми брусьями, когда евнух задвигал решетку. Затем лязгнула тяжелая железная дверь, и в подземелье воцарилась тишина.

3

Конан ощупал кольцо в стене и натянул цепь. Руки были свободны, но он сознавал, что даже его исключительной силы недостаточно, чтобы разорвать хотя бы одно звено, сработанное из стального прута толщиной в палец. Цепь крепилась к железному обручу вокруг пояса. Замок, стягивающий обруч, был чересчур массивным, не разобьешь и молотом, а кольцо не уступало ему в прочности.

Киммериец выругался и всмотрелся во мрак. Черная глубь коридора таила в себе нечто злое. Все суеверные страхи, дремавшие в душе варвара, проснулись. Воображение населяло мглистые галереи чудовищами. Разум подсказывал Конану, что враги обрекли его на медленную смерть в каменном мешке. О том, что он отказался от предложения победителей, Конан не сожалел. Он не продал бы своих поданных мяснику ни за какие сокровища, хотя в борьбе за аквилонский трон думал лишь о собственной выгоде. Случается, и нередко, что даже у отъявленного грабителя просыпается чувство долга.

Конан вспомнил отвратительную угрозу Тзоты и застонал от бессильной ярости, понимая, что колдун не из тех, кто бросает слова на ветер. Нежные руки, ласкавшие Конана, алые губы, прикипавшие к его губам, юные груди, дрожавшие под страстными поцелуями... И со всех этих бедняжек

сдерут кожу, белую, как слоновая кость, нежную, как цветочные лепестки?!

Из горла Конана вырвался звериный рык. Дрожащее эхо прокатилось по галерее и напомнило пленнику о его собственном положении. Конан опасливо взгляделся во мрак, вспоминая ужасные рассказы о жестокости некроманта Тзоты. С дрожью подумал он, что попал в знаменитые Залы Ужаса, о которых говорили только шепотом. Именно здесь Тзота ставил гнусные опыты над людьми, животными и, по слухам, даже над демонами. Говорили, будто Ринальдо, сумасшедший поэт, побывал в этих каменных мешках по приглашению Тзоты, и тот демонстрировал ему ужасы, описанные впоследствии в «Песнях подземелья». Это отнюдь не было вымыслом больного мозга, разлетевшегося, кстати, под ударом топора в тот день, когда Конан защищался от убийц, проведенных во дворец безумным стихотворцем. Вспоминая строфы зловещей поэмы, Конан обливался холодным потом.

Внезапно киммериец уловил слабый шелест и насторожился, весь обратившись в слух. Он не мог ошибиться: по камням скользила чешуйчатая кожа. На лбу Конана выступил холодный пот, когда в сумраке за полукругом света блеснули желтые глаза, а затем он увидел страшную треугольную голову, которая покачивалась на вытянутой шее, а на полу – скользкое извивающееся туловище огромного гада.

Такую змею Конан лицезрел впервые в жизни, подобное

чудище даже в дурном сне не привидится. В длину рептилия достигала восьмидесяти футов, голова ее размерами не уступала лошадиной. В сиянии факела поблескивала белоснежная чешуя. Змея, несомненно, родилась и выросла в подземелье, однако ее злобные глаза видели на свету не хуже, чем в темноте. Она свилась в несколько огромных колец и приблизила голову к лицу Конана. Раздвоенный язык, выныривая из пасти, почти касался его губ. От гнусного запаха рептилии варвара затошнило. Огромные желтые глаза жгли Конана, он завороченно смотрел в них, борясь с искушением сомкнуть на шее твари железные пальцы. Однажды, в бытность свою корсаром, Конану ценой невероятных, нечеловеческих усилий удалось раздавить череп питона. Но эта змея, в отличие от питона, была ядовитой: с громадных, длиной в фут клыков, кривых, как сабли, капала бесцветная жидкость. Возможно, Конан и сумел бы сокрушить треугольный череп (страх удвоил его силы), но риск, что чудовище успеет вонзить в него зубы, был слишком велик. Рассудок подсказывал, что он лишь отдалает неминуемую гибель, но инстинкт самосохранения оказался сильнее, он превратил мускулы киммерийца в камень.

Змея подняла над Конаном чудовищную голову и замерла, рассматривая факел. Капля яда упала на голое бедро пленника – словно к нему приложили раскаленное железо. Нестерпимая боль пронзила тело, однако он не выдал себя ни дрожью мускулов, ни трепетом ресниц. Он только поду-

мал, что рубец от раны останется навсегда.

Змея покачивалась, будто пыталась понять, жив Конан или нет. И вдруг глухо лязгнула железная дверь. Змея с невероятной быстротой исчезла во тьме.

Дверь распахнулась, решетка въехала в стену. На пороге, в сиянии факелов, горевших в коридоре, появился человеческий силуэт. Пришелец скользнул в камеру и осторожно задвинул решетку, но так, чтобы не сработал запор. Бесшумно ступая по каменному полу, к Конану приблизился огромный негр с длинным мечом в одной руке и связкой ключей в другой. Негр обратился к нему на языке жителей побережья, которому Конан научился, когда пиратствовал у берегов Куша.

– Много лет я мечтал встретиться с тобой, Амра, – произнес негр.

Он назвал Конана именем, под которым его знали кушиты: Амра-Лев. Кривая улыбка осветила черное лицо, глаза недобро вспыхнули в полумраке.

– Я рискнул головой, чтобы увидеть тебя. Посмотри, вот ключи от твоих оков! Я украл их у Шукели. Сколько ты за них заплатишь?

Он побренчал ключами под носом у Конана.

– Десять тысяч лунов золотом! – выпалил Конан.

– Мало! – вскричал негр. – Слишком мало. Здесь бродят чудовища, а Шукели, если обнаружит пропажу ключей, прикажет меня повесить. Ну, так сколько ты дашь?

– Пятнадцать тысяч лунов и дворец в Пуантене, – сказал

Конан.

Негр зарычал и затопал ногами.

– Мало! – закричал он ликующе. – Я хочу больше! Не жадничай, Амра!

– Ах ты, черная собака! – взвыл Конан, рассвирепев. – Кабы не оковы, я бы тебе шею сломал. Уж не послан ли ты евнухом, чтобы поиздеваться надо мной?

– Шукели ни о чем не подозревает, белый человек, – ответил негр, вытягивая шею, чтобы заглянуть Конану в глаза. – Я давно тебя знаю, я был вождем свободного племени, а потом стигийцы увезли меня на север и продали в рабство. Ты позабыл, как вместе с морскими волками разграбил и сжег Абомби? Забыл, как перед дворцом короля Аджаги убил одного вождя, а другой убежал? Ты убил моего брата, а убежал я. Ну, назови же цену его крови, Амра!

– Освободи меня, и получишь столько золота, сколько вешишь, – проворчал Конан.

Налитые кровью глаза негра злобно сверкнули, соперничая с волчьим оскалом:

– Ты такой же, как все белые собаки, но для черного человека золото никогда не станет ценой крови. Плата, которую я возьму... это твоя голова!

Последнее слово он проревел во всю силу легких, и оно отозвалось в бесконечных коридорах мрачным эхом. Конан застыл, натянув цепь, ожидая неминуемой смерти. И вдруг обмер от страха: в темноте за спиной негра появился рит-

мично покачивающийся смутный силуэт.

– Тзота никогда ни о чем не узнает! – захохотал чернокожий. Опьяненный злобной радостью, он не подозревал о нависшей над ним смерти. – Он не скоро спустится в подземелье, а к тому времени демоны растащат твои кости, Амра. А я унесу твою голову!

Стоя на широко расставленных ногах, он обеими руками поднял меч. Под черной кожей, тускло блестящей в свете факела, вспухли огромные мускулы. В ту же секунду гигантская тень выпрямилась и бросилась на него...

Звук удара клинообразной головы о человеческое тело раскатился по подземелью. Толстогубый рот негра округлился от невыносимой боли, но не выронил ни звука. Конан неотрывно смотрел в огромные глаза кушита – в них, как задутое пламя свечи, гасла жизнь. Следующий удар отбросил черного великана на стену. Извивающееся чудовище скользнуло следом, обвило его несколько раз, и Конан услышал страшный хруст костей. Меч и ключи выпали из рук негра и, звякнув об пол, отскочили почти к самым ногам киммерийца.

Он попытался наклониться, но цепь не пустила. Сердце бешено стучало в груди, запирало дыхание. Конан сбросил с ноги сандалию и подцепил ключи пальцами. Он едва не закричал от радости, когда ключи оказались в руке.

Еще немного возни с замком, и оковы упали на пол. Конан подобрал меч, взглянул на змею, тащившую прочь бес-

форменное, ничем уже не напоминающее человеческое, тело. Киммериец повернулся к открытой двери. До порога несколько шагов... Внезапно под сводами раскатился ехидный смех. Решетка гулко ударилась в стену, лязгнул замок. Между брусьями появилась страшная ухмыляющаяся морда... Евнух Шукели хватился своих ключей. Обрадованный тем, что успел преградить Конану путь к свободе, он не заметил меча в его руке. Пленник с громким криком прыгнул к нему, широкое лезвие коброй метнулось между брусьями, и смех Шукели превратился в хрип.

Евнух сложился пополам и упал, держась жирными ладонями за распоротый живот.

Конан удовлетворенно крикнул: поделом мерзавцу. Однако сам он все еще оставался пленником. Ключи были бесполезны: замок отпирался только снаружи. Он ощупал толстые брусья. Может, попробовать мечом? Он не рискнул лишиться единственного оружия. Изучая решетку, он нащупал вмятины, похожие на следы невероятных клыков, и с дрожью подумал о том, какие же неведомые чудовища так упорно атаковали эту преграду.

Оставалось искать другой выход. Взяв из ниши факел и сжимая в другой руке меч, Конан углубился в галерею. Змея и ее жертва исчезли, только по полу тянулся кровавый след.

Безмолвная тьма, пронзенная мигающим светом факела, сомкнулась вокруг него. В стенах туннеля виднелись проемы боковых ходов. Боясь угодить в ловушку, Конан смотрел

под ноги и никуда не сворачивал, пока не уловил жалобное всхлипывание, похожее на плач женщины. Чего-чего, а подобных звуков он никак не ожидал здесь услышать. «Наверное, одна из многочисленных жертв Тзоты», – подумал он и, еще раз прокляв колдуна, пошел на рыдания по коридору с низким потолком и сырыми стенами.

Чем дальше уходил он от галереи, тем громче звучал плач. Наконец, подняв факел, он замер от ужаса, а затем отпрянул, разглядев у себя под ногами омерзительное чудовище. Короткие бесформенные щупальца непрерывно извивались, а туловище напоминало студень. Конана чуть наизнанку не вывернуло от этого зрелища. Голова твари походила на лягушачью, из разинутой пасти с багровыми губами исторгались рыдания. Когда выпуклые глаза завидели Конана, рыдания превратились в гадкий смех, и чудовище поползло к нему.

Конан повернулся и пустился бежать. Сразиться с тварью он не рискнул – подобную нечисть, решил он, вряд ли убьет оружие людей. Некоторое время за спиной слышались шлепки склизкого тела по полу и дикий смех. Так смеялись похотливые женщины в Шадизаре, Городе Роскоши, когда у них на глазах раздевали молодых рабынь. Каким демоническим искусством воспользовался Тзота, чтобы дать жизнь этой гадине? Тут явно попирались извечные законы природы.

Направляясь к главной галерее, Конан очутился в небольшом квадратном зале, откуда вправо и влево вели два туннеля. Вдруг он споткнулся обо что-то мягкое, вскрикнул и

растянулся на полу. Факел выпал из его руки и погас. Ошеломленный падением, Конан неуверенно поднялся на ноги и побрел ощупью. Факел он не стал искать, ведь его все равно нечем было зажечь. Неизвестно, сколько времени пробырался он в полной темноте, но внезапно инстинкт варвара предупредил его об опасности.

Он застыл на месте. Однажды он испытал такое же ощущение, оказавшись ночью на краю пропасти. Конан опустился на колени и стал ощупывать пол. Очень скоро он обнаружил край колодца. Протянув над ним руку с мечом, дотронулся до противоположного края. Конечно, он мог бы перепрыгнуть через колодец, но решил не рисковать. Только он собрался пойти назад, как ощутил слабое колебание воздуха; ветерок из колодца шевелил его черные спутанные волосы. Конан содрогнулся и попытался было убедить себя, будто колодец ведет во внешний мир, но инстинкт подсказывал – этого не может быть. Он находился не только в чреве горы, но и глубоко под землей. Откуда же взяться сквозняку? Из колодца доносился еле слышный гул, будто где-то вдали грохотали барабаны. Конана бросило в пот.

Он вскочил на ноги и пятился до тех пор, пока из колодца не вылетело нечто. Конан не мог сказать, что это было; он абсолютно ничего не видел, но ясно чувствовал присутствие разума, чудовищно отличающегося от его собственного. Конан повернулся и со всех ног бросился прочь.

Далеко в глубине туннеля он заметил крошечную крас-

ную искру. Побежал к ней, налетел на каменную стену и увидел тлеющий факел у своих ног. Конан поднял его и раздул огонь. Поглядев на взметнувшееся пламя, с облегчением вздохнул – он снова в зале, где расходятся туннели. Тут пламя заколебалось, будто на него подул невидимка. Конан снова ощутил чье-то присутствие и, подняв факел, огляделся.

Он ничего не увидел, но смутно почувствовал, что в воздухе парит кто-то неосязаемый и невидимый, изрыгая непристойности и проклятия, которых Конан не слышал, но улавливал интуитивно. Он взмахнул над головой мечом – сталь на миг увязла, словно наткнулась на прочную паутину.

Он бросился в туннель, чувствуя на затылке горячее, зловонное дыхание.

Лишь выскочив в широкий главный коридор, он понял, что оторвался от погони, и снова пустился в путь, ежесекундно ожидая нападения из темноты. В подземелье слышались то демонический хохот, то протяжные вопли, то вой гиены, неожиданно сменившийся отвратительной руганью на человеческом языке. Конан слышал крадущиеся шаги и в проемах туннелей различал силуэты безобразных тварей.

Киммериец, снявший со стены коридора факел, находился в самом центре ада, сотворенного колдуном Тзота-Ланти; казалось, он обречен тут скитаться до скончания века. Но в главной галерее чудовищ не попадалось, хотя он отчетливо слышал голодное урчание и ловил на себе плотоядные взгляды из боковых ходов.

За спиной послышался шорох. Он отскочил в ближайший коридор, торопливо затушив факел. По галерее ползла гигантская змея, отяжелевшая от последней своей трапезы. Рядом с Конаном какая-то тварь взвизгнула от страха и метнулась прочь. Вот почему так нерешительны прочие твари, сообразил Конан. Главный коридор – охотничьи уголья змеи, остальные чудовища его сторонятся.

Для Конана же змея была меньшим из всех зол. Он даже почувствовал к ней некоторую симпатию, вспомнив рыдающую и хохочущую тварь и зловещего невидимку из колодца. Змея, по крайней мере, земное существо: это ползучая смерть, но она угрожает только телу, тогда как некто из колодца покушался также на душу и разум.

Когда змея проползла мимо, Конан снова раздул факел и последовал за ней на почтительном расстоянии. Но не сделал и нескольких шагов, как из ближайшего туннеля донеслись жуткие стенания.

Осторожность советовала Конану продолжать путь, но любопытство взяло верх. Он поднял выше факел, от которого почти ничего не осталось, углубился в коридор и вдруг замер в изумлении, хотя, казалось, был готов ко всему.

В просторном зале, отгороженном от подземного хода решеткой, вмурованной в пол и потолок, виднелся силуэт, похожий на человеческий. Конан пригляделся. Человек был оплетен растением наподобие виноградной лозы, таким выюном с крошечными листьями и кроваво-красными цве-

тами, росшим как будто прямо из каменного пола. Тонкий и гибкий стебель оплел нагое тело жертвы, цветы, казалось, прижимались к нему в страстном поцелуе. Большой цветок распустился у самого рта. Громкие мученические стоны срывались с губ несчастного, голова дергалась в приступе невыносимой боли, в тусклом стеклянном взгляде сине-зеленых глаз, устремленном на Конана, не было и проблеска мысли.

Внезапно огромный темно-красный цветок ожил и прижался лепестками к губам. Человек извивался в муках, ветки и листья растения дрожали, словно в экстазе. Окраска вьюна менялась на глазах, становясь все более яркой, ядовитой.

Конан не понимал, что происходило в клетке, но страдания пленника – будь он человеком или демоном – тронули сердце привычного ко всему киммерийца. Он поискал вход и обнаружил решетчатую дверь с тяжелым замком; к нему подошел ключ из связки. Тотчас ядовитый вьюн подобрался, уподобился потревоженной кобре и качнулся навстречу, угрожающе вытянув усики. Растение явно было наделено разумом и чувствами и следило за ним, излучая волны ненависти.

Конан осторожно подошел поближе и увидел место, где из сплошной скалы появлялась лоза – крепкий стебель толщиной с человеческое бедро, покрытый гладкой корой. Когда длинные ветви, грозно шурша листьями, потянулись к нему, киммериец взмахнул мечом и перерубил стебель одним ударом.

Несчастный пленник в тот же миг отлетел в сторону, но громадная лоза, как обезглавленная змея, корчилась на полу. Ветви щелкали об пол, словно хлысты, листья тряслись и трещали, как кастаньеты, цветы съеживались в агонии. Наконец вьюн вытянулся и застыл, цветы поблекли, тошнотворная белая жидкость из перерубленного ствола образовала на полу лужу.

Конан заворуженно смотрел на мертвую тварь, пока шорох за спиной не заставил его резко обернуться и вскинуть меч над головой. Но удара не последовало – Конан застыл как вкопанный, раскрыв от изумления рот.

Спасенный успел подняться на ноги, его глаза уже не выглядели остекленевшими. Темные, задумчивые, они светились умом; узкая, гордо посаженная голова с высоким лбом, стройная фигура, маленькие кисти рук с длинными пальцами и узкие стопы – все говорило об аристократическом происхождении этого человека. Первые же его слова на кофском наречии поразили Конана.

– Который нынче год? – спросил недавний беспомощный узник растения.

– Сегодня десятый день месяца Юлука, года Газели, – ответил Конан.

– Великая Иштар! – пробормотал незнакомец. – Десять лет!

Он провел ладонью по лбу и встряхнулся, сбрасывая оцепенение.

– Сплошной туман в голове. Что ж, через десять лет полнейшего безмыслия вряд ли можно ожидать от мозга, чтобы он соображал, как встарь. Кто ты?

– Конан, выходец из Киммерии, а ныне – король Аквилонии.

Незнакомец удивился.

– Вот как? А Нумедидес?

– Я задушил его на троне в ту ночь, когда захватил столицу.

Ответ короля вызвал улыбку на губах узника.

– Прости, государь. Я должен был сначала поблагодарить тебя за услугу, ведь ты избавил меня от сна, более глубокого, чем смерть, и наполненного адскими кошмарами. Скажи, почему ты перерубил ствол растения, а не вырвал его с корнем?

– Я с давних пор усвоил одно правило – не следует касаться руками того, что видишь впервые, – ответил Конан.

– Bravo. Если бы ты схватил Ятгу, тебя не спас бы и меч. Его корни тянутся до самого ада. Представляешь, каких тварей ты мог выдернуть вместе с ними?

– А кто ты такой? – поинтересовался наконец Конан.

– Меня зовут Пелиас.

– Как?! – вскричал Конан. – Маг Пелиас, соперник Тзоты, исчезнувший с лица земли десять лет назад?

– Только с лица земли, – горько усмехнулся Пелиас. – Тзота не убил меня, он подыскал мне оковы куда страшнее,

чем ржавое железо. Он запер меня вместе с чудовищным вьюном, семена которого прилетели из космоса и только в аду, кишашем мерзкими тварями, нашли для себя пригодную почву. Я не мог вспомнить ни одного заклинания из-за этой мерзости, изводившей меня погаными ласками. Она пила мои мысли, и голова моя была пуста, как разбитая амфора. Десять лет! Да поможет мне Иштар!

Конан молчал, сжимая догоревший факел. Он пытался убедить себя в том, что этот человек безумен, но не находил тому подтверждения в спокойном взгляде сине-зеленых глаз.

– Скажи, колдун в Хоршемише? – спросил Пелиас. – Впрочем, нет нужды спрашивать. Силы возвращаются ко мне, и я вижу в твоём мозгу великое сражение и пленение обманутого короля. И вижу Тзота-Ланти, скачущего к Шамару со Страбонусом и королем Офира. Тем лучше. Я еще не окреп после долгого сна и пока не хотел бы встречаться с Тзотой. Мне потребуется некоторое время, чтобы окончательно прийти в себя. Пойдем, незачем здесь оставаться.

Конан потряс связкой ключей.

– Наружная решетка заперта на засов, его не отодвинуть изнутри. Нет ли другого выхода из проклятого подземелья?

– Есть один, но мы им не воспользуемся, поскольку он ведет вниз, а не вверх, – с улыбкой ответил Пелиас. – Ну да не беда. Пойдем посмотрим на ту решетку.

Он направился в туннель. Его ноги, одеревеневшие от долгой бездеятельности, подкашивались, но мало-помалу

походка становилась все уверенней. Идя за ним, Конан заметил:

– По этому коридору ползает огромная змея. Как бы ее не потревожить.

– Я ее помню, – проворчал Пелиас. – На моих глазах эта гадина сожрала десятерых моих верных слуг. Это Сатха, любимица Тзоты.

– Значит, Тзота велел прорубить ходы в скале, чтобы населить их своими чудовищами?

– Нет, твари появились задолго до Тзоты. Три тысячи лет назад король Коссус Пятый, основавший Хоршемиш на месте древних развалин, воздвиг свой дворец на вершине горы и приказал прорыть подземный ход. Землекопы, расчищая место для кладовых, наткнулись на запертую дверь, взломали ее и обнаружили эти ходы. Но когда великого визиря Коссуса, рискнувшего спуститься в подземелье, постигла ужасная гибель, перепуганный король велел наглухо запереть дверь. Всем было объявлено, что великий визирь упал в колодец, – погребя засыпали, а сам король вскоре переселился в долину, в другой дворец. Но и оттуда он однажды сбежал в страхе, обнаружив на мраморном полу своей спальни черную плесень. Он перебрался со всем двором на восток королевства и основал там новый город. Покинутый дворец на горе мало-помалу разрушился. Когда Аккуто Первый решил вернуть Хоршемишу былую славу, он отстроил на месте дворца крепость. Она стояла, пока тут не появился Тзо-

та-Ланти и не перестроил ее в Алую цитадель. Он снова открыл дверь в подземелье. Какова бы ни была причина смерти великого визиря короля Коссуса, Тзота сумел избежать его участи. Он спустился в колодец и вернулся оттуда со странным выражением лица, которое с тех пор не покидает его. Я тоже видел это отверстие, но у меня не возникло желания лезть туда в поисках мудрости. Я маг и обладаю большей силой, чем думают люди, но я все же человек. А что касается Тзоты... Говорят, недалеко от развалин на холме Дагота однажды уснула шадизарская танцовщица, а проснулась она в объятиях черного демона, и от этого адского союза появился на свет проклятый выродок, зовущийся ныне Тзота-Ланти...

Конан пронзительно закричал и отскочил в сторону, увлекая за собой спутника. Перед ними выросла белая фигура Сатхи, глаза ее сверкали тысячелетиями копившейся ненавистью ко всему живому. Конан изготовился к отчаянному броску, выставил перед собой факел и меч, но змея даже не смотрела на него, она злобно уставилась на Пелиаса, а тот спокойно улыбался, скрестив руки на груди. И в огромных желтых глазах гада ненависть постепенно превратилась в страх, в ужас... В следующее мгновение змея исчезла, словно унесенная порывом ветра.

– Что ее так напугало? – спросил Конан, с опаской поглядывая на Пелиаса.

– Гады земные видят то, что ускользает от взора человеческого, – загадочно ответил волшебник. – Ты видишь мою те-

лесную оболочку, а она – обнаженную душу.

Ледяной пот потек по спине Конана при мысли о том, кто же Пелиас на самом деле – человек или демон в человеческом обличье. Он уже всерьез подумывал, не вонзить ли меч в спину волшебника, пока не поздно, но тут они подошли к решетке, прутья которой казались черными в мерцании факелов.

За решеткой, привалившись к брусьям, сидел Шукели в луже крови. Пелиас оглушительно захохотал.

– Клянусь белоснежными бедрами Иштар, это наш привратник, благородный Шукели собственной персоной! Не ты ли подвесил моих людей за ноги и сдирал с них кожу, вопя от удовольствия? Ты спишь, Шукели? Скажи, отчего твое жирное брюхо стало плоским, как у жареного поросенка?

– Он мертв, – растерянно пробормотал Конан.

– Живой или мертвый, – смеясь, сказал Пелиас, – но он сейчас нас выпустит. – Волшебник громко хлопнул в ладоши. – Встань, Шукели! Вернись из ада, поднимись с залитых кровью плит и отвори своим хозяевам! Вставай, говорю!

Под сводами прозвучал стон, и тело Шукели зашевелилось. У Конана встали дыбом волосы, а по спине заструились ручейки ледяного пота. Под смех Пелиаса, безжалостный, как удары топора, евнух медленно поднялся, цепляясь толстыми пальцами за брусья решетки, и открыл безжизненные остекленевшие глаза. Из широкой раны на животе выпали длинные кишки. Топча их ногами, евнух, как автомат,

отодвигал засов. Наблюдая за ним, Конан подумал, что Шукели каким-то чудом остался жив, но нет... Он давно уже был мертв.

Пелиас спокойно перешагнул через порог, и Конан поспешил за ним, обливаясь потом и стараясь не задеть страшное существо, которое цеплялось за отодвинутую решетку. Пелиас даже не взглянул на Шукели, а Конану происходящее казалось кошмарным сном. Сделав несколько шагов, он услышал позади глухой стук и оглянулся. Труп Шукели лежал на пороге.

– Сделав свое дело, он вернулся в ад, – любезно объяснил Пелиас, притворяясь, что не замечает, как дрожат колени могучего варвара.

Они поднялись по длинной лестнице и миновали бронзовую дверь. Конан держал меч на изготовку, ожидая нападения, но в цитадели царила тишина. Пройдя темным коридором, они вступили в зал, где покачивались курительницы, наполняя воздух дивными ароматами. Никто не встретился им по пути.

– Рабы и воины живут в другом крыле цитадели, – объяснил Пелиас. – Сегодня их господина нет, и они, наверное, пьют вино и сок черного лотоса.

Конан выглянул из высокого стрельчатого окна с золотыми подоконниками, выходящего на широкую террасу, и крикнул от неожиданности, увидев синее небо, усеянное звездами. Его заточили в каменный мешок с первыми лу-

чами солнца, а сейчас было за полночь. Он и не подозревал, сколько пробыл под землей. Внезапно он обнаружил, что ужасно проголодался.

Пелиас провел Конана в зал с позолоченными сводами, серебряным полом и стенами, облицованными лазуритом, и там устало опустился на диван.

– Наконец-то я вижу золото и шелка, – сказал он. – Тзота уверял, что он выше телесных наслаждений. Но он – полудемон, а я – человек, хотя и волшебник. Я люблю удобства и вкусную еду. Между прочим, Тзота скрутил меня, когда я выпил лишнего и уснул. Вино – предатель, клянусь белоснежными грудями Иштар! И хитрый предатель: стоило о нем вспомнить, а оно уже на столе. Надо воздать ему по заслугам. Налей-ка мне чашу, друг мой... О нет, я забыл, что ты король. Я тебя сам обслужу.

– К демонам церемонии, – проворчал Конан, наполняя хрустальную чашу и подавая Пелиасу. После чего опрокинул над собственным ртом кувшин. – Этот пес знает толк в вине, – заметил он, вытирая губы. – Но, клянусь Кромом, нет смысла ждать, пока проснутся воины и перережут нам глотки.

– Не беспокойся, друг мой. Не желаешь ли посмотреть, что поделывает Страбонус?

Глаза Конана заблестели. Он до белизны в суставах пальцев стиснул рукоять меча.

– Страбонус! – воскликнул он. – Как я мечтаю выпустить

ему потроха!

Пелиас взял со столика из черного дерева большой блестящий шар.

– Хрустальный шар Тзоты. Детская игрушка, но при нехватке времени на более серьезные чары вполне годится. Смотри, государь!

Он поставил шар перед Конаном, и тот взгляделся в его сумрачную глубину. Перед ним вереницей проплывали образы. Вот знакомый пейзаж: пологие берега извилистой реки, равнина, которую обступили низкие холмы. На северном берегу высится крепостная стена города, вдоль нее тянется ров.

– Клянусь Кромом! – вскричал Конан. – Это Шамар! Его осадили проклятые псы!

Захватчики уже переправились через реку и разбили лагерь в узкой долине между городом и холмами. Воины лезли на стены, их доспехи поблескивали в лунном свете. Со стен и башен на них сыпались стрелы и камни, штурмующие пятились и снова шли на приступ.

Конан выругался, а между тем эта сцена сменилась другой: высокие башни и сверкающие купола пронзают туманное небо. Конан узнал свою столицу Тарантию, охваченную смятением. Он видел пуантенских рыцарей в стальной броне, самых верных своих воинов, выезжающих из ворот. Народ, столпившийся на улицах, бранил и освистывал их. Он видел, как рыцари с гербом Пеллиа на щитах врывались в

башни и дома и творили бесчинства на улицах и площадях. И над всем этим нависало призрачное, искаженное гримасой торжества лицо принца Арпелло де Пеллиа.

Изображение всколыхнулось и сгнуло.

– Вот оно как! – сжал кулачищи Конан. – И народ предал меня... Стоило мне уехать...

– Не совсем так, – перебил его Пелиас. – Людям сказали, что ты умер и теперь некому защитить их от захватчиков и предотвратить междоусобицу. Естественно, они приняли сторону сильнейшего из дворян, дабы избежать ужасов анархии. Люди помнят недавние войны и не доверяют пуантенским рыцарям... А Арпелло – самый влиятельный принц метрополии.

– Как только я вернусь в Аквилонию, он лишится головы и будет гнить в яме у Башни Изменников! – Конан заскрипел зубами от злости.

– Как бы ты ни спешил, – напомнил Пелиас, – Страбонус явится в столицу раньше тебя. А его рыцари разграбят по пути все твое королевство.

– Твоя правда! – Конан метался по залу, как лев в клетке. – Самый быстрый конь не домчит меня до Шамара раньше полудня. А если бы и домчал – это не спасло бы королевство, ведь крепость скоро падет. От Шамара до Тарантии скакать не меньше пяти дней, даже если насмерть загнать лошадей. Прежде чем я попаду в столицу и соберу армию, Страбонус окажется у наших ворот. А собрать войско нелег-

ко – проклятые дворяне разбежались по своим уделам, услышав о моей смерти. Народ изгнал Троцero де Пуантена, и никто не помешает алчному Арпелло завладеть короной... и сокровищами. Он страну отдаст в руки Страбонуса в обмен на соломенный трон, а едва уедет Страбонус, поднимет народ на восстание. Но дворяне не поддержат его, и Страбонус воспользуется мятежом как предлогом и открыто захватит королевство. О Кром и Сет! Дайте мне крылья, чтобы домчаться до Тарантии с быстротой молнии!

Пелиас, задумчиво барабанивший пальцами по нефритовому столику, при последних словах Конана резко встал и поманил его за собой. Король, охваченный печальными мыслями, поднялся вслед за ним по мраморной, с золотыми перилами, лестнице на самую высокую башню. Ветер, свистевший в звездной ночи, вмиг растрепал черные волосы Конана. Внизу сияли огни Хоршемиша, казалось, они более далеки, чем звезды над головой. Сдержанный, задумчивый Пелиас выглядел величественным, как сам космос. Глядя ввысь, он произнес:

– И на земле, и в морской пучине, и в просторах небесных обитают существа, неизвестные людям. Однако с помощью волшебства и Абсолютного Знания мы можем повелевать ими. Смотри и не бойся, они не злы.

Он простер руки к небу и издал протяжный клич, наполнивший собою все вокруг. Дрожа и затихая, крик унесся к самым звездам. Затем наступила тишина, и Конан, заметив в

вышине черные крылья, попятился в испуге. Еще миг, и перед ним опустилось гигантское существо, похожее на летучую мышь, и устремило на короля спокойный взгляд огромных глаз.

– Садись и лети, – велел Пелиас. – К рассвету это создание примчит тебя в Тарантию.

– Клянусь Кромом! – вскричал Конан. – Не сон ли это? Может, я сплю сейчас у себя во дворце и вижу кошмарный сон? Я не могу оставить тебя одного среди врагов.

– Обо мне не беспокойся, – заверил его Пелиас. – На заре народ Хоршемиша узнает о том, что у него уже новый владыка и что тебя унесли боги. Мы встретимся снова на равнине у Шамара. Счастливого пути.

Конан с опаской взобрался на спину летучей твари и обхватил руками изогнутую шею, весьма сомневаясь, что ему не снится фантастический кошмар. Распластав крылья, черное существо с шумом взвилось в небеса, и у Конана закружилась голова, когда он увидел далеко под собой башню и городские огни.

На улицах Тарантии толпились люди, размахивая секирами и ржавыми пиками, а кто и просто голыми кулаками. Занималась заря второго дня осады Шамара.

События развивались с невероятной быстротой. Благодаря стараниям Тзота-Ланти весть о поражении и гибели короля достигла Тарантии менее чем за полдня после начала штурма. И тотчас возникла суматоха. Бароны умчались из столицы, нахлестывая лошадей, чтобы защитить свои замки от жадных до чужого добра соседей. Королевство Конана, казалось, было на грани распада, и народ дрожал от страха. Люди молились, чтобы вернулся король и защитил их от своих дворян и иноземных врагов. Граф Троцero, которого король назначил командиром городской стражи, старался успокоить людей, но те, напуганные и сбитые с толку, вспомнили о гражданской войне и что тот же граф Троцero несколько лет назад брал штурмом Тарантию. На улицах кричали, что Троцero предал короля. В некоторых кварталах наемные воины грабили лавки и гонялись за женщинами.

Троцero обрушился на погромщиков, загнал их в казарму и арестовал зачинщиков. Несмотря на это, народ по-прежнему негодовал, считая, будто граф намеренно учинил смуту, решив напугать этим горожан.

Принц Арпелло предстал перед обескураженным Коро-

левским Советом и заявил готовность взять бразды правления в свои руки и удерживать их до тех пор, пока не появится новый король. У Конана не было сына, и, пока обсуждался вопрос о наследнике, слуги принца терлись в толпе и подбивали народ встать на сторону Арпелло. В зале Совета были слышны крики горожан, собравшихся под окнами дворца: «Арпелло – наш спаситель!» И Совет уступил.

Троцero сначала отказался подчиниться его решению, но горожане накинулись на него с воплями и руганью, стали бросать камни в его рыцарей. Поняв, что сражения с воинами Арпелло на узких городских улицах ему не выиграть, Троцero швырнул в голову соперника свой жезл начальника стражи и, приказав напоследок повесить на рыночной площади командиров наемников, выехал через южные ворота с пятнадцатью сотнями тяжелой кавалерии. Как только за пуантенцами с грохотом опустились решетки, маска добродушия свалилась с лица Арпелло, обнажив клыки голодного волка.

Он предстал перед взбудораженным народом на коне-великане и под одобрителный гвалт обманутой толпы провозгласил себя королем Аквилонии. Канцлера Публиуса, возмущенного дерзостью самозванца, бросили в темницу. Купцы, с облегчением принявшие нового короля, были ошеломлены первым же его указом, по которому весь торговый люд Тарантии облагался непомерными налогами. Шестеро богатых и уважаемых купцов, избранных в делегаты, выступили

с протестом, но их арестовали и казнили без всяких церемоний.

Простой народ не волновала судьба купцов, но и он начал роптать в ответ на повсеместные грабежи, которые можно было сравнить разве что с налетом туранских бандитов. К Арпелло потекли жалобы на вымогателей, насильников и убийц. Принц временно расположился во дворце Публиуса, так как отчаявшиеся советники, осужденные по его приказу, заняли оборону в королевском дворце при поддержке части гарнизона. Вскоре, однако, Арпелло захватил нижний этаж дворца, и наложницы Конана, жившие там, были опозорены. Люди ворчали, видя, как королевские красотки бьются в грубых объятиях воинов. Темноглазые толстушки из Пуантена, стройные брюнетки из Заморы, Зингары и Гиркании, златоволосые красавицы из Бритунии плакали от страха и стыда – они не привыкли к насилию.

На растревоженный город опустилась тьма, а после полуночи пронесся слух, что кофийцы не удовлетворились разгромом армии Конана и атакуют Шамар. Об этом поведал шпион Тзоты, и люди затрепетали от страха, даже не удивляясь тому, сколь быстро дошла до них новость. Они стали барабанить в ворота королевского дворца и требовать от Арпелло выступить с войсками на юг и изгнать врага. Арпелло мог бы объяснить, что у него мало войск и что набрать большую армию нельзя, поскольку бароны не признали его королем, но, опьяненный властью, он просто расхохотался в

лицо горожанам.

Тогда один молодой студизус по имени Афемидес взобрался на колонну на рыночной площади и обвинил Арпелло в пособничестве Страбонусу, а затем нарисовал согражданам страшную картину будущей жизни под властью кофийцев и сатрапа Арпелло. Он не завершил своей речи, а толпа уже редела от страха и ярости. Арпелло приказал воинам схватить юношу, но люди заслонили его телами и принялись швырять в воинов камни и все, что попало под руку. На толпу обрушился ливень стрел, однако Афемидесу удалось ускользнуть из города. Он пустился вдогонку за Троцero, надеясь уговорить его освободить Тарантию, а затем выступить на помощь Шамару.

Афемидес нашел Троцero и его рыцарей в лагере неподалеку от города. Граф как раз приказал снимать шатры и двигаться в Пуантен, город на юго-западе королевства. На мольбы молодого человека он ответил, что у него слишком мало сил для штурма Тарантии, да и сражения со Страбонусом ему не выиграть даже при поддержке горожан. Кроме того, жадные дворяне разграбят Пуантен, пока он будет биться с кофийцами. Король умер, теперь каждый сам за себя.

В то время как Афемидес уговаривал Троцero, толпа бесновалась на улицах и площадях у королевского дворца, выкрикивая проклятия в адрес Арпелло. А тот стоял на краю башни возле дворца и хохотал. Его гвардейцы, выстроившись вдоль зубчатой стены, держали наготове луки и арба-

леты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.